

Александра Авророва
Она была актрисой
М: Эксмо-Пресс, 2003

Сцена первая

Репетиция

Виктория Павловна напряженно смотрела на сцену. Ну, Таша, кажется, хороша. Большого таланта у девочки нет, однако роль ей досталась словно скроенная по личной мерке. Увидевшие юное дарование впервые — решат, разумеется, что открыли звезду. А увидеть будет кому, уж об этом она, Виктория Павловна, позаботилась. Она подняла все свои старые богемные связи, она крутилась, как вор на ярмарке, но сумела-таки заручиться обещаниями многих влиятельных критиков, да и просто влиятельных в театральных кругах лиц. Они придут, обязательно придут на премьеру, и вот тогда — либо пан, либо пропал. На кон поставлено все, игра идет ва-банк. Нет, проигрыш невозможен!

Появилась Дашенька. Честное слово, здесь есть потенциал! Она-то играет вовсе не себя, а совершенно другую личность, но кто заподозрит? Словно живет на сцене, ничего не изображая. Удивительно, что не она, а Таша — родная племянница самого Евгения Борисовича. Кстати, скоро его выход. Здесь волноваться будет незачем, Преображенский — гений, он вытянул бы даже самую провальную пьесу. Только где он? Пора бы уже, девчонки и Кирилл, их партнер, держат паузу из последних сил.

Мощный рык заставил всех вздрогнуть. Казалось, где-то за кулисами завелся разъяренный лев, которого только что коварно лишили законной добычи. Однако присутствующие твердо знали, что находятся не в дикой саванне и даже не в зоопарке, а в затрапезном Доме культуры, где из животных водятся только крысы. Впрочем, даже от современных крыс, сильно развившихся под влиянием цивилизации, было трудно ожидать подобных звуков. Этим голосом, поставленным не хуже, чем у старых МХАТовских мастеров, обладал лишь один из актеров самодеятельной студии — кто же, как не Евгений Борисович Преображенский!

Виктория Павловна вздохнула. Она давно выработала тактику общения со своим сложным подопечным, но каждый раз с трудом заставляла себя к ней прибегнуть. Впрочем, теперь альтернативы не было. Накануне премьеры козырную карту близящейся игры следует холить и лелеять. Поэтому пришлось порывисто вскочить и броситься в направлении загадочного рыка.

За кулисами царил бардак, благоразумно скрытый полумраком. Встревоженные студийцы кольцом стояли в коридоре, а в центре кольца возвышался Преображенский, высокий, мощный, чуть полнеющий мужчина с незапоминающимся лицом, про которое один коллега с завистью заметил: «Как чистый лист бумаги — рисуй, что надо». О господи, мало ему внимания, которое магическим образом притягивает на сцене, так вечно устраивает спектакли в жизни!

— Что случилось, Евгений Борисович? Как вы нас всех напугали! Мы боялись, с вами случилось что-то страшное, но вы, слава богу, целы!

В интонации ни в коем случае не должна пробиваться ирония — сплошная восторженная забота круглой дуры о своем идеале. Он это любит.

— Если и цел, то с помощью бога, а не этой гнусной твари, — пророкотал Преображенский, жестом отвергнутого дочерью короля Лира (совсем недавно сыгранная шикарная роль) указывая на одну из топтавшихся рядом женщин. Невыразительные черты переменились, приобретя несомненную царственность.

От прокаженной отодвинулись, и Виктория Павловна узрела Тамару Петровну. Час от часу не легче! Тамара Петровна Полякова — второй подарок судьбы, вторая козырная карта, на которой можно строить большую игру. Правда, козырь этот скрыт от посторонних глаз, лишь в конце завтрашней программки (кстати, после репетиции обязательно напомнить Тамаре Петровне, чтобы проследила за работой типографии), так вот, в конце программки будет тускло отмечено — «ведет спектакль Т. П. Полякова». Можно было бы и не отмечать, да уж больно эта дама обидчива. Чуть что — в слезы. Наверное, дело в возрасте, недаром говорится «что старый, что малый». Конечно, шестьдесят — не совсем старость, так что физически и умственно Полякова в полном

порядке. Всю жизнь просидев в каком-то НИИ рядовым инженером, она с детства бредила театром. С семьей как-то не получилось, вот и осталась одинокой старой девой, из тех, которые составляют ядро поклонниц многих артистов, — разумеется, не смазливых мальчишек, атакуемых сексуально озабоченными акселератками, а настоящих артистов и артисток. Подобные зрительницы способны профессионально разобрать любую пьесу, они наизусть помнят роли своих кумиров, тонко отличая проходные от судьбоносных. Они — идеальные потребители той неуловимой субстанции, ради создания которой и существует театр, но, увы, природа не дала им таланта творить. А они отдали бы за этот талант, за право прикоснуться к мифическому миру сцены все на свете!

И вот в шестьдесят Тамара Петровна осуществила заветную мечту. Нет, в ней не проснулся дремавший дотоле гений, она стала не жрицей, а прислужницей, однако такой, без которой жрецы прекрасного не могли бы существовать.

А с бытовой точки зрения дело выглядело так. Душой студии, ее богом-творцом являлась Виктория Павловна Косицкая. Почти двадцать лет назад она закончила режиссерское отделение театрального института, подавала неплохие надежды, но после бурного романа вышла замуж за военного и отправилась кочевать с ним по просторам необъятной в те годы родины. Формально никогда не работала, да обычно было и негде, однако не упускала случая организовать самодеятельный театр. Скучающие офицерские жены были рады проявить себя и развлечься, так что недостатка в актрисах не было, а энергия и обаяние Вики приманивали в студию актеров-мужчин. Между делом родила сына Лешку (сейчас парню тринадцать). Недавно вернувшись с мужем в Питер, попыталась возобновить старые связи. Многие однокурсники достигли степеней известных, а некоторые при этом умудрились не забыть милую Вичку, обещали помочь устроиться. Но тут грянуло страшное. Мужа послали в Чечню, и не прошло и месяца, как он погиб.

Вика всегда полагала, что ее Сашка — не слишком-то яркая личность. Иногда даже удивлялась, и как ее в свое время угораздило так сильно в него влюбиться? Молчаливый, спокойный, почти флегматичный. Что есть он, что нет. Мог целый день просидеть дома, практически не подавая голоса. Подвижной, как ртуть, активной жене это казалось диким. Но почему-то другие мужчины, куда больше соответствующие идеалу, тонко чувствующие, артистичные, абсолютно ее в сексуальном плане не привлекали. Решив смириться со странной особенностью своего организма, Вика стала верной, хотя не слишком-то домовитой спутницей жизни. Впрочем, Сашка не жаловался. Раз ему требуется в квартире армейский порядок, значит, сам и должен его наводить — подобную максимум считали справедливой оба супруга. Оба также были согласны с тем, что ему повезло отхватить жар-птицу, она же запросто могла бы подыскать себе кое-что получше.

И вот теперь, когда Сашки не стало, выяснилось — лучше быть невозможно. Выяснилось — это иллюзия, что незаметно, есть он или нет. Его присутствия, одного факта его существования было достаточно, чтобы пронизывать Викину душу невидимыми токами, которые и составляли основу счастья. Оказывается, жилось так легко и просто, поскольку в жизни была опора, неосязаемая, но надежная. Пока ты дышишь, необходимости воздуха не чувствуется, а вот лишишь его — и умрешь.

Вика не умерла, хоть и была готова. Ведь рядом находился моментально повзрослевший Лешка, его нельзя оставить в этом мире одиноким. Привидением бродила она по дому, машинально ела подsunутую сыном еду, машинально ложилась вечерами в кровать, однако не засыпала, а все прокручивала в памяти прошлое, с тоскою понимая — если б вернуться назад, вела бы себя иначе, повторяла бы мужу вновь и вновь: «Я люблю тебя, я люблю тебя как же сильно, как сразу после первой встречи, но по-другому!» Господи, скольких радостей она его лишила из-за собственной слепоты, и вот теперь ничего не поправишь!

Знакомые пытались выразить сочувствие — Вика грубо их обрывала. Она не хотела ни с кем разговаривать. Постепенно ее оставили в покое. В конце концов, кому приятно, выполняя тягостный долг по отношению к ближнему, наткнуться на вопиющую неблагодарность? Только Лешка продолжал теревить, заставляя иногда возвращаться из сомнамбулического состояния к жизни. Это раздражало, поскольку в подобные моменты боль усиливалась, становясь совсем нестерпимой.

А потом Лешка деловито сказал:

— Мама, хочешь, я заделаю все щели, и мы откроем газ? Говорят, это совсем не больно. Все лучше, чем так.

И тут Вика вдруг явственно представила мертвое тело сына, которое заколачивают в гроб. Словно Сашку хоронят снова. Снова убивают и снова хоронят, будто мало было одного раза, будто замкнулось кольцо времени и страшные события станут повторяться вновь и вновь. И она поняла, что ей есть, что терять в этой жизни и, следовательно, жизнь продолжается.

Но восстала из пепла не прежняя Вика, в сорок лет все еще ощущавшая себя девчонкой. Родилась Виктория Павловна, зрелая женщина, беззаботная активность которой преобразовалась в умение твердо идти к намеченной цели, а наивный эгоцентризм — в прагматическое использование окружающих.

Цель была проста — не сойти с ума в пустом мире, где больше нет Сашки. Значит, требуется... язык не поворачивается произнести... требуется заменить его... нет, не другим мужчиной, это нелепо, но неким стержнем, способным поддержать развалины порушенной души.

Сперва Виктория Павловна сделала таким стержнем любовь в сыну, но быстро опомнилась. Она видела, как оголтелые матери калечат мальчишкам судьбы, пестуя инфантильных субъектов, до старости не обретающих самостоятельности. А Лешка должен вырасти похожим на отца — мужественным, верным, умным, — и, следовательно, любовь к нему нельзя превращать в культ, нельзя душить ребенка излишней заботой, надо дать ему право набить шишек, как бы ни хотелось подстелить всюду соломки. Виктория Павловна сумела взять себя в руки и направить лавину нахлынувших чувств к сыну в более спокойное русло, а загадочная энергия, заставляющая беспричинно тосковать, снова потребовала выхода, и он нашелся — искусство.

Едва Виктория Павловна поняла, что ей нужно, она тут же взялась за дело. Возобновила порванные богемные связи, мило извинилась за свою грубость, была почти всеми прощена, и ей подыскали работу ассистента режиссера в одном из солидных театров. Однако не прошло и месяца, как вновь нахлынула тоска. Быть девчонкой на побегушках, пусть и при талантливом хозяине, не то, чем Виктория Павловна могла заглушить боль в сердце. Лучше быть первым на деревне, чем вторым в городе — исходя из данного принципа, она стала подыскивать новое место и приземлилась, наконец, кружководом при Доме культуры. Знакомые недоумевали. Зарплата мизерная, престиж нулевой, окружение дилетантское — честное слово, у бедной Вички после смерти мужа начались явные заскоки!

Но Вичка знала, чего добивается. Она была неплохим, хотя и не выдающимся режиссером. Не интересуясь внутренним миром окружающих и не понимая его, она зато чутко отмечала внешние его проявления. Присущая от природы деловая жилка давно научила отгадывать по выражению лица, интонации, пластике человека — если не душевные качества, то, по крайней мере, каких поступков следует от этого человека ожидать и каким способом легче всего добиться от него желаемого поведения. В результате Виктория Павловна не только ловко управляла актерами, но и помогала им создавать на сцене легко распознаваемые типажи. Ее не волновало, почему герой делает то-то и то-то, однако она помнила, как личность подобного типа обычно выглядит, как говорит, как ходит. «Все, будто в жизни», — восторгались довольные зрители. Впрочем, что это была за публика? Мужья да любовники задействованных в спектакле гарнизонных красоток. Здесь, в Питере, будет посложнее, но комплексом неполноценности Виктория Павловна не страдала и надеялась, что главное — получить возможность проявить себя, а успех никуда не денется. Да, она начинает с нуля, зато имеет полную свободу. В занюханном Доме культуры должны быть счастливы получить образованного и бескорыстного специалиста, энтузиаста своего дела.

Она и впрямь не думала о деньгах и не считалась с затратами времени. Сперва в театральную студию принимались все желающие. Поскольку ярко выраженного лидера не нашлось, Виктория Павловна начала с «Мышеловки» Агаты Кристи. Небольшое число почти равнозначных персонажей, схематичных, но ярких, динамичная интрига — в общем, недаром эта пьеса часто выручает провинциальные труппы. Некоторую скованность актеров, лишенных серьезного таланта, легко списать на особенности жанра — ведь каждый герой что-то скрывает, потому и скован! Знаменуя новую эру в истории кружка, на премьеру собрались не только родственники и знакомые участников, но и родственники и знакомые работников Дома культуры, и всем понравилось. Вскоре потянулся тоненький, но постоянный ручеек желающих влиться в студию

Косицкой, и Вика получила возможность отбирать лучших. Принятых же ранее официально не выгоняли, однако бездарным почему-то не находилось подходящих ролей, и балласт потихоньку отпал.

Тогда и появилась Наташа Преображенская — Таша, как все ее называли. Двадцатилетняя студентка филфака, довольно хорошенькая, с толстой каштановой косой и серьезными карими глазами. Умна и не без артистических способностей, хотя на героиню не тянет — нет той энергетике, которая держала бы зал. Виктория Павловна приняла бы девочку в любом случае, но фамилия заставила внутренне вздрогнуть и с деланным безразличием произнести:

— Приятно, что вы однофамилица замечательного артиста, Евгения Борисовича Преображенского.

— Я его племянница, — пояснила Таша. — Но, к сожалению, дядя Женя теперь не играет. Он стал предпринимателем.

— Успешно?

— Он все делает успешно.

Легкая ирония последней фразы насторожила. Виктория Павловна поняла, что безопаснее не пережимать, однако сердце затрепетало от острого предвкушения удачи. Да, хотя Преображенскому всего сорок пять, он теперь не играет. Гениальный актер сменил за двадцать лет полдюжины театров, нигде не уживаясь по причине отвратительного характера. Главные роли получал редко — все по той же причине, — но был бесподобен в любом эпизоде. А затем однажды, взяв в бухгалтерии расчетный лист и узрев там заработанную сумму, начисленную, впрочем, в полном соответствии с единой тарифной сеткой, сплунул и заявил: «Жилы рвать за такие гроши — оставайтесь сами, а Преображенский, он вам не идиот, он цену себе знает!» И занялся коммерцией, причем в области, совершенно не связанной с искусством.

Эту историю за последние два года Виктория Павловна слышала неоднократно. И так, два года Евгений Борисович отлучен от театра. Но талант-то никуда не делся и требует выхода! В подобной ситуации можно согласиться даже на роль в любительской постановке. В любительской, оно и лучше, поскольку не кажется отступлением. Вовсе он не возвращается на сцену, а по доброте душевной в свободное время осчастлиливает по просьбе племянницы Дом культуры. Хобби такое у предпринимателя! А что племянница обязательно попросит, Виктория Павловна не сомневалась. Ее только следует понемногу к данной мысли подтолкнуть, вот и все.

Однако сперва Таша привела в кружок не дядю, а Дашеньку, и Виктория Павловна не сразу пришла от нового приобретения в восторг. Женщин и так перебор, требуются мужчины, а не очередная инженерю! Дашенька же выглядела именно инженерю: миловидная хрупкая блондинка с вьющимися волосами до плеч и удивленными, словно детскими голубыми глазами. Когда-то она училась с Наташей в одном классе, а теперь была студенткой Технического университета. В отличие от Таши, умом не блистала, явно подчиняясь более сильной характером и яркой подруге. Однако стоило девочке начать играть, как опытная руководительница почуяла тот магнетизм, ту харизму, какой не обладала племянница Преображенского. Школы нет, но природные данные несомненны, и потому из Дашенька было решено лепить звезду — местного, разумеется, масштаба. Это — подарок судьбы, хоть и не столь важный, как Тамара Петровна, встречу с которой Вика полагала второй по значимости удачей после хитрого заманивания самого Преображенского.

Вышедшая на пенсию театралка жила неподалеку от Дома культуры, прослышала о студии, пришла — и осталась при ней. Она делала рутинную работу, столь нелюбимую Викторией Павловной. Обзванивала актеров, шила им костюмы, писала объявления, следила за порядком — да всего не перечислишь! Вика и не надеялась на подобную помощницу. Соответствующей ставки не было, а где в наши времена найдешь человека, который станет пахать день и ночь бесплатно? Нашлась. Главное, не забывать ее нахваливать, а уж она из шкуры вылезет! Сидит на каждой репетиции с горящими глазами, словно ей пятнадцать, а не шестьдесят — даже приятно.

А что касается Преображенского, легкой победы Виктория Павловна и не ждала. Склонность там, судя по всему, имелась не менее выдающаяся, чем талант, так что следовало хорошенько продумать тактику.

— Интересно, Таша, твой дядя не захочет как-нибудь заглянуть к нам, чтобы дать несколько советов? Это было бы бесценной поддержкой!

Разумеется, никакой поддержки не требовалось, но мужики падки на лесть.

И впрямь заглянул, довел своей критикой женщин до слез, всячески стремился задеть Викторию Павловну, а та лишь беспомощно повторяла:

— Если б вы могли нам показать, как надо! О, как бы мы были благодарны! Мы можем взять одну из пьес, в которой вы играли, чтобы меньше вас затруднить, и на ее примере вы научили бы нас хоть немного! Конечно, с вами не сравниться никому, но ваша мощная энергетика не может не подействовать на окружающих!

Дурачок глотал наживку вместе с крючком, хотя и не упустил случая повыкаблучиваться — выбрал «Короля Лира». Ну и ладно, Корделия имелась — Дашенька, просто один к одному, а Лир... Кто же, как не сам Преображенский? Втянется и не уступит любимую роль никому.

Так и случилось. На известное имя пришли уже иные зрители, не только родственники и соседи, но и настоящие театралы, студия завоевывала авторитет. Виктория Павловна рискнула даже пригласить на спектакль пару знакомых критиков, хоть и понимала, что час еще не настал. Все радостно констатировали триумф Преображенского, а не театра. Театр лишь снисходительно одобряли.

Судьи были правы. На шекспировскую мощь не тянули ни режиссер, ни актеры — разумеется, за исключением Евгения Борисовича и частично Даши. Впрочем, Дашу профессионалы не оценили. «Прелестное, чистое дитя, — выразил общее мнение один из бывших Викиных однокурсников. — Только способна ли она сыграть что-нибудь, кроме себя самой?»

Зато девочку вдруг оценил Преображенский — причем даже слишком. Он помнил ее ребенком, подругой племянницы, и поначалу относился соответственно. На репетициях нередко язвил: «Это что, так играют на утреннике для мамаш в твоём детском саду?» Дашенькины голубые глаза становились еще трогательнее, и она горько вздыхала.

— Ты что позволяешь этому старому хрычу так с тобой обращаться? — нередко кипятился Денис.

— Но я действительно жутко недоотягиваю до Евгения Борисовича по уровню, — разводила руками Даша, — оттого ему и неприятно. Я заслуживаю еще худших слов! Мне так перед всеми стыдно!

Денис пришел в студию из-за Дашеньки, и по причине дефицитности мужского пола Виктория Павловна не стала привередничать по поводу таланта. Тем более, парень молодой — двадцать семь, красавец, косая сажень в плечах. Ему бы на эстраду крутить бедрами под фонограмму, и восторженные поклонницы гоняли бы за ним по всей стране, а вот на театральной сцене деревенел и в первые любовники не годился, хоть и обидно было Вике терять такую фактуру, держа на вторых ролях.

Впрочем, и на том спасибо. Денис вообще не собирался играть, он просто заезжал за своей девушкой на машине, а когда репетиции затягивались, с удовольствием наблюдал за ними из зала. Но Виктория Павловна быстро смекнула, что он относится к типу людей, всерьез гордящихся собственной внешностью, и не упустил случая продемонстрировать ее публике. На фоне высокого, накачанного жениха Даша производила впечатление еще большей хрупкости, и Вика всю использовала этот контраст, строя визуальный ряд спектаклей.

Полузабытое слово «жених» возникло не случайно, «любовник» в данном случае как-то не годилось. Дашенька в свои двадцать во многом казалась шестнадцатилетней, и куда более взрослый Денис восторженно ее опекал. Он копил деньги на отдельную квартиру, после приобретения которой намеревался тут же вступить в брак. Заработок позволял надеяться, что желанный миг недалек.

Однако после премьеры «Короля Лира» в безмятежное воркование сладкой парочки ворвалась трагическая нота. Преображенский влюбился в Дашеньку.

Сперва Виктория Павловна лишь обрадовалась, поскольку не восприняла случившееся всерьез. Истории романов великого артиста вечно смаковались в богемных кругах, верно, он похвастаться не мог, хотя женат был лишь однажды — не только был, но и оставался, причем на женщине парой лет старше него. Судя по всему, основным ее достоинством было долготерпение. Короче, пускай старый дурак немного побегаёт за Дашкой, это гарантирует, что не бросит студию на произвол судьбы.

Только нашла коса на камень! Дашенька мягко, однако решительно отказала. Преображенский бушевал, умолял, безумствовал — девочка изумлялась, сочувствовала, но не уступала. Денис выходил из себя, его с трудом удавалось удерживать от прямых оскорблений в адрес соперника. Оскорблять Преображенского Виктория Павловна не собиралась позволять никому — иначе он уйдет. Лучше уж пожертвовать этими двумя — ан нет, тогда Евгений Борисович опять-таки уйдет вслед за своей прекрасной дамой. Куда ни кинь, все клин. Мало того! Администрация Дома культуры, несмотря на очевидные достижения студии, вдруг намекнула, что зал можно использовать куда разумнее, а именно открыть там бильярдную. Некие предприимчивые люди готовы давать за аренду бешеные суммы, и мы, хоть и уважаем вас, Виктория Павловна, безмерно, но склоняемся к согласию. Ведь находящаяся в бедственном положении культура финансируется по остаточному принципу, и сдача помещения — единственная возможность выжить. По поводу бедственного положения лично директора Вика могла бы сказать многое. Учитывая, что деньги за платные кружки шли в основном черным налом, не стоило удивляться, что директор раскатывает в мерседесе. Но аппетит приходит во время еды, и алчному начальнику покоя не давала мысль о студии, не приносящей дохода.

Виктория Павловна поняла, что если не сумеет что-нибудь предпринять, скоро придется снова начинать с нуля. А ведь столько энергии, столько сил, нервов и таланта вложено в дело, и несомненен прекрасный результат, почти успех!

Вот именно — почти. Если б успех был бесспорным, никто не посмел бы ее тронуть. В конце концов, зарвавшемуся директору можно было бы растолковать, что Дом культуры — это не его частная лавочка, а государственное учреждение, созданное для продвижения культуры в массы, причем она, Виктория Павловна, занимается именно этим благородным делом. Как будет поражено высокое городское начальство, узнав, что ради какого-то бильярда ликвидировали одну из известнейших студий Петербурга! Как ухватятся за забористую тему журналисты! И, наоборот, разве не приятно приобрести в городе славу мецената, сумевшего даже в нынешних сложных условиях выпестовать замечательный творческий коллектив?

Но, к сожалению, директор был прагматиком, и разговаривать с ним имело смысл только с позиции силы. Приведенные аргументы подействовали бы лишь в том случае, когда были бы подкреплены наглядно. Например, посвященными театру статьями в газетах, или посещением спектаклей весомыми людьми, или чем-то еще.

Виктория Павловна вообще привыкла действовать железной рукой в бархатной перчатке, а выпрашивать и бить на жалость не умела. Нет, следовало срочно, пока не произошло непоправимого, разыгрывать козырную карту и побеждать.

Речь шла о следующем. Вика примерно представляла меру собственных способностей и без жестокой необходимости не замахнулась бы на Шекспира. «Мышеловка» — это другое дело, тут все понятно, а всякие средневековые страсти... кто разберет, как они должны выглядеть? Но увы — на «Мышеловке» имя себе не сделаешь, пьеса слишком затаскана, за нею тянется шлейф низкопробных халтурных постановок. Нужно что-то в том же духе, но свеженькое. Желательно — пьесу современного российского автора, и не заумную, какие теперь в моде, а нормальную, простую, лучше всего детективную. С одной стороны, на нового современного автора можно заманивать критиков, а с другой, детектив привлечет зрителя.

Да, но где взять эту пьесу? Известные драматурги пишут нынче в другом ключе, к тому же весьма дороги, а у Виктории Павловны средств фактически не имелось. Она и без того постоянно доплачивала за какие-то необходимые студии мелочи свои деньги, и былые сбережения незаметно растаяли. Значит, придется искать человека нераскрученного, возможно, непрофессионала. И Вика, открыв телефонную книжку, принялась методично обзванивать знакомых.

Она давно применяла подобный метод — обращаться ко всем и каждому, даже если казалось, что данный человек на сей раз не может быть тебе полезен. Всякое случается, ибо неисповедимы пути господни. Не страдая застенчивостью, она полагала, что от пары вопросов и ответов ни от кого не убудет.

В результате удалось выловить свою бывшую соседку по курорту, сестра подруги которой, представьте себе, написала детективную пьесу!

— И очень интересную, — сообщила собеседница. — Я читала. Мы все читаем то, что она пишет, только почему-то никто этого не печатает.

Вика вздохнула. Страшно представить, какой дилетантский бред ей подсунут, однако выбора не было. Если это нечто более-менее приемлемое, уж она-то сумеет сделать настоящую конфетку, а если нет, продолжит поиск.

— А мне можно почитать?

— Могу даже вас с Мариной познакомить.

— Если можно, я бы сначала прочла пьесу, чтобы мое личное отношение к автору не помешало объективному восприятию.

А то потом попробуй отвяжись от этой неизвестной графоманки! Нет уж, знакомиться будем только при условии, что пьеса достаточно сценична.

Название — «Флейта Гамлета» — вызвало двоякие чувства. Довольно претенциозно, зато с подтекстом: как-никак, отсылка к Шекспиру, и этим легко дурить голову критикам. «О, здесь не примитивный детектив, а интеллектуальное действие с элементами загадки. Оно полно аллюзий и глубокого психологизма!» Разумеется, никакому идиоту не требуются в детективе аллюзии и глубокий психологизм, но без упоминания этих предметов обойтись нельзя, иначе твоё создание заклеят как китч. Следовательно, название скорее идет в актив.

Закончив чтение, Виктория Павловна задумалась. Откровенно говоря, ей понравилось. Все герои разные, и ведут они себя так, как им положено, безо всяких там экзотических выкрутас. Роли несложные, но в каждой есть выигрышные моменты. Сюжет динамичный: два убийства, по штуке на акт, причем до последнего не догадываешься, кто их совершил, а в результате правильный ответ представляется наиболее естественным из возможных. Для привлечения зрительниц имеется несколько любовных линий, одна из них у главной героини — двадцатилетняя девушка самостоятельно расследует запутанное преступление, куда оказалась втянута ее лучшая подруга. Кстати, героиня, Таня, чем-то походит на Наташу. Хочется верить, Евгений Борисович будет доволен, что благодаря этому племянница сумеет выдвинуться. Он хоть и зовет ее бездарью, а все же родная кровь — не вода.

Дашеньку, разумеется, тем более нельзя оставить не у дел — ну, так ей прекрасно сгодится подруга героини, Лилька. Не исключено, что этот персонаж в чем-то даже эффективнее главного. Таня умная и несколько скучная в своей порядочности. Даже романа толком не завела — испугалась, что любимый человек женат, и ушла в сторону. Лилька же импульсивна и темпераментна, ее подозревают в убийстве любовника, который предпочел ей другую. В конце она не только полностью оправдана, но и удачно выходит замуж.

С мужскими ролями несколько хуже. Преображенскому предстоит выбор между двумя бледноватыми образами, дабы стать партнером либо племянницы, либо своей ненаглядной крали. Первый мужской образ вызвал у Виктории Павловны двойственные ощущения. Вроде бы типичный рыцарь без страха и упрека, а что-то в нем не то. Складывается смутное впечатление, будто он недостойн героини, и это немного удивляет. Вторым, тот, что влюблен в Лильку и сумел вызвать ее ответное чувство, понятнее. Обычный интроверт, раскрывающийся лишь в неожиданных монологах. Именно таким и подавай непосредственных да простодушных.

Как бы там ни было, оба героя-любовника недостаточно яркие по сравнению с женскими персонажами. Впрочем, Евгений Борисович выкрутится, он и не такое вытягивал. Даже лучше, что ему достанется не самая выдающаяся роль. По крайней мере, никто не будет утверждать, как после «Лира», что его гениальная игра — единственная причина успеха постановки. Вопрос в том, согласится ли он принять участие в спектакле, где не ему уготовано центральное место? Вот это — подводный камень. Конечно, дядю начнет уламывать Таша, а в качестве тяжелой артиллерии подключим Дашеньку, только успех вовсе не гарантирован. Если упрется, придется переделать кое-что в пьесе. Чай, автор не Шекспир, переживет!

Тут Виктория Павловна горестно вздохнула. Шекспир — не Шекспир, а неизвестная Марина Лазарева выполнила определенную работу и, наверное, рассчитывает получить за нее деньги. Только где их взять? Снова из собственного кармана? Он давно пуст. Выцыганить у директора Дома культуры? Нет, нельзя демонстрировать ему свои проблемы, он должен полагать, что все идет, как по маслу. Вот ведь, как ловко некоторые пристраиваются к каким-то фондам, каким-то грантам, а она, Вика, выпала из обоймы и оказалась в стороне от денежного потока. Следовало

потихоньку втираться в богемную тусовку, а не тратить все время на работу в студии. Но втираться так скучно, а работать так интересно! В результате подходящая пьеса имеется, заплатить же за нее нечем.

Однако Виктория Павловна не собиралась опускать руки. Сперва следует поговорить с автором, поторговаться, узнать конкретную сумму, и лишь потом решать, где ее достать. Один знакомый продюсер описывал процесс так: ты смотришь собеседнику в глаза и пытаешься понять, сколько же нулей стоит там после единицы. В конце концов, Марина Лазарева может оказаться не в курсе нынешних расценок. Она преподает физику в вузе, в театральном мире не вхожа, вдруг да продешевит? Физиков обычно изображают рассеянными чудаками не от мира сего.

На рассеянного чудака Марина не тянула. Обычная женщина лет тридцати, довольно симпатичная, неплохо одетая, спокойная и доброжелательная.

— Вы действительно хотите поставить мою пьесу? — радостно улыбнулась она, поздоровавшись. — Как замечательно! Я была бы очень рада.

Вика заглянула в сияющие глаза, желая посчитать нули, и оцепенела от радости. Нули в глазах как раз имелись, зато никакой единицы перед ними не фигурировало. Похоже, Марине даже в голову не приходил вопрос об оплате! Впрочем, почему бы нет? Никому не известная дилетантка должна быть счастлива, что ее опус поставит профессиональный режиссер на почти профессиональной сцене. Наверное, и по поводу переделок она выкаблучиваться не станет?

— К сожалению, есть некоторая проблема с мужскими ролями, — закинула Виктория Павловна пробный камень. — У вас превосходная пьеса, но мужские роли немного уступают женским.

— Да, — согласилась Марина, — женщины мне как-то ближе. Но ведь у вас в студии наверняка больше талантливых актрис, чем актеров, так что для вас это только хорошо?

— В чем-то вы правы. Я уже присмотрела подходящих девочек на главные роли. Но у нас есть один замечательный актер, которого невозможно оставить за бортом. Может быть, вы о нем слышали? Это Евгений Преображенский.

Марина оживилась:

— И слышала, и видела. Я как раз недавно думала, в каком же он теперь театре? Но ведь у вас же самодеятельность, а не...

— Не самодеятельность, а театральная студия, — холодно ответствовала обиженная Вика. — И Преображенский — один из наших актеров. — Тон позволял решить, что актеров подобного ранга в студии пруд пруди. — Сами понимаете, хотелось бы, чтобы он получил роль соответственно таланту. А у вас герой... Юрий Владимирович, кажется? нерешительный он какой-то! Если любит, почему не женится?

— Потому что уже женат, — исчерпывающе пояснила автор.

— Жена — не стена.

— Есть еще дети. Есть душевный покой. Есть привычка. Бросить все без гарантированного успеха — зачем же требовать от мужчины слишком многого?

— Так он ее не любит? — уточнила Виктория Павловна, желая понять, как же все-таки трактовать странный образ.

— Любит, конечно, но она вовсе не составляет для него единственного смысла жизни. В его жизни есть вещи не менее дорогие — работа, в частности, и карьера. Это мы, дуры, заикливаемся на любимом человеке так, что нам без него жизнь не мила, а мужчины устроены иначе, и это правильно. Вы не согласны?

Вика пожалала плечами. Ее не волновало, кто как устроен, но она вдруг осознала, что за тип главный герой. Вот бы и Евгений Борисович почувствовал, что там все не просто, и заинтересовался!

— Возможно, он предпочтет роль второго, — вслух пробормотала она.

— Там эффектные монологи.

— Да, когда скрытный человек вдруг выходит из себя, впечатление обычно сильное. Но, конечно, вы правы — подходящей роли для Преображенского в пьесе нет. Я же не знала! А если я напишу следующую специально для него?

Виктория Павловна заметила:

— Подходящая роль для Евгения Борисовича — любая, на которую он даст согласие. С ним надо считаться, он — звезда.

— А я — никто, — без тени обиды докончила фразу Марина и неожиданно продолжила: — У меня к вам просьба. Я бы хотела поприсутствовать на репетициях. Я не собираюсь вмешиваться в их процесс, но если что-то покажется мне слишком противоречащим тому, что я написала, я бы хотела иметь право вето.

Виктория Павловна даже опешила от подобной наглости. Право вето, видите ли! А на вид — такая скромница, такая простофиля. Знает свое место, не скрывает заинтересованности в постановке, даже не попыталась получить деньги! А раз заинтересована, нечего с нею церемониться, все стерпит!

Вика снова заглянула в спокойные глаза и поняла, что Марина стерпит не все. В ответ на отказ она кивнет, извинится и заберет пьесу назад. Загадочные существа эти авторы! Какая ей разница, кто кого играет? Впрочем, потребуй она гонорар, было бы еще хуже. Ладно, пускай посидит — она выглядит довольно безобидной. Конечно, теперь от нее будет не скрыть вероятные переделки, но, возможно, оно и к лучшему? Смирится и переделает сама, лишь бы увидеть свое творение на сцене.

На следующий же день Виктория Павловна вручила текст с Наташе Дашенькой. Девочки прочтут, раскатают губу на лакомые роли, и лишь после этого можно будет подсунуть опус Евгению Борисовичу. Он его оплюет по-страшному, но две подружки объединенными усилиями постараются уговорить капризного премьера хотя бы выбрать, какой из образов ему ближе, а сама Вика объяснит, что этот образ будет перестроен под его индивидуальность. Актеру подобное всегда приятно.

Все развивалось по плану. Наташа с Дашенькой пришли от пьесы в восторг, а Преображенский милостиво дал согласие посетить студию, дабы изложить автору свой взгляд на его бездарное творение.

— Вы только не обижайтесь! — в десятый раз нервно предупреждала Виктория Павловна Марину по дороге в Дом культуры. — У него очень сложный характер, но тут ничего не поделаешь. Он — талант. Вы не обращайте внимания на то, что он говорит, я сама вам после все объясню. У вас замечательная пьеса, просто гениальная, что бы он там ни наплел!

Автору тоже не мешает иной раз польстить, особенно работающему даром. А то вдруг передумает, заберет текст и попытается кому-нибудь продать?

Марина засмеялась, потом остановилась и серьезно сказала:

— Вика, если вы волнуетесь из-за меня, то совершенно зря. Я не обидчива, к тому же очень хочу, чтобы пьесу увидели люди. Да и вообще, надо сильно постараться, чтобы заставить меня изменить своему обещанию. Или я почему-то кажусь вам ненадежной? Настолько, что вы вынуждены называть пьесу гениальной?

Вика секунду помялась, затем решила.

— Понимаете, — призналась она, — получается, что вы работаете бесплатно.

— Но ведь и вы фактически тоже, — пожала плечами Марина. — То есть зарплата зарплатой, но за то, что будете возиться с моей пьесой, вам вряд ли что-нибудь добавят. И все-таки вы собираетесь это делать!

— Ну, так мне это интересно и нужно, — пояснила удивленная Виктория Павловна.

— Мне тоже. Думаю, что и вы не возражали бы получать за свою работу большие деньги, однако из-за их отсутствия не идете торговать овощами с лотка. Почему я должна быть более алчной? Вот если б вы имели возможность мне заплатить и отказывались, тогда другое дело, а на нет суда нет.

Слова звучали легко, чуть-чуть иронично и чуть-чуть отстраненно, словно о ком-то постороннем. Вика сосредоточенно размышляла. А действительно, ведь она сама тоже в некотором роде вкальвает даром, просто никогда не смотрела на себя со стороны! Похоже, эта Марина кое-что смыслит в людях и на репетиции от нее будет больше пользы, чем вреда. Только бы не сорвалась из-за Преображенского! Хотя она и спокойная, да он умеет доконать любую.

В студии царило радостное оживление.

— Ой, — пискнула Даша, — эту пьесу действительно написали вы? Я думала, вы старая, а вы совсем молодая, почти как мы с Ташей! — Тут она смутилась от собственной бестактности и,

запинаясь, пояснила: — Я имею в виду... ну, чтобы столько про людей знать, нужен большой опыт... вот и удивилась, что вы...

— Не знаю, как в смысле опыта, — весело сообщила Марина, — а возраст мой, к сожалению, существенно больше вашего. Мне уже тридцать три.

В тот же миг идеально поставленный бархатный голос негромко, однако так, что услышали все присутствующие, произнес:

— Никогда нельзя верить женщине, которая не скрывает своих лет. От нее можно ожидать, чего угодно.

Воцарившаяся тишина длилась мгновение. Прервала ее Марина, вежливо прокомментировав:

— Оскар Уайльд, «Женщина, не стоящая внимания». Вы играли лорда Иллингворта, Евгений Борисович?

— Один-ноль, — шепнула подруге на ухо Таша.

— Я играл Уайльда, я играл Шекспира! — Преображенский эффектно появился из темноты зала и встал в позу. — Так что, теперь прикажете играть Лазареву?

— Ну, что вы, — скромно ответила Марина. — Я предупреждала Викторию Павловну, что ни один из героев не соответствует вашему амплуа.

— Моему амплуа? — надменно поднял брови актер. — Вы всерьез полагаете, у меня есть амплуа? Вы знаете мое имя? Евгений Преображенский! — весомо, по слогам прочеканил он. — А как меня называют поклонники? Гений преображения! Сама природа дала мне имя, отражающее мою внутреннюю суть!

— Не природа, а бабушка, — снова шепнула подруге Таша. Между тем ее дядя продолжал монолог:

— Вы полагаете, я не смог бы сыграть любого из этих ваших блеклых героев так, что они засверкают всеми красками? Только кому интересен чистоплут, который, даже влюбившись, думает о всякой ерунде вроде жены и детей, а не о себе и своих чувствах!

— Хорошенькая ерунда! — вслух заметила Таша. — Просто он порядочный человек, а не эгоист. Порядочному человеку тяжело бросить семью.

— Любовь выше предрассудков, — пророкотал Преображенский. — Дашенька, звезда моя, ты веришь, что ради тебя я бросил бы сорок тысяч жен и детей, не задумавшись ни на минуту?

— Евгений Борисович, — жалобно встала Даша, — такая классная пьеса, и такие хорошие роли! Пускай главный герой вам не нравится, есть еще второй, Владимир Владимирович, который женится на мне. Он так красиво говорит!

— Эта серость, эта посредственность! Да женитьба останется единственным его поступком за всю жизнь! А потом он погрязнет в быте!

— Все мы живем в быте, — удивилась Марина. — Вы на редкость строги к представителям собственного пола, Евгений Борисович.

Тот вдруг убрал из голоса пафос и с искренним интересом спросил:

— А скажите, это что, история из вашей собственной жизни? Если честно? Я, когда прочел, сразу понял.

Марина холодно процитировала:

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт — мужчина. Даже с бородою.

— Обиделась, — обрадовался Преображенский. — Да не обижайся, дурочка, — он неожиданно улыбнулся. — Играл я кой-чего и похуже, и провалов пока не было. Только надоели мне эти ваши порядочные да рефлексирующие. Я буду играть убийцу. Всякие у меня роли были, а вот на убийц пока не везло. Разрешите представиться, Николай Иванович Зубков, убийца... — сладострастно просмаковал он, и Вика, как эхо, повторила:

— Убийца... Вы серьезно, Евгений Борисович?

— Как никогда!

Виктория Павловна ожидала чего угодно, только не этого, однако не растерялась. Главное, Преображенский согласился на роль, остальное неважно. Герои-любовники в труппе имелись. Вика заранее наметила обеим девочкам партнеров, поскольку было неизвестно, какая именно вакансия окажется свободна. Теперь следует быстренько, пока капризный премьер не передумал, начать репетицию, а там он втянется, и дело пойдет на лад.

Первая же сцена с участием Преображенского продемонстрировала, что его решение вовсе не было стихийным порывом. Он играл, почти не заглядывая в текст.

— Боже мой! — быстро и бессвязно сказала Марина в перерыве, глядя на актера потрясенными глазами. — Простите меня, Евгений Борисович! Я только теперь поняла, что вы имели в виду, говоря про моих блеклых героев. Вы совершенно правы. Я не написала и половины того, что вы играете. Я была бы счастлива, если бы то, что вы играете, написала я! Вы создали такой образ... я такого не писала, просто не сумела бы, а ведь надо писать именно так!

— Успокойся, деточка, — снисходительно махнул рукой собеседник. — Не суди себя слишком строго. Не каждому дано быть гением, посредственности тоже на что-нибудь нужны.

Ночью, на квартире Вики, возбужденная Марина, на щеках которой горели пятна, объясняла:

— Это какое-то чудо! Он неуловимо сдвинул акценты и, не меняя вроде бы ничего, изменил масштаб изображаемой личности и изображаемой проблемы. Вы, видимо, привыкли, а я так вряд ли сегодня засну! Господи, что написано у меня? Преступник — мелкий начальник, который хочет выбиться в крупные. Его шантажируют, и он убивает шантажиста, вот и все. А когда играл Евгений Борисович... это трудно передать... я словно увидела Начальника, существо, возомнившее себя сверхчеловеком, а человеком-то быть переставшее! Они все прошли у меня перед глазами — сидящие в отремонтированных кабинетах, учащие нас жить, не зная нашей жизни, унижающие нас и жирующие за наш счет. Все вот такие Начальники, каких я видела в жизни, их всех он показывает одним движением руки. Он показывает в сто раз больше! Он показывает путь от человека к нечеловеку. Его герой сперва почти не отличается от остальных, у него обычные человеческие чувства и мысли, но вот он начинает лезть вверх по головам и постепенно меняется, и ты не замечаешь, как, когда он превращается в убийцу, полностью потерявшего совесть и не ценящего ничью жизнь, кроме собственной! Он превращается в убийцу, еще не убив, а просто использовав другого как ступеньку в своей карьере! Это так глубоко, так...

— Он действительно играл мощно, — согласилась Вика, не очень внимательно слушавшая заумные рассуждения собеседницы, которую по причине позднего времени привезла ночевать к себе домой. — А как вам остальные? Таша подходит идеально, да?

— Да, мне повезло, — несколько успокоившись, подтвердила Марина. — Такая очаровательная девочка, и в точности нужный типаж. Героиня немного слишком правильная, но Таша своим обаянием сглаживает этот мой просчет.

— А Дашенька? Разве не вылитая Лилька?

Марина неуверенно пожала плечами:

— Ну... я никак не представляла Лильку блондинкой.

— Почему?

— Наверное, потому, что не люблю блондинок.

— Почему? — опешила Вика.

Марина ненадолго задумалась и искренне ответила:

— Наверное, завидую. Им легче приходится в жизни. Их считают глуповатыми и нуждающимися в опеке. Вот нас с вами никто опекать не станет, а Дашеньку — любой мужчина. Впрочем, в Лильке нечто схожее тоже есть. Я против Даши ни в коей мере не возражаю. Она мне показалась очень талантливой — на лету схватывает все ваши советы.

— А давай на «ты»? — прервала Вика, подавая кофе и бутерброды. Марина была ей приятна. Совершенно очевидно, что с нею не будет больших хлопот, к ней не обязательно подлаживаться, можно вести себя естественно и просто.

— Хорошо. Кстати, мне действительно очень понравилось, как ты работаешь. Ты замечательно подбираешь мелкие детали, дорисовывающие образ. Я знаю свой недостаток — тщательно продумываю внутренний мир героев, но недостаточно обращаю внимание на внешние проявления. А ты как раз наоборот, да? В результате будет самое то. Но, честное слово, по сравнению с Преображенским все мы — бездарь!

— И намучаемся же мы, бездари, с этим гением! — обреченно предсказала Виктория Павловна.

Разумеется, предсказание сбылось. Мало того, что Преображенский, как всегда, критиковал всех и вся. Слава богу, актеры привыкли, а Марина слишком восхищалась его талантом, чтобы всерьез обижаться. Мало того, что он по-прежнему преследовал бедную Дашеньку, которую лишь врожденная кротость удерживала от взрывов негодования. У него не хватило ума скрыть свои сексуальные демарши от жены, и та стала заявляться на репетиции! Вот только этого Вике не хватало! Недостаточно ей заботы следить за Денисом, вечно пытающимся некстати конфликтовать, приходится приглядывать еще и за Галиной Николаевной!

Впрочем, про ее манеру поведения плохого не скажешь. Приехала на своем шикарном авто, с головы до пят в фирме, но все по возрасту, не короткая обтягивающая юбочка, а элегантный костюм для дамы, не скрывающей, что ей к пятидесяти. Правда, многовато косметики, тон наложен ужасно густо, видимо, морщин на лице полно, но сделан макияж качественно, Вике даже стыдно стало за свою на бегу нанесенную помаду и почему-то вечно расплывающуюся тушь. Короче, приехала Галина Николаевна, вежливо поздоровалась.

— Вы — Виктория Павловна? Я вас сразу узнала по описанию мужа. Я — жена Евгения Борисовича. Должна выразить вам свою искреннюю признательность. Ни в одном театре с ним так хорошо не ладили, как удается вам. Но, к сожалению, последнее время у него начались проблемы со здоровьем. Возраст, сами понимаете. Я очень за него беспокоюсь. Врачи не рекомендуют ему заниматься двумя видами деятельности сразу. Тем более, оба отнимают так много душевных и физических сил, и бизнес ничуть не меньше, чем театр! Боюсь, я буду против его участия в премьере. Премьера — это слишком ответственно.

У Вики аж сердце оборвалось. Какая трогательная забота о здоровье мужа!

Шито белыми нитками. Просто узнала о Дашеньке и хочет себя обезопасить. Неужто за столько лет не привыкла к романам этого старого козла? Впрочем, тут романа-то как раз нет, тут серьезнее. Она же не знает, что Дашеньке старый козел ни к чему, у нее есть молодой красавец! Одно утешение — непохоже, чтобы Преображенский был под каблуком у жены и ее послушался.

Разумеется, с его появлением разразился страшный скандал. Евгений Борисович с пафосом кричал, что не позволит себе указывать, а если Галина Николаевна чем-то недовольна, так ее никто не держит, слава богу, мы не в Италии и у нас разрешены разводы! Та спокойно и нежно продолжала твердить про его драгоценное здоровье, нуждающееся в постоянном пригляде. В результате стороны согласились на компромисс. Актер играет премьеру, а его жена сидит на репетициях, дабы вовремя подать свежий бульончик или полезную микстурку.

— Тяжело вам с ним, наверное, — искренне посочувствовала Вика Галине Николаевне, оставшись наедине.

— Ну, что вы! — улыбнулась та. — Я сама не обращаю внимания и вам то же советую. Пускай покричит, нам-то с вами что?

— Значит, вы не обижаетесь?

— Ну, конечно. Просто Женю нельзя воспринимать всерьез. Вот вчера, например, у него возникли проблемы, уж извините за интимную подробность, со стулом. Разумеется, он вне себя и предполагает по меньшей мере рак, а ко мне как раз приходит массажистка. Так что, отменять ее, что ли? Я над Женей ахаю, она меня массирует, и все довольны. Вот если бы это был массаж лица, тогда мне было бы сложнее, но я бы постаралась ахать без мимики.

— Удивляюсь, что он согласился на присутствие жены, — делилась вскоре Виктория Павловна впечатлениями с Мариной. — Думала, упрется, как бык. Конечно, эта дамочка для меня — не самый лучший подарок, но было б хуже, если бы он и впрямь уперся и она открыто встала бы на тропу войны. Знаешь, навредить премьеру очень легко!

— Он не уперся бы, — утешила Марина. — Его устраивает сложившаяся ситуация.

— Ты думаешь? — удивилась Вика.

— Он обожает выводить людей из себя. Мне иногда кажется, именно в этом он и черпает творческие силы, понимаешь? Потому нигде и не ужился. Одновременное присутствие жены и девушки, за которой открыто ухаживает, да еще жениха этой девушки, создает то самое напряжение, ту атмосферу, которая делает его игру еще лучше.

— Господи! — вырвалось у Вики. — Только бы дотянуть до премьеры, а там будь, что будет! Там возьму и выскажу всем, что о ком думаю! А еще — напьюсь в стельку. Какая ты счастливая, что не волнуешься!

— Я не волнуюсь? — засмеялась Марина. — Да я, между прочим, каждый вечер содрогаюсь — а что будет, если я во сне умру, так и не увидев нашего спектакля? Вот после спектакля, оно не страшно, а вдруг до? Это, по-твоему, нормально? Студенты это назвали бы — крыша поехала.

— Надо же, а по тебе не видно. Я же всех уже созвала! Критиков, актеров. Если что не так, второго шанса у меня не будет, провал будет громкий. Хорошо, эта сволочь Сосновцев все-таки выделил деньги на банкет, а то уж не знала, у кого занимать. А без банкета нашу тусовку не соберешь.

Сосновцев — директор Дома культуры. Последнее время он явно заинтересовался спектаклем и активно посещал репетиции. Иногда у Вики мелькала мысль, что он заинтересовался скорее Мариной. А что? Она незамужем, он вдовец. Правда, Маринка в этом смысле какая-то странная. Она симпатичная, коммуникабельная, и, если б постаралась, легко могла бы заполучить себе приличного мужа. Виктория Павловна сразу об этом подумала, но, прикинув, честно предупредила:

— К сожалению, Марина, в нашей труппе совсем нет холостых мужчин.

То есть имелся, конечно, Денис, но он закреплен за Дашенькой.

— А что, холостые играют лучше? — заинтересовалась глупая собеседница.

— Да нет, — объяснила Вика, — скорее, наоборот. Холостому и дома неплохо, а женатый рад куда-нибудь сбежать, так почему бы не к нам? Просто пыталась кого-нибудь тебе найти.

— Не стоит трудов, — засмеялась та. — Вика, ну, зачем мне это надо — взваливать на плечи дополнительную обузу? Если б угораздило влюбиться — тут другое дело, тут уж вынуждена была бы смириться, но, похоже, из влюбчивого возраста я уже вышла.

— Только не заливай мне, что не хочешь замуж, — хмыкнула Виктория Павловна. — Все равно не поверю.

— А ты?

— Что — я?

— Ты хочешь? Почему ты себе кого-нибудь не подыщешь?

— Ну, я же тебе все рассказывала... Я любила Сашку.

— Никто ж не говорит о любви, мы говорим о муже, так? Насколько я поняла с твоих слов, любовь тут не при чем. Главное, наметить подходящий объект и правильно его обработать. Так?

— Так.

— Чья бы корова мычала, а твоя молчала, — весело съехидничала Марина.

— Что ж не намечаешь и не обрабатываешь? Небось, Сашка сам тебя наметил и обработал. За такого и я бы вышла! А зачем мне абы кто, не понимаю.

Теперь Виктория Павловна и сама не понимала. Марина умела переворачивать обычные вещи с ног на голову. Впрочем, Вика в ее рассуждения особенно не вникала, ей был важен результат. В данном случае то, что подруга не гоняется за мужиками, явно к лучшему. Сосновцев, видя ее разборчивость, постарается произвести впечатление и охотнее порастрясет кубышку.

Вот сколько различных проблем, сколько подводных камней окружало бедную Викторину Павловну, в несчастный день отдавшую душу театру. Она обходила подводные камни с уверенностью опытного лоцмана, но вместо одних перед ней тут же возникали другие. И если сейчас, на генеральной репетиции, грянет нечто непоправимое, она взорвет к чертовой матери этот дурацкий Дом культуры вместе со всеми его обитателями, и в первую очередь чертовым Преображенским!

Так думала она, глядя на бушующего Евгения Борисовича сочувственно и беззащитно.

— Что случилось, Евгений Борисович? Как вы нас всех напугали! Мы боялись, с вами случилось что-то страшное, но вы, слава богу, целы!

— Если и цел, то с помощью бога, а не этой гнусной твари.

На глазах Тамары Петровны, неизвестно за что названной гнусной тварью, тут же выступили слезы.

— Боже мой, Тамарочка Петровна! — быстро выкрикнула Вика, нежно приобняв помощницу за плечи. — Это недоразумение! Завтра премьеры, мы все на нервах! Вы уж нас простите!

— Это она-то будет прощать? — пророкотал Преображенский. — И вы думаете, моя нога еще хоть раз ступит в дом, где моя жизнь ценится столь низко?

— Я ценю вашу жизнь куда больше собственной! — поспешила уверить Виктория Павловна. Когда имеешь дело с мужчинами, с лестью перегнуть нельзя, тут чем больше, тем лучше.

— Тогда почему позволяете на нее покушаться?

— Это уже что-то новенькое, — шепнула Таша на ухо Дашеньке. — Подобного он еще не разыгрывал.

— Нервничает перед премьерой, — ответила та. — Я тоже. А ты?

— Женечка, бедный мой, — вмешалась Галина Николаевна (наконец и от нее какая-то польза!) — Что случилось?

— Вот!

Он сделал несколько шагов в сторону, и присутствующие узрели открытый люк. Да, ситуация не из приятных! Если б кто-нибудь туда сверзился, шею бы сломал, как пить дать. Или даже насмерть угробился, и прощай, премьера! Свет здесь, за кулисами, тусклый, а часто и вовсе выключен. Виктория Павловна почувствовала, что шею заливают холодный пот. Какой кретин и зачем открывал люк? Слава богу, все обошлось! Впрочем, обошлось ли?

— Она это сделала нарочно! Гнусная тварь, бездарь, ненавидящая таланты!

Тамара Петровна все-таки разрыдалась, Вика принялась ее успокаивать.

— Женечка, но при чем здесь она? — ласково поинтересовалась Галина Николаевна.

— Разве не эта тварь отвечает здесь за порядок? Вся рутинная работа, которой брезгует нормальный человек, поручена этой твари! Это она здесь закрывает все и открывает! И никто, кроме нее, не оставил бы здесь открытый люк как раз тогда, когда мне идти мимо него на сцену! Это не случайность, а предумышленное убийство! Меня спас господь бог, хранящий таланты! Если бы я не включил здесь свет, меня б уже не было в живых!

— Ну, — раздраженно заметил Кирилл Левинсон, — в таком случае покушались на меня. Первым здесь, как всем известно, должен был оказаться я, и лишь по случайности я прошел с другой стороны.

Это была правда. Девчонки появлялись из правой кулисы, поскольку женская уборная была там, мужская же располагались слева. Кирилл играл главного героя, Юрия Владимировича, и выходил на сцену раньше Преображенского.

— Да кому ты нужен? Ты, серая посредственность! Да ты гусенице дорогу побоишься перебежать! Нет, охотились на более крупную дичь — на меня!

— Вот именно — кому я нужен? — буркнул Кирилл. — Оставили случайно люк, велика важность! Не провалился никто, и слава богу. Я лично трагедий устраивать не собираюсь, я не истерик.

— А я, значит, истерик?

— У-у-у! — в голос завывала Тамара Петровна.

Вике захотелось разорваться на две части, дабы одна занялась помощницей, а другая — гениальным премьером. Причем желательно, чтобы эти части разошлись по разным помещениям, поскольку Тамаре Петровне и Евгению Борисовичу следовало говорить прямо противоположные вещи.

Слава богу, Полякову взяла на себя Марина, шепча на ухо нечто утешительное. Кирилла, тоже бывшего на взводе, утихомиривали девочки, а Виктория Павловна вместе с Галиной Николаевной обхаживала Преображенского. Наконец, он несколько утих, лицо его изменило выражение, вместо гнева демонстрируя покорность жестокой судьбе, и он горестно заметил:

— Что ж, я — человек слова. Я обещал вам сыграть премьеру, и я ее сыграю, пусть хоть тысячи убийц встанут на моем пути. Но имейте в виду, я ставлю ультиматум! В дальнейшем вам придется выбирать — либо она, либо я. Третьего не дано! Надеюсь, вы слышали меня, Виктория Павловна?

И он летящей походкой двинулся к сцене.

— Конечно, вы, Тamarочка Петровна, — прошелестела Вика так тихо, чтобы никто больше не услышал. В глубине души она надеялась, что выбирать не придется. Евгений Борисович пошумит да одумается. Главное — пережить премьеру, а после нее хоть потоп.

Преображенский провел репетицию блестяще.

Сцена вторая

Премьера

Премьера была назначена на субботу, и у бедной Виктории Павловны с утра все валилось из рук. Хорошо, хозяйственные дела взял на себя Лешка. Вчерашний скандал сильно действовал Вике на нервы, но она утешала себя мыслью, что норма по скандалам, наверное, уже выполнена, так что нынче неожиданностей не будет.

Как бы не так! Полвторого позвонила Таша. Заливаясь слезами на другом конце провода, она сообщила, что играть сегодня не может, и положила трубку. Слава богу, у Виктории Павловны имелись адреса членов студии, и она срочно отправилась к девочке на дом. Таша, такая ответственная, такая серьезная, и вдруг подвести всех, сорвать спектакль! Просто наваждение!

Лицо Наташи опухло, глаза покраснели и ввалились. «Умер кто-то из родителей», — с ужасом подумала Вика. Она знала, что Ташины родители работают по контракту за границей и вернуться должны нескоро.

— Что случилось, Ташенька? Расскажи мне, тебе станет легче!

Таша судорожно показала рукой в угол комнаты и зарыдала. Там лежала какая-то тряпка, рядом стояло блюдо. Ну, и что? Постепенно из бессвязных слов Виктория Павловна восстановила картину случившегося. А случилось следующее.

Часов в двенадцать к племяннице пришел Преображенский. Он был возбужден, как обычно перед спектаклем, носился по квартире, тискал котенка. Котенок этот жил у Таши всего неделю, но она успела очень его полюбить. Такой серенький, пушистый, ужасно доверчивый и ласковый. Даже коготки никогда не показывает, представляете? Прыгает вокруг и ждет от жизни только хорошего, и всех любит!

— И что дядя? — вернула Наташу к теме Виктория Павловна.

Евгений Борисович привычно дразнил племянницу бездарью, но она не обижалась. Она знала, что в дни премьер он не в себе.

— Повезло тебе, бездари! — разводил руками он. — Мариночка наша словно лично для тебя роль писала. Будет у тебя успех, а, глядишь, и в сериал какой сняться позовут. Вичка-то наприглашала зрителями этих новых халтурщиков, которые фильмы пекут, как блины, по сто штук на одной сковородке. Для них такая бездарь, как ты, — самое то, просто находка.

— А я не соглашусь, — засмеялась Таша. — Мне халтура ни к чему.

— И дура будешь, если не согласишься. За эту халтуру неплохо платят.

— А мне хватает.

Он хмыкнул:

— Пока я содержу, так хватает. Но я ведь все-таки не дед Мороз!

Наташа почувствовала себя задетой.

— При чем здесь ты? Мне присылают родители.

— Ну да, присылают и через меня передают! — расхохотался дядя. — А ты, дура, поверила? Думаешь, за границей — золотые горы? Умный человек, он и здесь разбогатеет, а неудачник — тот и в Африке неудачник. Вот это — про твоего папашу. Говорил я Светке, куда тебе этот недоделанный, но бабе разве объяснишь? У вас же мозги между ног. Вот теперь и перебиваются там в эмигрантском квартале, еле на квартиру зарабатывают, а все бьются, кретины, все надеются зацепиться да получить гражданство. Больно они там нужны! Я их сразу предупредил: «Вам ни копейки не дам, а девочку, ее, так и быть, содержать буду, пока в возраст не войдет». Но я-то не вечный, ты на это не рассчитывай.

Сердце Таши бешено заколотилось, в горле пересохло, и она холодно сказала — нет, попыталась холодно сказать, а вместо этого хрипло выдавила:

— Я переведусь на вечерний и пойду работать.

Евгений Борисович покачал головой и притянул девушку к себе.

— Бедная моя дурочка! — нежно произнес он. — Ну, нельзя же всему верить! Уж и пошутить с нею нельзя! Как же ты, такая доверчивая, жить-то будешь?

— Пошутить? — повторила та.

— Ну, конечно! Ты что, первый день меня знаешь? Обыкновенная шутка. Все у твоих родителей хорошо, и в помощи моей они не нуждаются. Впору, чтобы они мне помогли.

— Это точно? Ты точно тогда шутил, а не теперь?

— Честное пионерское! Ох, Таша-Таша, — дядя вздохнул. — Когда же ты повзрослеешь? В двадцать лет вроде уже пора. Честное слово, смотрю я на тебя и думаю: она с мужиками-то хоть трахается или все в старых девках ходит? Нормальные девчонки сейчас уже в двенадцать без презерватива на улицу не показываются, но ты ж у нас со странностями! Или, наконец, кого-нибудь завела?

— Не твое дело! — покраснев, ответила Наташа.

— А почему не мое? У меня для тебя жених имеется. А то не знаешь? И, главное, любит тебя очень. Ведь для тебя же внешность наверняка не главное, так? — съехидничал Евгений Борисович. — Тебе важны чу-у-йства!

Таша снова разозлилась.

— Если ты о своем Сергее Андреевиче, то я и слышать о нем не хочу! И не только потому, что он старый и толстый, а вообще! Отвратительный, скользкий, беспринципный тип!

— Да, — охотно подтвердил Преображенский. — Зато богатый. Куда богаче меня. Вот станет моим племянничком и подкинет мне денег на развитие бизнеса. Впрочем, и денег не надо. За ним такие силы стоят — ему стоит слово сказать, и сделают моему бизнесу зеленый коридор. И тебе не советовал бы выкаблучиваться. Таких денег, как он, тебе никто больше не предложит.

— Не нужны мне ваши деньги!

— Ну, конечно, тебе же чу-у-йства нужны. Так ты учти, дорогуля. Это пока ты свеженькая да молоденькая, так кое-кому требуешься, и на заскоки твои не очень обращают внимание. Нас, мужиков в возрасте, часто на свежатинку тянет. А станешь старше, никто тебя замуж-то больше не позовет — останешься одна со своими заскоками. Я, между прочим, серьезно говорю! И о Сергее Андреевиче — тоже серьезно. Он мне все уши про тебя прожужжал. Никто не требует, чтобы ты сразу ложилась в постель, но в ресторан с ним пару раз сходить — трудно, что ли? От тебя не убудет.

— Убудет, — хмуро парировала Таша. — Я не стану подавать ему надежд, которые не собираюсь оправдывать.

— О боже, какой детский сад! Да все ваши женские зацепки состоят из надежд, которые вы не собираетесь оправдывать! Ума-то когда-нибудь собираешься набираться или так до старости и будешь в котят играть?

— Не трогай его! — закричала Наташа, пытаясь отобрать котенка. — Ему больно!

— Вот и правильно. Пора тебе отвыкать от дурацких игрушек, а жить настоящей взрослой жизнью. Да какое тебе дело до этого живого куска мяса, а?

— Большое! Отдай! Он же живой!

Таше очень не хотелось снова оказаться в глупой роли человека, не понимающего шуток, и тем не менее она на глазах теряла голову, видя, как Евгений Борисович все крепче сжимает пальцы, а тот, довольный производимым эффектом, продолжал их сжимать вокруг маленького, серенького, пушистого тельца. Неожиданно раздалось короткое, хриплое мяуканье, тельце резко рванулось и обмякло. Несколько пораженный Преображенский раскрыл ладонь, и оно упало на пол.

Таша схватила еще теплый трупик, прижала к груди.

— Да куплю я тебе другого котенка, — растерянно пообещал дядя. — И не помоечного, а хорошего, породистого. Хочешь?

— Я хочу, чтобы ты умер, — спокойно и внятно произнесла Наташа. — Чтобы тебя вот так же кто-нибудь убил. И, я знаю, рано или поздно кто-нибудь тебя обязательно убьет. И я прошу бога, чтобы это сделала я. А теперь уходи!

Он ушел, а она рыдала, пока совсем не обессилела, а потом вырыла за домом могилку и похоронила там доверчивое существо, ожидавшее от жизни только хорошего. А после вспомнила

про премьеру, но играть она сегодня не сможет, ей очень неудобно перед всеми, но она не сможет, вы же видите, Виктория Павловна, невозможно, невозможно!

Вика тихо всхлипнула. Было жалко котенка, жалко Ташу, но гораздо жальче себя и свою загубленную судьбу. Спектакль не состоится, студию закроют, и останется она, Вика, у разбитого корыта, одинокая, никому не нужная пожилая баба, которой прямая дорога в психушку. Пусть не совсем никому не нужная, ведь она нужна Лешке, но нужна деятельной и энергичной, а не опустившей руки истеричкой.

— Но студию не могут закрыть! Виктория Павловна, это же невозможно! Я все время смотрю на вас и восхищаюсь, честное слово! Вы — настоящая подвижница. Вот говорят, все сейчас за деньги, а ведь вы всю душу нам отдаете, я вижу! Да они на вас молиться должны!

— Ох, Наташенька, — Вика лишь махнула рукой. — Если бы так. Сделают вместо нашей студии бильярд, а надо мною будет смеяться весь город. А может, ты все-таки попробуешь, а? Ты ведь — артистка. Анна Павлова танцевала в день смерти своей матери, с температурой под сорок, но никто из зрителей ничего не заметил. Она считала, что зрители не виноваты и не должны пострадать. Подумай — они приедут к нам, соберутся со всего города, и окажется, что это зря! Как мы будем перед ними выглядеть?

— Но, Виктория Павловна! Я ведь не хочу — я не могу! Вы посмотрите на меня! И я, как вспомню про Ушастика, сразу слезы текут. Вдруг так будет на сцене?

— На сцене — не будет, — твердо заверила Вика. — Поверь моему опыту. Выйдешь на сцену — все забудешь. Там — другая жизнь, другой мир. Там тебе станет легче. Ты ведь попробуешь, родная, хорошо? Ради нас всех!

— Я попробую, Виктория Павловна.

— Ты придешь? Обещаешь мне?

— Обещаю.

Еле волоча ноги после тяжелого разговора, Вика, не желая возвращаться домой, отправилась в Дом культуры, хотя было еще рановато. В пустом зале сидела Марина, какая-то зеленая и не слишком похожая на себя.

— Волнуешься? — догадалась Виктория Павловна. — Ну и видок — краше в гроб кладут. Подгримировать тебя, что ли?

— Никогда не стану больше писать пьес! — экспрессивно поведала та. — Что угодно, только не пьесы! И какой черт меня дернул, сама не понимаю? Может, отменить, пока не поздно? Сказать, что все мы заболели и умерли.

— В гроб меня вогнать хочешь? Сама знаешь, для меня эта премьеры — вопрос жизни и смерти.

— Это тебе только кажется, — мрачно возразила Марина, — ты просто создала себе идею-фикс, вот и все. А на самом деле здесь вопрос вовсе не жизни и смерти, а престижа и карьеры. Зато, — оживилась она, — радуется одно — что мы с тобою не актеры и нам не надо выходить сейчас на сцену. Я бы не сумела даже под угрозой казни — меня шатает. — И, помолчав, безжалостно продолжила: — Кстати, тут бродит Тамара Петровна, совершенно несчастная. Она считает, ты завтра же выгонишь ее из студии. Я попыталась убедить ее, что нет, но она не верит, что ради нее ты пожертвуешь Преображенским. Поскольку я тоже в это не верю, я, наверное, убеждала ее недостаточно убедительно, да тут еще он сам вмешался, и она ушла вся в слезах. Поговори с нею ты!

— Не нервируй меня! — резко выкрикнула Вика. — Еще мне ее слез не хватало! Вот отыграем премьеру, тогда поговорю с кем угодно, а пока меня не трогайте! И ты не трогай, а то хуже будет!

Она встала и побежала за кулисы. Из мужской гримерки слышались резкие голоса, кто-то явно ссорился. Виктория Павловна меньше всего на свете хотела сейчас ввязаться в очередной скандал, поэтому собиралась быстренько прошмыгнуть мимо, однако не успела. Как ошпаренный, в коридор выскочил Кирилл, бормоча ругательства, и рванул в направлении подсобки. Кирилл славился спокойствием, почти флегматичностью, так что Вика легко догадалась — его собеседником был никто иной, как Преображенский. «Сволочь! — подумала она. — Живого котенка! Да еще зная, что Таша такая чувствительная, да еще прямо в день премьеры! Честное

слово, Маринка права и этот тип — энергетический вампир, который питается нашими эмоциями. Он еще и улыбается, гад!»

Евгений Борисович действительно улыбался.

— Милая моя Виктория Павловна! Как это похоже на вас — прийти заранее, чтобы проверить, все ли в порядке! Такой трогательный, такой прекрасный, такой редкий энтузиазм!

«Так бы и двинула по роже», — мелькнуло у Вики в голове, а губы уже любезно произносили:

— Главное, что вы здесь! Зрители, критики — они ведь все в первую очередь придут ради вас!

— Да, — не стал спорить с привычной лестью собеседник. — Хотя свежая пьеса — это тоже интересно. Мы тут с Мариночкой обсудили ситуацию. Вы, конечно, не знаете, но у нее есть другие вещи, которые она тоже без проблем может переделать в пьесы или, например, в киносценарии. Представляете, как выигрышно, как эффектно — цикл детективных спектаклей одного автора. И в каждом я играю новую роль, совершенно не похожую на предыдущие. В первом убийцу, во втором героя-любownika, в третьем следователя. Мой талант преображения раскроется в полной мере!

— А, — изумленно выдавила Вика.

— Разумеется, — безмятежно добавил Преображенский, — для такого масштабного проекта требуется добротная, профессиональная режиссура, а не примитивная самодеятельность. Мариночка полностью со мною согласна. Впрочем, вы ведь и не воспринимаете свое увлечение театром всерьез, правда? Так, женское хобби. Вы даже договора с нею не подписали, даже не поинтересовались, готова ли она продолжать сотрудничество. Я думаю, закрытие студии не очень вас огорчит, правда, Виктория Павловна? Я бы не хотел вас огорчать, вы мне так симпатичны! Этот милый, дилетантский энтузиазм — он просто чудесен. Но вы ведь сможете проявить его в какой-нибудь другой области, да? Одно дело, если б у вас был хотя бы небольшой режиссерский талант, но его же нет, вы согласны? Вы организуете что-то иное, не менее милое! Например, фитнес-клуб. Или клуб «Кому за тридцать». Помогать одиноким сердцам — это ли не благородная задача! Уверяю вас, я сам похлопочу, чтобы директор предоставил вам помещение. И попрошу похлопотать об этом Мариночку. Директор к ней равнодушен, он не откажет. Надеюсь, вы на нас не в обиде? Вы же видите, что мы хотим вам только хорошего! Но своя рубашка как-то ближе к телу, такова жизнь.

Кровь стучала у Вики в висках — бум, бум, бум. Слова сливались, теряли смысл, превращались в гирлянду, в узор, странный, завораживающий. Голос актера, красивый, богатый интонациями и обертонами, лился журчащим потоком, накрывая с головой, не давая дышать. Наконец, хватило сил выдать:

— Я не очень поняла... Закрытие студии?

— Ну, да. Как трамплин для дальнейшего, сегодняшний спектакль очень даже уместен. Зритель, критики познакомятся с Мариночкиным творчеством и увидят, как удачно оно оттеняет мою гениальную игру. Быть гениальным в роли современника — это потруднее, чем в роли Лира, однако мне по зубам. Но всякому будет ясно, что ваша режиссура — или, если говорить откровенно, отсутствие таковой — в лучшем случае не загубила спектакль и уж всяко не способствовала его успеху. А если кому это будет непонятно, я им объясню. Я, как вам известно, имею кое-какой вес в театральном мире. Успех должен быть нашим — моим и Мариночки. Вы со своей студией будете нам только мешать. Зачем нам такой шлейф за спиной? Да и вообще, — Евгений Борисович доверительно понизил голос, — не нравится мне, что будут болтать — мол, Преображенский играл в самодеятельности. Это пока я не собирался возвращаться в театр, мне было безразлично, а теперь — нет, теперь подобная болтовня ни к чему. А не станет студии, люди быстро забудут. Короче, я решил — а ну ее, эту студию, закрою-ка ее от греха подальше. И, разумеется, я это сделаю. Вы ведь не в обиде, Виктория Павловна?

И, неожиданно поцеловав Вика в щечку, засмеялся:

— Боже, ну, какая же вы прелесть!

И скрылся, а она осталась в коридоре, разъяренная, ошеломленная, и лишь тихо, но с чувством повторяла: «Убью сволочь! Убью!» Ей хотелось броситься за мерзавцем и выцарапать ему глаза, трясти его, колотить о стенку. Затем, чуть придя в себя, она горько констатировала: «А Марина — подколотная змея. Хоть бы предупредила, хоть намекнула! Никогда бы про нее не

подумала, что она такая стерва! Еще и посмела утверждать, что для меня театр — вопрос не жизни и смерти, а престижа и карьеры. Как будто не знает, что это не так!»

Но времени предаваться скорби не было — пора было поднимать занавес, зрители уже заполнили зал. «А пришла ли Таша?» — всполошилась Виктория Павловна. Да, Таша пришла, бледная, с крепко сжатыми губами, с глазами, глядящими в неведомую даль.

Премьера стала ее звездным часом. Никто из знавших ее и предположить не мог, что девочка умеет так играть! В ее совместных сценах с Преображенским у Вики в самом буквальном смысле стучали зубы. А ведь Вика помнила текст наизусть, видела спектакль десятки раз! Но такой накал неукротимой ненависти витал в воздухе, что становилось жутко. Впервые два полюса — добра и зла — оказались равны по силе. И впервые — они вдруг оказались чем-то схожи.

Впрочем, эти выводы, разумеется, принадлежали не Виктории Павловне, а Марине, которая с удивительным цинизмом бросилась к Вике в антракте, словно к лучшей подруге, и принялась в своей вечной дурацкой манере за дурацкие, никому не нужные абстрактные рассуждения.

— И ведь в чем-то Таша права! — горячо восклицала она. — Действительно, когда даже самый порядочный человек берется судить другого, когда он уверен в собственной правоте, он ступает на тот самый путь, который от этой правоты уводит! Юная девочка, всего двадцать лет, а как глубоко она прочувствовала роль! Я раньше не верила, что актеру и впрямь требуется полный зал, чтобы проявить себя по-настоящему, а теперь убедилась. На репетициях Таша не выдавала и десятой части того, что сейчас! Удивительно, правда?

— Не очень, — холодно заметила Вика. — Просто ваш любимый гений задушил ее котенка. Котенка звали Ушастик.

Марина опешила, осеклась, глупо уточнила:

— Как задушил?

— Руками.

Виктория Павловна с удовольствием глянула в ошарашенное лицо собеседницы, однако развить успех не удалось — прозвенел звонок на второй акт.

После премьеры предполагался банкет для актеров и почетных гостей. Частично средства выделил тщеславный Сосновцев — кстати, он был тут как тут и с упоением крутился возле известных лиц. Частично Вика вложила свои деньги, взятые в долг. На представление без еды и выпивки никого не заманишь, это общеизвестно! И теперь до нее вдруг дошло, что она сама себе вырыла яму. Они собрались здесь, влиятельные в театральном кругу люди, они станут есть, пить за ее счет — и попутно слушать Преображенского, который хотя и склочный тип, но из их среды, к тому же славится чутьем, и вот он известит их, что режиссура никудышная, хотя текст хороший, игра же гениальная, и они будут кивать, соглашаться и кивать! Лучше бы не было этого банкета, лучше бы ничего не было!

Подобные мысли терзали Викторину Павловну весь второй акт, и она мечтала, чтобы он длился вечно, потому что потом начнется ад. Но спектакль, разумеется, завершился, публика принялась с энтузиазмом хлопать, актеры вышли на поклон, потом на сцену вытащили Вику, и Обалдевший поклонник вручил ей потрясающий букет. Букет выглядел так, словно этот тип сказал продавщице из цветочного ларька: «Сделайте, пожалуйста, самый красивый, какой только можно, и не считайтесь с ценой». Вика аж задохнулась от неожиданности и восторга, взяв в руки тяжелый, душистый сверток, на глазах ее выступили слезы, и она молча переводила взгляд с дарителя на подарок. «Молодой человек, у вас широкая душа, — тихо заметил Преображенский. — От имени всей труппы приглашаю вас на банкет». Как будто не сам издевался над ним совсем недавно!

А дело было так. После премьеры «Лиры» на сцену поднялся мужчина лет сорока пяти, явно собираясь присовокупить свои несколько гвоздик к немалому урожаю Евгения Борисовича, но, увидев появившуюся из-за кулис Вику, вдруг круто повернулся и отдал цветы ей. «Совершенно обалдел зритель, — удивленно констатировал тогда Преображенский, — мои цветы разбазаривает».

Виктория Павловна не обратила на эпизод особого внимания, однако на следующем представлении глазастая Дашенька заявила:

— А ведь в зале сидит ваш поклонник!

— Какой поклонник? — изумилась Вика, и Дашенька простодушно пояснила:

— Ну, про которого Евгений Борисович в прошлый раз сказал, что он обалдел.

Все расхохотались, и прозвище Обалдевший поклонник прижилось. Прижился и он сам. Он посещал около половины спектаклей студии и каждый раз преподносил Виктории Павловне хоть небольшой букетик. Причем познакомиться не пытался, поэтому Вика тешила себя надеждой, что обрела ценителя своего таланта. В качестве же настоящего поклонника он не был ей интересен. Во-первых, она продолжала любить Сашку и не собиралась никого заводить, а во-вторых, уж слишком неказистый вид был у странного зрителя. Нет, не потрепанный, не ужасный, а именно скучный, бесцветный, неказистый. Ей это надо?

Однако теперь мысль об Обалдевшем поклоннике грела. И хорошо, что он будет на банкете! Пусть там окажется хоть кто-то, кому по-настоящему нравится Викино творчество, кто ее похвалит, защитит от нападок! Хотя неприятно, что пригласил его именно Преображенский. И мало того, что пригласил — еще и шепчет ему что-то на ухо, и подмигивает! Неужели собирается перетянуть на свою сторону? Господи, что же делать? Как бороться?

Виктория Павловна не отличалась склонностью опускать руки в сложных ситуациях, но теперь энергия ее иссякла. Напряжение последних дней, разговор с Ташей, затем с ее дядей... Вика заранее настроилась, что главное — пережить премьеру, а там можно будет расслабиться, отдохнуть, и вот вожделенный миг настал, а расслабиться, выясняется, нельзя, надо продолжать бороться. «Надо!» — твердила она себе, а на деле покорно следовала за Евгением Борисовичем, виртуозно управлявшим ситуацией. Он был бодр, счастливо улыбался и принимал поздравления.

— Дорогие мои! — начал он, поднимая бокал с шампанским. — Я не зря посадил именно вас за этот стол. Именно вас я хочу видеть сейчас здесь, потому что...

Он сделал эффектную паузу, и Виктория Павловна успела оглядеться. Рядом с Преображенским красуется его жена, Галина Николаевна, в вечернем платье, некстати открывающем крайне поблекшую шею. Таша и Дашенька по контрасту выглядят на редкость свежо. По правую руку Дашеньки, разумеется, Денис, около него Кирилл. С другой стороны от Евгения Борисовича Сосновцев, пыжающийся от гордости. Он откровенно ухлестывает за змеей Мариной, которая в чудесном настроении и кажется почти красавицей. Да, еще мрачная, испуганная, вжавшая голову в плечи Тамара Петровна и Обалдевший поклонник.

— Именно вас я хочу видеть сейчас здесь, — повторил Преображенский, — чтобы... извиниться. Я виноват перед вами всеми! Виноват! — с упоением пропел он, демонстративно бия себя в грудь. — Но есть нечто высшее, управляющее моими поступками, и эта высшая сила заставляет меня делать то, что я делаю. Я не знаю, простите ли вы меня, да это и неважно. Главное, Я попросил у вас прощения, попросил сегодня, в этот знаменательный, я не побоюсь этого слова, великий день. Не все понимают меня сейчас, но один из вас понимает так, как никто, правда? Потому что наша встреча сегодня... этот разговор, который еще далеко не закончен...

«Он меня, что ли, имеет в виду? — зло подумала Вика. — Да, он, похоже, еще далеко не закончил свое гнусное дело. Чтоб его черти взяли, чтоб он сдох, зараза!»

Она машинально обвела взглядом соседей и отметила про себя, что у них сейчас очень интересные лица, выражения которых можно использовать для героев следующего спектакля. Галина Николаевна сжала губы в тонкую нитку, умудрившись при этом растянуть их в подобие улыбки. Таша остановившимся взглядом смотрит выше голов. Глаза Дашеньки округлились в искреннем удивлении, детский лобик наморщен в усилии понять, о чем идет речь. Денис набычился и сжал кулаки, а Кирилл застыл в ледяной неподвижности, словно статуя. Сосновцев, похоже, до предела чем-то возмущен, ему стало не до Марины, а она, кстати, аж подалась вперед, нервно вслушиваясь. Тамара Петровна не скрывает ненависти и горя, и даже Обалдевший поклонник — его зовут Игорь Витальевич — преобразился, сквозь привычную бесцветность проступил легкий налет индивидуальности.

Продолжать тост Преображенский не стал, засмеялся и выпил. Остальные тоже выпили, зашумели, напряжение, витавшее в воздухе, рассеялось. Вика вдруг взяла и налила себе полный фужер водки, залпом опорожнила под изумленным взглядом Игоря Витальевича и почувствовала огромное облегчение, проблемы отступили далеко-далеко, плевать она хотела на проблемы! Время понеслось в бешеном темпе, подходили знакомые, поздравляли, восхищались, она улыбалась и кивала в ответ. А потом почему-то рядом возник Кирилл, он повторял одну и ту же фразу: «Виктория Павловна, что же теперь делать? Виктория Павловна, что же теперь делать?» Он мешал расслабиться, он требовал ответа, и Вика неохотно взяла себя в руки, уточнив:

- Вы о чем, Кирилл?
- Там лежит его тело, — прошипел он. — Наверное, надо вызвать милицию?
- Чье тело?
- Да его, Преображенского, черт бы его побрал!
- В смысле... почему тело? Что вы имеете в виду, Кирилл? Пьяный?
- Скорее мертвый.

«Неужели повезло?» — мелькнуло в мозгу Виктории Павловны, но тут алкоголь мигом развеялся, и она негромко вскрикнула.

— Уверены, что он мертв? — раздался из-за плеча флегматичный голос Обалдевшего поклонника.

- Ну... мне так показалось... я не знаю... голова...
- Отведите меня туда, я посмотрю.

Кирилл нетвердыми шагами двинулся к выходу из буфета, за ним Игорь Витальевич, следом Вика. Они дошли до подсобки, и Кирилл мрачно информировал:

- Там.

Вика заглянула и в ужасе закрыла лицо руками. Усомниться в смерти Евгения Борисовича было трудно — его голова превратилась в кровавое месиво. Что касается причины смерти, та тоже не подлежала сомнению — тяжеленный металлический блок. Когда-то он использовался для смены декораций, но затем вышел из строя и был перенесен сюда. Упав, блок по нелепой случайности придавил Преображенского, почему-то оказавшегося здесь в такой неподходящий момент.

— Кирилл Андреевич, вот телефон, по которому надо позвонить. Скажете, что Талызин просит срочно приехать. Запомнили — Талызин? И никому пока ни слова. Незачем создавать панику.

Кирилл кивнул и исчез. Вика на секунду открыла лицо и тут же снова его закрыла. Зрелище было непереносимым. Нет, пусть он был сволочью, пусть собирался разрушить Викину жизнь, но подобной участи не заслужил!

— Присядьте, Виктория Павловна. Вот так. Отсюда тела не видно. Мы должны побыть здесь до приезда группы. Страшная трагедия!

Виктория Павловна осторожно опустила руки. Да, тела отсюда не видно.

— Кошмар, просто кошмар! — вне себя, выкрикнула она, но тут ее ум прояснился достаточно, чтобы созрел вопрос.

- А кто вы, Игорь Витальевич? Почему вы... ну...
- Так получилось, что я — следователь прокуратуры.
- Вы? — не поверила Вика. — Следователь?
- Да.

— И... и зачем вы тогда... зачем вы ходите к нам? У нас тут все хорошо... было.

— Ну, Виктория Павловна, следователь ведь тоже человек и имеет свои увлечения. Я люблю театр, а живу здесь поблизости. Услышал, что тут выступает сам Преображенский, пришел посмотреть. Ваша постановка «Лира» очень мне понравилась. Если откровенно, я не сторонник всяких там новомодных штучек. Наверное, я консерватор. По крайней мере, предпочитаю традиционные постановки. Вот и стал по возможности посещать ваши спектакли. А цветы — знак моего к вам уважения. Я ведь знаю, что вы — не только режиссер, но и душа этой студии. Все держится на вашем энтузиазме, вашем таланте. А цветы почему-то дарят исключительно актерам. Не очень-то справедливо, правда? А я во всем люблю справедливость.

Игорь Витальевич объяснял размеренно, несколько монотонно, и от этого Вика понемногу успокаивалась. К тому же слова следователя бальзамом омывали ее раны. То-то же, есть люди, восторгающиеся ее талантом, а этот самодовольный кретин уверял, будто таланта нет! Впрочем, она быстро вспомнила, что самодовольный кретин лежит в двух шагах с раздробленной головой, и мысли приняли другое направление.

Итак, бедный Евгений Борисович погиб. Интересно, успел ли он сделать свое черное дело и раскритиковать гостям Викину постановку? Хотя неважно. Если и да, то теперь эти высказывания померкнут по сравнению с ужасной вестью. Хотелось бы знать, как повлияет случившееся на резонанс премьеры? Конечно, нехорошо так думать, но Преображенскому уже не поможешь, а жизнь продолжается. Наврать бы, что он умер от сердечного приступа! Очень романтично, прямо

как Мольер — почти на сцене. Все газеты с восторгом бы описали, а заодно похвалили спектакль. Но врать бесполезно, шила в мешке не утаишь. Все-таки удивительно беспокойный он был человек, умел доставлять хлопоты окружающим! Какой черт занес его в подсобку? Какой черт не закрепил как следует блок? Словно нарочно — вчера забыли прикрыть люк, сегодня — новая напасть. И, что характерно, оба раза именно с Евгением Борисовичем. Не мытьем, так катаньем он должен был оказаться в центре внимания! Но теперь это — в последний раз. Не устраивать ему больше скандалов, не произносить монологов ни на сцене, ни в жизни, не притягивать зрителей гениальной игрой. Как он играл сегодня, уму непостижимо! Неужели больше никогда, никто этого не увидит? Несправедливо все-таки устроен мир! Почему люди умирают, не успев полностью реализовать себя? Его дар был в самом расцвете.

Додумать до конца Вике не довелось — прибыли вызванные Кириллом милиционеры. Они обращались к Талызину с почтением, весьма ее удивившим. Тщательно осмотрев подсобку, заинтересовались блоком. Виктория Павловна не слишком-то разбиралась в технике, о чем честно и сообщила. В свое время ей хватило информации, что блок не работает, поэтому она попросила мужчин перенести его сюда. Кого именно? Наверное, Кирилла с Денисом. Да, Кирилл?

Тот неохотно согласился. Но, можете быть уверены, блок они хорошенько закрепили. Он, Кирилл, лично проверил надежность конструкции, Денис вам подтвердит! Кто мог ее разрегулировать? Ну, например, Тамара Петровна Полякова. Подсобка — ее вотчина, она тут днюет и ночует. Разумеется, она не стала бы портить что-нибудь нарочно, но женщина есть женщина, от нее нельзя требовать понимания важности определенных вещей, очевидных любому мужчине.

Приведенная в подсобку Тамара Петровна тут же разрыдалась, хотя тело успели увезти.

— Это правда? — восклицала она сквозь слезы. — Это правда?

— Что именно? — флегматично уточнил Талызин.

— Что Евгений Борисович... что Евгения Борисовича... что его больше нет?

— Правда.

— Горе, о боже, какое горе! — заламывая руки, причитала Тамара Петровна. — Какая потеря! Вы ведь видели его игру, да? Он был гений, настоящий гений, и вот его больше нет! Театральный мир осиротел! Он был последний из могикан, среди нынешних таких больше нет!

Игорь Витальевич покладисто кивнул.

— Согласен. Пожалуйста, Тамара Петровна, попытайтесь успокоиться и ответить на несколько вопросов. Что вы знаете об этом блоке?

— Он не действует, — несколько секунд подумав, заметила она.

— А как он оказался здесь?

— Ну... Виктория Павловна сказала, раз он не действует, нечего ему загромождать сценическое пространство. И совершенно правильно сказала. Мальчики перетащили его сюда.

— Какие мальчики?

— Дениска и Кирилл.

— Очень хорошо, — кивнул Талызин. — А вы с тех пор к нему прикасались?

— К кому? — удивилась Тамара Петровна. Она явно приходила в себя и уже не истерически рыдала, а лишь тихонько всхлипывала.

— К блоку.

— А, к блоку... Ну, не знаю. То есть, да, прикасалась. Пыль иногда протираю, если надо. А что? При чем здесь... Вы имеете в виду...

Игорь Витальевич поспешно ее прервал.

— И, когда вы протирали пыль, он был хорошо закреплен? Не мог упасть?

— Ну... откуда мне знать? Не падал никогда, вроде держался. Так это он... он бедного Евгения Борисовича... у-у-у!

Она запричитала с новой силой, и ее тут же отпустили домой. Отпустили и остальных, предупредив, что некоторым придется явиться в прокуратуру по вызову, чтобы дать показания. Однако Виктория Павловна специально задержалась. Она надеялась, что Обалдевший поклонник, хоть и следователь, все же остается человеком и разъяснит ей перспективы. Раз он так ее уважает!

В буфете было безлюдно, лишь грязная посуда напоминала о недавнем застолье. «Все в страхе сбежали, — горько подумала Вика. — И все сделают вид, будто спектакля не было. И

студию закроют». Только сейчас эта мысль почему-то казалась не такой трагичной, как пару часов назад. Маринка права, это не вопрос жизни и смерти, а всего-навсего карьеры и престижа. Вопрос жизни и смерти, он был решен только что, и смерть опять победила жизнь. Неужели так бывает всегда?

— Вас довезти на машине? А то уже поздно.

— Ой, спасибо! Что б я без вас делала?

Вообще-то Вика была на собственной машине и в чужой не нуждалась, но грех было не воспользоваться случаем выпытать что-нибудь у Талызина по пути. Мысли о смерти отступили перед насущными проблемами, и жизнь в душе Виктории Павловны привычно и незаметно одержала очередную победу.

— Надеюсь, вы не станете обвинять бедную Тамару Петровну в... в небрежности? — осторожно поинтересовалась Вика, с недоумением отметив, что «Жигуль» следователя почти так же стар, как ее собственный.

— У нас для этого нет ни малейших оснований, — успокоил ее Талызин.

— Она — очень добросовестная и порядочная женщина. А если что иногда и забудет...

Вике пришел на память открытый люк, но она сочла неуместным о нем упоминать. Милиционеры — странный народ! Прицепятся, начнут что-то выдумывать. А Обалдевший поклонник — тем более странный. Сидит и молчит, будто не он задаривал ее цветами. Другой бы не упустил шанс, раз остался наедине. Ей этого, разумеется, не нужно, только все равно глупо с его стороны! Впрочем, тем лучше, что он дурак.

— Какая сложная у вас работа! — лицемерно восхитилась вслух Виктория Павловна. — Наверное, следователями могут быть только очень умные люди. Я бы ни за что не справилась!

— Да, эта работа не для вас, но ум тут не при чем. Просто у вас другой тип мышления.

— Да? В общем, не хотела бы я быть на вашем месте. Тяжело вам, наверное, приходится. Слава богу, сегодняшний случай как раз довольно легкий. В том смысле, что сразу видно, какая это нелепая случайность.

Игорь Витальевич спокойно прокомментировал:

— Поразительно нелепая. Скажите, а Преображенский часто заходил в подсобку?

— Да нет.

— А остальные?

— Тоже нет — кроме Тамары Петровны, разумеется.

Вика вдруг вспомнила, как в этом направлении бежал перед спектаклем Кирилл, но отчитываться в воспоминаниях перед милицией не собиралась.

— Тогда почему же он пошел туда сегодня?

— Ну... он был так возбужден... премьеры и все такое... Наверное, хотел побыть один. А везде гости. Вот он и спрятался.

— А ему не мог там кто-нибудь назначить встречу? Помните тост? «Наша встреча сегодня... разговор, который еще не закончен...» Я решил, это обращено к конкретному человеку.

Виктория Павловна объяснила:

— Тогда этот человек сказал бы вам, а никто не сказал.

— Вы уверены, что он захотел бы признаться?

— А почему нет?

— Люди не слишком-то любят с нами откровенничать, да и вообще выносить сор из избы. Вот вы — разве вы рассказали мне все, что знаете?

— Разумеется, хоть я и не слишком умна, но чтобы поделиться с вами всеми моими знаниями, пятнадцати минут недостаточно, — засмеялась Вика. — А вот про блок рассказала все. Честное слово, не знаю я, как он крепится и почему упал! Может, какой-нибудь трос перетерся?

— Трос не перетерся. Похоже, трос был закреплен так, чтобы при малейшем прикосновении блок упал.

— Господи, бедный Евгений Борисович! — искренне вздохнула Виктория Павловна. — Как представляю... и на взлете таланта...

— Да. Значит, про встречу вы ничего не знаете? Возможно, знает кто-нибудь другой...

— Игорь Витальевич! — вскричала Вика. — Войдите в мое положение! Я столько сил отдала этой премьере, так о ней мечтала! Мне было так необходимо, чтобы она прошла успешно...

— Иначе студию могли бы прикрыть, — тихонько вставил следователь.

— И тут — такое! Мало того, что я лишилась звезды, так еще вместо обсуждения премьеры все станут обсуждать убийство, а спектакля как будто не было! А если в довершение к этому людей по сто раз будут вызывать в милицию, все совсем развалится, понимаете? Я стану, как зачумленная. «А, это из-за ее дурацкой студии я влип в такую историю? Да пусть эта студия провалится!» А для меня в ней полжизни. Если б Евгения Борисовича можно было воскресить, это одно, но ведь нельзя! Ну, разве мало в городе несчастных случаев? Неужели из-за каждого из них допрашивают по сто человек? Я думала, составят протокол, и достаточно. Вы не представляете, какие нервные и обидчивые эти артисты! А критики еще хуже! С критиков надо пушинки сдувать, а им все равно мало! Я пригласила влиятельных людей, чтобы они помогли мне, но если их будут из-за меня подозревать в чем-то непонятном, они мне только навредят! Господи, ну, чем я виновата?

Вика разгорячилась, глаза ее горели, голос звенел. День был тяжелый, нервы сдали.

— Знаете, сколько я перед ними юлила, чтобы они сообразовали прийти? Самой противно! Но студия... а теперь все прахом... А!

Она, отвернувшись, обреченно махнула рукой.

— Ну, не так все страшно, — сочувственно возразил Талызин. — Никто не тронет ваших нервных знаменитостей, не бойтесь! Им будет только приятно, что они присутствовали при самом необычном театральном событии месяца. Будут делиться впечатлением со знакомыми, а заодно похвалят спектакль. Люди, они такие. А что касается показаний, нам вполне достаточно членов вашей студии, да и то тех, кто сидел с нами за одним столом. Если с кем-то и была назначена встреча, то с одним из них. Так у вас нет никаких подозрений, с кем именно? Евгений Борисович еще почему-то извинялся перед всеми. Например, перед вами — за что?

— Мало он мне крови попил? — буркнула Виктория Павловна и ехидно осведомилась: — А перед вами за что?

Игорь Витальевич, проигнорировав вопрос, сообщил:

— Ну, вот и ваш дом. Знаете, я не стану вас таскать в прокуратуру, вам и без того нелегко. Если вы понадобится, я лучше заеду к вам или на работу, или сюда. Вы не против?

— Спасибо! Наверное, сюда. Будет ли завтра у меня работа...

— Будет, будет. Должен сказать, что Евгений Борисович очень высоко вас ставил. Очень.

— Так я и поверила!

— Я не шучу. Получается, это чуть ли ни его последние слова перед смертью. Он говорил, что вы очень талантливы как режиссер и еще более талантливы как организатор. Что ни с кем не работает так легко, как с вами. Он надеялся, что скоро сыграет новую роль в вашей очередной премьере, и вот...

— Вы это придумали, чтобы меня утешить? — прервала Вика. — Вот уж, не надо!

— Я вовсе не придумал, — удивился Талызин. — Я передаю, конечно, не дословно, но близко к тексту. Просто у вас сегодня трудный день, Виктория Павловна, вот вам и не верится ни во что хорошее. Ложитесь спать, отдохните, а утро вечера мудренее.

Лишь дома Вика сообразила, что вовсе не сообщала Обалдевшему поклоннику своего адреса. Откуда же он его знал? Впрочем, она не собиралась ломать над этим голову, гораздо больше ее волновало другое. Неужели Преображенский ее действительно высоко ставил? Неужели он не строил против нее козни, а наоборот? Или, возможно, он хвалил ее Талызину, поскольку тот далек от театральных кругов, а критикам все же ругал? Господи, ну и человек, и после смерти умудряется водить людей за нос! А как он играл сегодня... кровь стыла в жилах... страшно представить, что больше никогда, никогда...

Наутро позвонила Марина.

— Вика, я могу к тебе приехать?

— Зачем? — холодно осведомилась та.

— По поводу... вчерашних событий. Я еду.

И она положила трубку. Виктории Павловне не слишком-то хотелось выслушивать лживые оправдания хитрой подружки, которая теперь, лишившись соратника, решила вновь пойти на сближение. Вчера бросила на растерзание, а сегодня, видите ли, мчится! С другой стороны, как бы там ни было, Марина для студии — хорошее приобретение, и лучше бы ее сохранить. Бог с ними, с амбициями, дело важнее.

Марина выглядела отвратительно, под глазами синели круги.

— Считай, ночь не спала, — вздохнула она. — Все думала, думала. Я должна с кем-нибудь поделиться, а то совсем обалдею. Вика, ты знаешь точно, отчего он умер?

— На него упал блок для декораций.

— Этот блок когда-нибудь раньше падал?

— Ну, — изумилась Виктория Павловна, — нет, наверное.

— А почему он упал вчера? — настаивала Марина.

— Талызин говорит, был плохо закреплен и упал при прикосновении.

— А почему он был плохо закреплен?

Вика раздраженно пояснила:

— Потому что его плохо закрепили.

Марина не обиделась.

— А позавчера плохо закрыли люк. Тоже случайно, и тоже перед Евгением Борисовичем. Тебе это не странно?

Виктория Павловна, не выдержав, засмеялась.

— Вот что значит писать детективы! Ты что, считаешь, его убили, что ли?

— Считаю, — серьезно подтвердила собеседница. — А ты — неужели нет? Если посмотреть на ситуацию со стороны.

— Со стороны смотрела милиция, и никаких таких глупостей им в голову не пришло!

— Кто знает, — покачала головой Марина. — Ведь твой Талызин сидел за столом вместе с нами и все слышал.

— Что — все? Пьяную болтовню?

— Тост. Он не показался тебе странным? Сперва я была уверена, что Евгений Борисович обращается ко мне, но, чем больше думаю, тем больше кажется, что нет. А как считаешь ты?

Тут уже Вика удивилась окончательно.

— К тебе? А почему вдруг к тебе?

— Потому что он извинялся. Правда, почему-то перед всеми, но потом открыто намекнул, что кто-то один все понял... я и решила...

— Перед тобой, по-моему, ему как раз извиняться было незачем, — едко заметила Виктория Павловна. — Это я как раз решила, что он обращается ко мне!

Марина неожиданно улыбнулась.

— Даже так? Честное слово, вчера я просто была не в себе, а надо было прояснить положение сразу! Днем, еще до твоего прихода, Евгений Борисович сказал мне, что вы с ним поняли, какой ошибкой было ставить мою пьесу. Что твоя постановка и его игра, возможно, спасут ситуацию, но в будущем вы, конечно, больше не станете иметь дело с такой бездарной дилетанткой, как я. И что вы постараетесь на банкете донести до критиков, что все недостатки премьеры связаны только с очевидной слабостью пьесы и ни с чем другим.

— Он... он так сказал?

— Да. Он сказал еще существенно крепче!

— Во интриган! — почти восхитилась Вика, на душе которой моментально стало легко. — А мне, между прочим, совсем наоборот!

— В каком смысле — наоборот?

— Ну, что вы с ним не станете больше иметь дело со мной, потому что я — никудышный режиссер. Вы будете работать с профессионалами, а студию пускай прикроют. Я там чуть с ума не сошла! А тебе, по-моему, хоть бы что. Болтала со мной, как ни в чем не бывало.

Марина попыталась объяснить:

— Конечно, меня это не слишком порадовало, но я решила, что по большому счету вас можно понять. Вы действительно профессионалы, а я нет, и если б вы ставили пьесу драматурга, имеющего вес, он бы смог вас поддержать, от меня же студии никакой пользы. А я прекрасно понимаю, как для тебя эта студия важна и что с тобою будет, если ее прикроют. Только было обидно, что ты не сказала мне сама, но я постаралась показать тебе, что зла не держу. Конечно, следовало сразу обо всем догадаться и поговорить без обиняков, но ты обращалась со мной так холодно, что я совсем уверилась.

— В чем уверилась? — уточнила несколько запутавшаяся Виктория Павловна.

— Что ты действительно сделала... а, чего там! сделала мне гадость.

— Издеваешься? Я обращалась холодно, потому что гадость сделала ты, а если б гадость сделала я, зачем бы я стала на тебя обижаться?

— Вика, а тебе говорили, что ты хорошая? — не в тему, зато очень ласково спросила Марина после секундной паузы.

— Я? В каком смысле? Потому что на самом деле не делала тебе гадостей?

— Потому что не стала бы обижаться на человека, которому причинила зло. Большинство людей несомненно стали бы.

Вика пожала плечами. Маринка страшная выдумщица, вечно у нее разные заумные фантазии! Впрочем, авторы все такие.

— Так значит, Преображенский замышлял козни сразу против нас обеих?

— Или ни против одной — я теперь и сама не понимаю. Это можешь узнать только ты у своих друзей-критиков. Я вчера хотела послушать, о чем они сплетничают, да не было сил. Я думала, все равно никогда не стану больше писать пьес, и мне было почти безразлично.

— Неужто безразлично? — усомнилась Вика.

— Почти. Меня настолько радовало, что премьера позади, как будто я жизнью на этой премьере рисковала и теперь спасена, — усмехнулась Марина. — Сегодня сама удивляюсь.

— А на премьерах это обычное дело. Кстати, знаешь, Талызин... он сказал, что Евгений Борисович очень хорошо ему обо мне отзывался. В смысле, как о режиссере и организаторе.

— Я рада.

— Но почему он тогда... почему он издевался надо мной? Чуть с ума не свел!

— Как раз поэтому. Не одни мы с тобой волновались перед премьерой, он тоже, только мы по-разному это проявляли. Евгению Борисовичу требовались сильные эмоции, и он получил их от нас. Зато и играл как! У меня до сих пор стоит перед глазами! А как подумаю, что больше этого не увижу, хочется плакать. Ощущение какой-то невосполнимой ужасной потери. Я, конечно, эгоистка. Человек погиб, а я переживаю больше не из-за него, а из-за себя. У меня чувство, будто меня ограбили, украв что-то необычайно ценное, понимаешь?

— Он, конечно, гений, — не стала спорить Виктория Павловна, — но все равно... Я ведь тебе говорила про Ташиного котенка, да? Надо быть последней сволочью, чтобы это сделать! Ладно, нас с тобой помучить, раз это полезно спектаклю, но ты бы видела, что было с Ташей!

— Я толком так ничего и не поняла. Расскажи!

Вика помнила жуткий Наташин рассказ почти дословно. Марина слушала внимательно, напряженно. Дождавшись конца, переспросила:

— Она так и произнесла? «Я хочу, чтобы тебя вот так же кто-нибудь убил, и я прошу бога, чтобы это сделала я». Вот так?

— Ну, примерно так. А что? Не думаешь же ты...

— Я и сама не знаю, что думать. Но, если это сделала она, не имею ни малейшего желания ее выдавать.

— И дернул же его черт! — вырвалось у Виктории Павловны. — Знала, что он зараза, но не настолько же, прости его господи!

— Наверное, он уже чувствовал себя убийцей, — мрачно предположила Марина. — Он ведь вживался в роль по-настоящему, почти на уровне переселения душ. Он готовился играть убийцу — и вел себя, как убийца. Гений преображения — его так называли? То есть это словно был уже не он, а его герой. А, снова став самим собой после премьеры, он извинился. Реально?

— А вот и нет! — радостно сообщила Вика. — Ты сама себе противоречишь. Если на генеральной на Преображенского покушались с помощью открытого люка, так это была не Наташа. У нее еще не было причин, правда? И у Тамары Петровны тоже не было. Если были, так у одной Галины Николаевны да у Дениса.

— Ну, у Дениса ревность, это ясно, а что Галина Николаевна?

— Как что? То же самое.

— За тридцать лет совместной жизни, пожалуй, ей пора бы и привыкнуть. Насколько я понимаю, он никогда не склонялся к моногамии.

— Изменял, конечно, но до развода все-таки раньше не доходило.

— И теперь бы не дошло, — уверенно прокомментировала Марина.

— Да, Даше он, конечно, даром не нужен, но Галина Николаевна этого не понимала!

— Даже и был бы нужен, сомневаюсь, что развелся бы. Мне кажется, он очень ценил жену и понимал, что ни с кем другим ему всерьез не ужиться.

— Но угрожал, что бросит ее в любой момент, стоит Дашеньке кивнуть. Помнишь?

— Слова. Он знал, что она не кивнет. Не такая она дура, какой притворяется!

— По-твоему, если кто не такой умный, как ты, значит, обязательно притворяется? Прости, Маринка, но ты на редкость к ней необъективна.

— Да, — покладисто согласилась Марина, — сама удивляюсь. Но ее настолько обожают остальные, что без моей любви уж как-нибудь обойдется. Не нравится мне подобный тип женщин!

— Что, такая увела у тебя когда-нибудь парня? — Виктория Павловна с искренней заинтересованностью подождала ответа и, не дождавшись, добавила: — Ладно, не будем ссориться. Я-то убеждена, что у него седина в голову, бес в ребро. И Галина Николаевна тоже убеждена, иначе зачем она стала бы таскаться к нам на репетиции? Такого никогда раньше не было!

— Ты права, да. Главное не то, собирался ли он ее бросать на самом деле, а то, что мнилось ей. А ей явно что-то мнилось. Значит, ты считаешь, это сделала она?

— О господи! — воскликнула возмущенная Вика. — Ничего подобного я не считаю! Я просто сказала, что она ревновала к Дашеньке, вот и все. А блок упал случайно, и люк был открыт случайно. Тебе вечно чудятся какие-то сложности там, где все просто.

— Две случайности подряд как-то маловероятны. Еще ладно, одна... О, идея! На генеральной действительно была случайность — кто-то открыл люк и забыл его закрыть. Но эта случайность навела убийцу на мысль. Он понял, как легко подстроить несчастный случай в театре, понимаешь? Пошуровал с этим блоком и вызвал Евгения Борисовича на разговор в подсобку. Ты ведь помнишь тост? «Разговор еще не закончен»... Что-то в этом роде. Я хорошо помню, потому что сперва отнесла к себе. Но я ему встреч не назначала, и он мне тоже. А кто-то назначил, это точно! И, если без дурных намерений, то должен был признаться милиции. Ты случайно не в курсе, кто-нибудь признался?

— Нет, — неохотно выдала тайну Виктория Павловна, — никто. Талызину это не понравилось. Он тоже считает, что в подсобке была назначена встреча.

— Вот видишь!

— Что вижу? Он считает, человек скрыл, чтобы лишний раз не связываться с ментами. Люди, мол, вечно от них что-то скрывают. Я и сама от него скрыла про люк — не хочу, чтобы он ходил и все вынюхивал! А он собирается нас допрашивать и искать, с кем же была назначена встреча.

— А, ты, значит, про люк не сказала? Это хорошо, — задумчиво пробормотала Марина.

— Почему?

— А вот почему! — горячо поведала та. — Предположим, убили не Галина Николаевна или Денис, а Таша или Тамара Петровна. Кто-нибудь, у кого на генеральной еще не было никаких причин. Пусть даже мы с тобой!

— Кто? Ты что, совсем спятила?

— Я не утверждаю, что это мы, я говорю к примеру. Да ты не ахай, ты представь! Позавчера у нас с Преображенским все было гладко, а вчера он пригрозил разрушить наши планы. Пусть не наши, пусть мои. Я вспомнила про открытый люк и поняла, что сумею подстроить нечто схожее. Попортила этот дурацкий блок и позвала туда Евгения Борисовича. Естественно, первая надежда, что все примут смерть за несчастный случай — это всего безопаснее. Но судьба привела за наш столик твоего Обалдевшего поклонника, который оказался следователем. Следователь слышал странный тост и догадался о назначенной встрече, а, догадавшись, заподозрил убийство.

— Да ничего он не заподозрил! Он и словом не обмолвился!

— А ты считаешь, следователи делятся с подозреваемыми своими подозрениями? Наоборот, они усыпляют бдительность. Такая у них профессия.

— Глупости! Он был очень со мной любезен. Он даже обещал допрашивать меня не в прокуратуре, а здесь или на работе. И вообще, он мой поклонник!

— Неужели? — подняла брови Марина. — Хочешь сказать, между вами что-то было?

— Пх! — фыркнула Вика. — Очень надо!

— Ладно, спрошу иначе. Он хотя бы делал какие-то попытки? Пусть минимальные.

— Нет, не делал. Я тоже думала, что в машине он обязательно... странный мужик, да?

— Ничего не странный. Просто он побоялся приставать к подозреваемой, чтобы ему что-нибудь не пришили за это на работе. Очень логично!

— Да? Ну, не знаю. Слава богу, я держала рот на замке. Послушай, ты что, действительно считаешь, что я могла убить Евгения Борисовича? Я, конечно, готова была выцарапать ему глаза, но...

— Вот именно, — засмеялась Марина. — Если б его нашли с выцарапанными глазами, я бы не усомнилась, что это сделала ты. Впрочем, ты бы и не сумела этого скрыть.

— Нечего считать меня дурочкой! — неожиданно обиделась Вика. — Очень даже сумела бы. Думаешь, я прямо-таки всем вам показываю, что у меня в душе? Между прочим, хитрю получше всякого, и с тобою тоже!

— Макиавелли наших дней! Да хитришь, хитришь, успокойся, и вертишь всеми нами, как заблагорассудится. Твоя черная, черная, черная душа скрыта от нас непроницаемой завесой, заглянуть за которую ты не позволяешь даже избранным. Твое коварство парализует нашу волю и заставляет нас приходить в студию, а там — о ужас! — принимать участие в постановке спектаклей, не требуя с тебя ни гроша.

Последние фразы произносились нараспев, словно детская страшилка.

— Да ну тебя, не издевайся! — попросила Вика.

— Я не издеваюсь, я шучу. Ладно, если настаиваешь, примем как версию, что убила ты, но по врожденной хитрости ловко скрываешь. Ты этого от меня добивалась?

— Никого я не убивала! Слушай, не выводи меня из себя!

— Да я и не собиралась. Просто хотела сказать, что я-то лично убеждена, что это сделала не ты, а вот Талызин не обязательно. В конце концов, он вчера первый раз словом с тобою перемолвился и характера твоего не знает!

Виктория Павловна упрямо помотала головой.

— Ничего подобного он не говорил и даже не намекал.

— Еще раз повторяю — было б странно, если бы взял и открыто изложил все свои подозрения. Кстати, он сразу меня удивил, даже еще пока я не знала, кто он. Очень неординарный человек.

— Да ты что! Наоборот — серый, как... как...

— Да, то, что называют темная лошадка. Или тихий омут, где черти водятся. Как раз с такими яркими, как ты, все достаточно просто, а вот эти тихони! Абсолютно не догадаешься, что у них на душе. Хотелось бы верить, что ты действительно ему нравишься. Кстати, это ты пригласила его на банкет?

— Нет, Евгений Борисович.

— Так они знакомы, — чуть прищурилась Марина.

— Нет. Преображенский просто его пригласил, и все.

— Чужого человека? С чего вдруг?

— Ну, откуда мне знать? Преображенский, он такой.

— Как раз он не такой. Он никогда не интересовался чувствами других людей, только своими, и он не из тех, кто постарается устроить кому-нибудь личное счастье. И вообще, если они не знакомы, о чем так долго говорили друг с другом?

Вика небрежно напомнила:

— О том, что Евгений Борисович очень высоко меня ставит.

— Да? И что, Обалдевший поклонник резко против этого возражал?

— Я думаю, наоборот. Почему возражал?

— Потому что я лично видела, как они горячились. Еще удивилась, что такой флегматичный с виду тип, как этот Талызин, умеет горячиться. Что ты на это скажешь?

— О господи! А что я должна сказать? Преображенский, он и мертвого разгорячит, да будет земля ему пухом.

— Это да, — согласилась Марина, — и все-таки странно. У меня все-таки складывается впечатление, что они были знакомы.

— Ну... если хочешь, я спрошу при случае у Игоря Витальевича...

— Так он тебе и ответит! Он явно предпочитает это скрыть. А почему? И вообще, почему он ходил в студию?

— Живет рядом. Да, еще ему нравится моя реалистическая манера постановки. А что?

— Да ничего. Просто думаю, что следователи тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Наверное, среди них встречаются и убийцы.

Вика, не выдержав, расхохоталась, затем весело осведомилась:

— А тебе никто не говорил, что у тебя буйная фантазия? Буйная — это еще мягко сказано.

— Я знаю, — покаянно кивнула Марина, — и этот недостаток жутко мешает мне в работе. Я же физик! Но я ничего не могу с собой поделать. Я ведь не утверждаю, что все это правда, просто говорю, что оно *могло* быть правдой!

Виктория Павловна глянула на собеседницу с нескрываемой симпатией. Умная-то она умная, а иногда такая смешная!

— Значит, по-твоему, убийца — следователь? Включи это в твою следующую пьесу, идея оригинальная.

— Да нет, я не думаю, что убил Обалдевший поклонник, на него я просто случайно отвлеклась. Про что же я такое говорила? А, вспомнила! Итак, предположим, Преображенского убила я. Хотела выдать за несчастный случай, но присутствие Талызина смешало мои планы. Он догадался, что это убийство. Тогда главное для меня — отвести от себя подозрения, так? Особенно в случае, если они изначально были.

— Что значит — изначально были?

— Ну, например. То, как тебе угрожал Евгений Борисович, кто-нибудь слышал? Кроме вас двоих, разумеется.

— Не знаю. Нет, наверное.

— В этом случае тебя подозревать у милиции причины нет.

Вика сообразила, что Марина снова сама себе противоречит, однако возражать не стала. Ей было очень интересно, она увлеклась.

— А взять, к примеру, не тебя, а меня. Мне Преображенский тоже угрожал, и, как выяснилось, это слышал посторонний человек.

— Какой человек?

— Да ваш директор, Сосновцев. В таком случае я должна волноваться, не сообщит ли он об этом следователю на допросе, так? Если сообщит, я тут же окажусь под подозрением.

— погоди! — остановила собеседницу Вика. — Так он действительно слышал или это твоя очередная фантазия?

— Нет, это, к сожалению, не фантазия. Он весь вечер шептал мне в ухо, какие вы с Преображенским коварные, но обещал не дать меня в обиду. Конечно, при условии, что я буду с ним... скажем, в хороших отношениях.

— Вечно забываю, что он разведен, — оживилась Виктория Павловна. — Честное слово, Маринка, тут дело вовсе не безнадежное! Возьмет и женится. А денег у него — о-го-го!

— Слушай, Вика, если честно... он тебе-то самой не противен? Особенно после вчерашнего.

— А что вчера? — не поняла Вика.

— Он не показался тебе вчера еще противнее, чем обычно? Если честно?

Как ни странно, вопрос бил не в бровь, а в глаз. Вообще-то, Сосновцев вовсе не был уродом. Правда, маловат и щупловат, зато строен и держится с живостью молодого. Подвижное морщинистое лицо злопыхателям напоминает о мартышке — но черты достаточно правильные и не без своеобразного обаяния. Короче, видала Вика и пострашнее, а уж сам он мнил себя записным красавцем и действительно имел у дам успех. Тем не менее, в вечер премьеры от одного вида этого типа Виктории Павловне становилось тошно. Интересно, почему?

— Да потому, что его играл Евгений Борисович! — восторженно выкрикнула Марина. — То есть не только его, но и его тоже! Ты не заметила? Это было так гениально сделано, что...

— Боже мой! — дошло вдруг до Вики. — А я-то не могла понять! Я чувствовала что-то знакомое, но у них настолько разный типаж, что я не осознала.

— А Преображенскому не требовалось менять внешность, чтобы кого-то изобразить, — гордо заметила Марина. — Он до этого не опускался. Просто взял и в последний момент включил в своего убийцу еще и...

— Да, вот такой жест, например! — не выдержав, прервала Вика. — И эта улыбочка, одновременно самоуничижительная и самодовольная! Потрясающий завершающий штрих, и я только теперь увидела, что это действительно вылитый Сосновцев! И это постоянное изображение непосредственности, которое у меня давно в печенках сидит! Но я Преображенского этому не учила, он сам.

— Не сомневаюсь. Я думаю, мало кто действительно все четко понял, но убеждена, что ни один из видевших премьеру не сможет теперь смотреть на Сосновцева без отвращения. Это уже нечто на уровне физиологии или, например, мистики.

— Интересно, а сам он заметил? То есть Сосновцев.

Марина покраснела.

— А я ему сказала, представляешь? Видала дуру?

— Зачем?

— Не знаю. Разозлил очень. Да еще нервы были на пределе, да и выпила. Самой теперь стыдно, но сделанного не воротишь. Возможно, он мне не поверил — он ведь такой самодовольный!

Они помолчали в раздумье, затем Вика попыталась вернуть разговор в прежнее русло.

— Ты вроде опять отвлеклась от мысли. Итак, ты якобы волнуешься, что Сосновцев расскажет следователю о том, как Евгений Борисович тебе угрожал. И что?

— Я захочу отвести от себя подозрение. И вот тут пригодится открытый люк! Предположим, он был открыт случайно, но я-то постараюсь сделать вид, будто это не так! Я возьму и доложу следователю о люке, причем так, чтобы он обратил на него внимание. И получится, что убийца не я, а кто-то, кто имел повод не только вчера, но и позавчера. Например, Галина Николаевна или Денис. Логично?

— Вроде бы.

— Так вот! Я про люк говорить не собираюсь, ты тоже не говорила. А вот если убила Наташа... ну, или Тамара Петровна... короче, кто из них убил, тот про люк и расскажет.

— А если никто не расскажет?

— Значит, люк был открыт не случайно, а убийца — Галина Николаевна или Денис. Или мы кого-то пропустили?

— Что значит — пропустили? — уточнила Виктория Павловна.

— Из сидевших за нашим столом. Я думаю, стоит ограничиться ими, ведь Евгений Борисович определенно обращался к кому-то из нас. Согласна?

— Ну... Талызин тоже собирается допрашивать только нас.

— Видишь, мы с милицией мыслим одинаково! Итак, давай считать по пальцам. Кто там сидел? Я, Сосновцев, ты, Обалдевший поклонник, Таша, Кирилл, Дашенька, Денис, Преображенский и его жена. Как здорово все разбились по парам!

— Еще Тамара Петровна.

— Да, точно. Давай с нее и начнем. Она была уверена, что ты ее прогонишь, чтобы не лишиться Преображенского, а вот если он погибнет, ты ее, разумеется, оставишь. К тому же она часто бывала в подсобке и имела больше всех возможностей там помухлевать. Да, и она, если бы назначила встречу, так именно там, это ее любимое место.

— Все это правда, но, Марина! Неужели ты считаешь, что из-за такой ерунды она бы убила человека? Ну, подумай сама!

— Для тебя студия — ерунда? А если бы тебя оттуда выгнали?

— Ну, не сравнивай! — возмутилась Вика. — Это моя студия.

— Зато Тамара Петровна страшно обидчива. Евгений Борисович часто ее унижал, и она вечно плакала. Другие либо не обращали внимания, как ты, либо давали сдачи, как я, а она принимала все близко к сердцу. Вот возмущение копилось, копилось и перешло предельную грань.

— Но она так переживала, когда узнала о его смерти! Говорила, что театральный мир осиротел!

— А по-твоему, ей стоило сказать — «ну, наконец-то!»? — съязвила Марина. — Кстати, я тут вспомнила, что она довольно надолго выходила из-за стола.

— А кто не выходил?

— Да, ты права, все мы как-то разбредались. Или был кто-нибудь, кто постоянно сидел на месте? Я не припомню, потому что я тоже не сидела.

— И я.

— Жалко. Короче, Тамара Петровна имеет и мотив, и возможность, причем мотив известен всем. Таким образом, если убийца — она, то она должна постараться обратить внимание следователя на открытый люк, чтобы его запутать. То же самое про Наташу. Правда, ее мотив известен только тебе да теперь мне, но и этого достаточно. Ведь ты в хороших отношениях со следователем, и представляется естественным, что ты ему все расскажешь.

— Не расскажу! — вставила Виктория Павловна.

— Но она-то этого не знает! Поэтому обратить внимание на люк выгодно и ей. Господи, хоть бы это была не она! Такая хорошая девочка...

— Конечно, не она.

— Тогда Галина Николаевна. Ты меня убедила, она действительно должна страшно ревновать. Преображенский так демонстрировал свою любовь к Дашеньке и пренебрежение к семье... А Галина Николаевна дама с достоинством, ценит себя высоко и обид не прощает. Тут не только ревность, но и унижение.

Вика добавила:

— И вообще, она ведет себя так, будто Дашенька ей до фонаря. Так я и поверила! Явно притворяется, а зачем?

Если уж в студии затаился убийца, пусть это лучше будет чужак, чем свой!

— Точно, — кивнула собеседница. — Ни одной женщине молодая соперница не будет до фонаря, так что ее безразличие очевидно нарочитое. Кстати, ты обратила внимание, что она стала краситься по-молодежному? Но это только подчеркивает ее возраст. Потом, она женщина умная, а убийство совершено очень умным человеком.

— Почему умным? По-моему, наоборот. Если это убийство, то какое-то ненадежное. Одно дело — вдарить хорошенько по голове, и результат сразу виден, а совсем другое — всякие там люки да блоки.

— Зато достигается максимальный эффект при минимальном риске. Открытый люк, например. Даже если бы кто-нибудь и заметил, что люк открывают, ничего бы не заподозрил.

— Как раз ее бы заподозрил! Ведь она — не член студии, так зачем ей трогать люк?

— Могла сослаться на обычное любопытство. Я, например, и то однажды в этот люк заглянула, потому что интересно. Вот и она так же, а потом случайно забыла закрыть. Не придержишься!

— Пожалуй, — согласилась Вика. — Но попортить блок — тут уже на любопытство не сошлешься.

— Блок висел в подсобке. Зашел, прикрыл дверь и порти, сколько влезет, никто не увидит. А зайти в подсобку — не криминал. Мало ли, что понадобилось! А если Галина Николаевна зашла, так опять же из простого любопытства. Нет, все продумано безукоризненно.

— А по мне, — сообразила Вика, — так это сделал скорее мужчина. Я вот не уверена, что сумела бы правильно установить этот блок, он бы у меня наверняка сверзился не вовремя. Абсолютно не представляю, как он устроен. А ты?

Марина пожала плечами:

— Также не представляю, но при необходимости наверняка бы разобралась. Хотя да, сама идея скорее для мужчины. Тогда Денис? Как-то маловероятно. Конечно, его вся эта ситуация жутко раздражала, но причин для убийства я не вижу. Дашенька явно оказывала ему предпочтение, а Преображенского придерживала на всякий случай.

— В каком смысле придерживала? Она его отваживала изо всех сил!

— Не будь такой наивной! Если женщина не поощряет в той или иной форме ухаживаний мужчины, он быстро от нее отвяжется.

— Да? — подняла брови Вика. — И в какой форме ты поощряешь ухаживания Сосновцева?

— Один-ноль, — засмеялась Марина. — Но, откровенно говоря, я все же была очень с ним аккуратна, поскольку боялась спровоцировать конфликт и сорвать премьеру. А вот после вчерашнего вечера от его симпатии вряд ли что осталось. Дай бог, если не возненавидел меня лютой ненавистью — при его-то самолюбии! Кстати, самолюбие у него настолько болезненное, что способно толкнуть на многое. Даже на убийство.

— Тогда уж он убил бы скорее тебя.

— Меня? А разве я выставила его на посмешище перед залом, где сидело множество влиятельных лиц? Я только открыла ему глаза, вот и все. Правда, он не совсем вписывается в схему — его не было на генеральной. Не было или был?

— Не было. Значит, о люке он не знал.

— Во-первых, тем и хороша идея этого убийства, что непосредственное присутствие исполнителя вовсе не требуется. Открыл себе люк да ушел. А во-вторых, про люк Сосновцеву мог кто-нибудь рассказать. Ладно, поехали дальше. Мужчин осталось двое — твой Талызин да Кирилл.

— И оба рядом с убийством не лежали! — прокомментировала Виктория Павловна. — Тут даже твоей фантазии не хватит.

— Моей? — хмыкнула Марина. — Моей хватит на всех. Талызина мы, кажется, уже обсуждали. Моя фантазия предполагает, что Преображенский позвал его на банкет не зря, что они были знакомы. А вот про их горячий спор — это уже не фантазия, это чистая правда. Слышала я, клянусь! Но слов не разобрала. Я ж не знала, что это будет важно! Впрочем, я не настаиваю. Пусть не Талызин, пусть Кирилл.

— И что предполагает твоя фантазия насчет Кирилла? Он тоже тихоня со страшными тайнами за душой или просто одержим манией убийства?

— Вика... а ты не замечала, что Кирилл и Таша... что между ними что-то есть?

Вика аж развела руками.

— Ну, ты даешь! Еще физикой занимаешься, а сама! Это в твоей пьесе у их героев роман. В пьесе, понимаешь, а не в жизни! Чувствуешь разницу?

Чем Марина не страдала, так это обидчивостью. Она улыбнулась:

— Вот ты не поверишь, а кое-какую разницу между виртуальным и реальным мирами я все-таки чувствую. Но вообще, я спрашивала вполне серьезно! Кстати, это довольно естественно. Если молодые люди, причем не профессиональные актеры, играют любовь, они невольно действительно увлекаются.

— Кирилл — не очень-то молодой человек.

— По-твоему, тридцать пять — глубокая старость?

— Нет, я не о том. Просто у него семья, дети. Да, и жена парализованная!

— Вот именно.

— Что — вот именно? — уточнила Вика.

— Подозреваю, именно от парализованной жены и двух девочек он и сбегает в студию. Поправь меня, если я не права, но как актер он не блещет.

— Да, ни рыба ни мясо — на сцене такой же флегматик, как в жизни. Сомневаюсь, что он способен влюбиться!

Марина заметила:

— Таша очень обаятельна. Нет, я ничего не утверждаю. По-моему, она увлечена гораздо сильнее, чем он. Или он лучше скрывает свои чувства?

— Она? Ничего такого не замечала.

— Естественно! Ведь это пошло спектаклю на пользу. Вот если бы было во вред, ты бы заметила и тут же пресекла, а здесь тебя все устраивало.

— Ну, не знаю, — вздохнула Виктория Павловна. — Ты меня расстраиваешь. Кирилл — очень порядочный человек. Другой давно бросил бы больную жену, а он нет. И говорит, что никогда не бросит. Если ты права, Наташа здорово влипла.

— Ну, она еще очень юная. В двадцать лет все мы были влюблены, и любая неудача казалась смертельной, а потом вспоминаем с упоением, радуясь, что это все-таки было. Наташа из тех, кто способен оценить верность долгу. Возможно, красивый, но неблагополучный роман для нее предпочтительней спокойно-благополучного.

— Придумала! Это кому же неудача покажется предпочтительней удачи? Но я не очень-то в этом роман верю. Вот если б ты их застала... ну, в такой момент... но ведь нет?

— Нет, — кивнула Марина. — Хотя пару раз было, что они... ну, так отскакивали друг от друга, что складывалось впечатление... И потом, ты видела, как она обнимает его на сцене? А как на него смотрит! Хотя ведь Наташа — тоже не гений преображения, правда?

— А черт его знает! — удивленно воскликнула Вика. — Вот теперь, когда ты сказала, мне и самой стало казаться. Вроде даже припоминаю кое-что задним числом. Но, если и так, что с того? Почему бы нет?

— Просто подумала, что Кирилл вполне мог отомстить за Наташу.

Виктория Павловна хмыкнула.

— Ты считаешь, Кирилл убил бы человека из-за смерти котенка? Наташа — еще ладно, но он... Ты всерьез пытаешься меня в этом убедить?

— Ну, — попыталась оправдаться собеседница, — не из-за котенка, а из-за Наташи. Нет, я не пытаюсь тебя убедить. Возможен другой вариант. Кирилл не хотел, чтобы о его романе знали, а Преображенский грозил все раскрыть.

— А Преображенскому-то откуда знать?

— Он очень умный, — пояснила Марина, — особенно в том, что касается человеческих взаимоотношений. Ты обратила внимание, как безошибочно он находил у каждого из нас больное место? И тебя, и меня, и бедную Наташу — каждую сумел вывести из равновесия с удивительной простотой. Раз — и сделано. Конечно, с Кириллом сложнее — тот флегматик. Но как раз флегматики долго раскачиваются, зато быстро действуют.

— Ой, — произнесла Вика.

— Ты что? — испугалась Марина.

— Просто вспомнила. Знаешь, перед тем, как поговорить со мной, Евгений Борисович говорил с Кириллом. Я еще поразилась — Кирилл выскочил, как ошпаренный, и побежал в сторону подсобки, а лицо было совершенно перевернутое. В сторону подсобки, представляешь!

— Ну, надо же, — опешила Марина. — А мне он представлялся самым неподозрительным. Я и заговорила-то о нем просто так, для комплекта.

— Какого комплекта?

— Просто перечисляла сидевших за нашим столом. Остались мы с тобой да Дашенька. У нас с тобой мотив есть, а что касается Дашеньки, то при всей к ней неприязни я мотива не нахожу. Разве что Преображенский так осточертел ей своими ухаживаниями, что она не выдержала и решила его прикончить.

— Надеюсь, это шутка?

— Да. Не сомневаюсь, что его ухаживания ей на самом деле нравились. Вика, что нам делать?

— В каком смысле?

— Понимаешь... если Евгения Борисовича убила Наташа, то я... мне очень стыдно, но я бы оставила все, как есть. Будь мне двадцать лет, может, на ее месте и я бы его убила! А если не она... он был нелегким человеком, но это же не причина, чтобы убийце все сошло с рук! Из-за каких-то корыстных, эгоистических мотивов лишить человека жизни... Я считаю, мы не вправе скрывать от милиции все, что знаем. Но вдруг все-таки Наташа? У меня голова идет кругом! Вот вызовет меня твой Талызин, и что я ему скажу?

— Что он — один из подозреваемых, — ехидно посоветовала Виктория Павловна. — То-то он обрадуется! Честное слово, Маринка, охота тебе лезть не в свое дело? Спросят — ответишь, а самой возникнуть незачем. Это мое глубокое убеждение.

Прочувствованную речь прервал телефонный звонок. Подняв трубку, Вика с удивлением услышала:

— Это говорит Юлия Чернова. Я могу к вам сейчас подъехать?

Юлия Чернова была одной из тех, кого заманить на вчерашний спектакль оказалось особенно трудно. Она принадлежала к новой, молодой когорте журналистов и вела культурную рубрику в популярнейшей газете. Марина как-то раз назвала эту рубрику антикультурной и ужаснулась, узнав, что увидеть там свою фамилию считается почетным.

— Конечно, подъезжайте, Юлечка!

— Да, и еще! Мне никак не раздобыть телефона женщины, которая написала пьесу. Никто из наших ее не знает. Это та, закомплексованная, которая сидела за вашим столом? Я вчера не стала брать у нее интервью, нашему читателю такие особы неинтересны, но теперь обстоятельства изменились. Вы ведь с ней знакомы?

— Она как раз здесь, у меня.

— Прекрасно. А еще мне нужна та блондиночка, за которой Преображенский ухлестывал. Ее телефон у вас есть?

— Да.

— Я еду.

Юля появилась, стремительная и энергичная.

— В принципе, у меня все уже схвачено, — пояснила она, — но я решила уточнить кое-какие детали. Статья будет гвоздем номера. Название — «Смерть на сцене».

— А почему на сцене? — вежливо изумилась Марина. — Вообще-то, в подсобке.

— Это несущественные мелочи, — махнула рукой журналистка. — Читателю будет интереснее, если на сцене. Как Андрей Миронов или Мольер.

— Еще обычно упоминают Кина, — кивнула Марина. — Но ни один из них на сцене не умер. Да, им там стало плохо, а умерли дома или в больнице.

Вика сильно пихнула подругу в бок и прошипела: «Прекрати!» Еще не хватало, чтобы Чернова обиделась! Это будет трагедия!

Впрочем, Юля лишь благодушно возразила:

— Не мелите ерунды, мне лучше знать. Правильно, третьим будет Кин, я вставлю его для читателя с интеллектуальным уклоном. Итак, статья начнется с них, а потом плавно перейдет к Преображенскому. Все его помнят по роману с Антоничевой и Крупинной, а также по скандалам в нескольких академических театрах. Тут я вставлю цитаты из своих старых статей, я ведь писала о нем несколько раз. И вот — его последняя премьера. Разумеется, никто не догадывался о том, чем она закончится, но некое напряжение витало в воздухе, заставляя внимательнее смотреть на игру артистов, и особенно — на его игру. Он словно предчувствовал, что это — его последний спектакль, и был в ударе. — Тут Юля неожиданно сменила тон и вставила: — У меня аж мурашки по коже бегали, не вру! Ладно, короче, я собираюсь спектакль хвалить. Особенно племянницу Преображенского — гены гения, я уже застолбила за собой эту фразу! — и его любовницу. Из-за любовницы я в основном и приехала. Она выглядит слишком дебильной, чтобы рассказать что-то действительно интересное, поэтому я хочу сперва расспросить вас. У них разница в возрасте лет тридцать, да? Мне бы парочку хороших историй... ну, там, трахались они на куче декораций или еще что. Да, и наверняка блондиночка цапалась с женой. Может, до драки доходило? Читателю это будет интересно.

— Между ними вообще ничего не было, — холодно заметила Марина.

— В смысле, жена и любовница ладили?

— У Евгения Борисовича не было в труппе любовницы.

— Да мелите больше! Чего скрывать, все ведь знают!

— А откуда? — уточнила Вика. — Кто вам сказал?

— Да не помню. Я потому и пошла на эту вашу премьеру, что мне пообещали показать его новую пассию. Нет, не пугайтесь, вас обеих я тоже собираюсь хвалить! Раз уж так вышло, что прямо перед смертью Преображенский пел вам дифирамбы, я с ним спорить не стану. О мертвых — ничего, кроме хорошего. Я процитирую его последние слова, они у меня на диктофоне записаны. «Наша Вичка Косицкая — редкое сочетание зрелого профессионализма и юношеского энтузиазма. Работать с нею — одно удовольствие». А про вас — вы ведь Марина? — говорил, что вы отличаетесь от большинства авторов интеллигентностью и умом. Да, и еще, что вы знаете жизнь, какой живут обычные люди, а не узкий кружок богемы, поэтому ваши пьесы будут иметь большой успех у рядового зрителя. А про любовницу свою сказал, что ее талант настолько органичен, что не каждый способен его правильно оценить. Ну, любовниц-то все хвалят! Мне лично племянница понравилась больше. Я имею в виду не внешность, а игру. Ну, так вы мне можете?

Вика немного растерялась. Сплетничать про Дашеньку ей не хотелось, но еще меньше хотелось ссориться со всемогущей журналисткой.

— Дашенька... она же еще ребенок. Конечно, она ему нравилась, но ничего такого просто не было! Я бы и рада была рассказать, но ничего не было, понимаете!

— А вы поговорите лучше с нею самой, — посоветовала Марина. — Не сомневаюсь, это будет куда эффективнее, чем расспрашивать нас.

— Да говорила я с ней вчера, а толку-то? Ладно, с вами тоже каши не сварить, только время зря истратила. Вот, подпишите свои интервью, и я побежала. Скорее всего, они не понадобятся, но я привыкла работать добросовестно, так что на всякий случай утром набросала.

Вика, не глядя, подмахнула странички. Марина, подняв брови, принялась читать. Сперва она явно опешила, потом улыбнулась, потом расхохоталась.

— Вы что? — раздраженно осведомилась Юля.

— Это пародия? Вы ведь это писали не всерьез?

— Это вы пишете не всерьез, потому что даром, а моя каждая строчка больших денег стоит, так что у меня все серьезно.

Журналистка все-таки обиделась, а глупая Маринка еще и подлила масла в огонь, равнодушно заметив:

— Вы же не думаете, что я это подпишу?

— Дело ваше. Охота прозябать в безвестности — пожалуйста. То-то никто вас и не знает. Вичка, если что клевое вспомнишь — звони.

И она упорхнула, оставив после себя крепкий аромат французских духов и табака.

— Позвони Даше, предупреди, что мы натравили на нее эту акулу пера, — мрачно попросила Марина. — А что нам оставалось?

— Ты дура! — кипя, вскричала Вика. — Ты хоть сама понимаешь, что наделала? Ты знаешь, какой тираж у этой газеты? А ты знаешь, что за сволочь эта Чернова? Это первый раз в жизни, когда она предлагает о ком-то хорошо написать совершенно бесплатно!

— Не бесплатно, каждая ее строчка больших денег стоит.

— Для нас бесплатно, балда! Собиралась нас хвалить и ничего с нас за это не брать. Такой фарт один раз в жизни! А ты?

Марина слегка покраснела и неохотно выдавила:

— Ну, на тебе ведь это не скажется, правда? Или скажется?

— Да на тебе это скажется! Твоя карьера была на мази, а ты сама, собственной рукой! Трясет меня от тебя, вот что!

— Вичка, — жалобно произнесла собеседница, — ты же не читала! Да я и под угрозой пистолета не придумала бы тех ужасных ответов, которые сочинила за меня эта ваша Чернова. Там какой-то кошмар!

— Она пишет, как все. Ты что, газет не читаешь?

— Не читаю, — покаялась Марина. — У меня на них нервов не хватает.

Вика махнула рукой:

— На тебя и злиться-то толком невозможно. Ладно, будем надеяться, что пронесет. А Дашу действительно надо предупредить, тут ты права.

Однако она не успела снять трубку, как телефон зазвонил.

— Виктория Павловна? Это Наташа. Я по поводу похорон. Они будут завтра, и поминки тоже. Вы ведь придете? А у вас нет телефона Марины Олеговны? Она здесь? Она придет? Дядя очень уважал ее, честное слово. Вы его простите, хорошо? Я его простила.

— Она его простила, — передала Марине Вика. — А ты?

— А мне Ушастика очень жалко. Остальное-то все — чепуха. Вот, кстати, мы и выяснили, строил ли Преображенский против нас с тобою козни. Он вел себя с нами более, чем порядочно, и пел нам дифирамбы. А мы после этого будем покрывать его убийцу?

Виктория Павловна лишь вздохнула и набрала номер Даши. Отвечать на глупые вопросы она не собиралась.

Сцена третья

Антракт

Поминки проходили в ресторане Дома актера, народу была тьма, но из студийцев всего четверо: Вика с Мариной, Наташа и, как ни странно, Дашенька, бледная, измученная и без привычного Дениса за спиной. Заправляла действием Галина Николаевна, весьма элегантная в черном трауре, спокойная и уверенная. Дашенька явно не желала попадаться ей на глаза.

— Переживаешь? — сочувственно спросила девочку Виктория Павловна. — На тебе лица нет. Жаль его, конечно, но ты и себя пожалей.

— А за что мне себя жалеть? — со слезами в голосе возразила та. — Я столько обижала его, столько мучила! Вот сейчас думаю — зачем? Зачем я была такая злая? Могла бы мягче как-то, добрее, да?

— Да куда мягче? Уж ты ли у нас не добрая?

— Не добрая, нет. Иногда у меня не хватало терпения, и я срывалась. А ведь он гений, к нему нельзя было подходить с обычными мерками, правда? Ему надо было все прощать, все, а я! И ничего уже не исправишь, ничего!

У Вики защемило сердце, она нежно обняла Дашеньку за плечи. Та вдруг вздрогнула, напряглась, и Вика увидела, что через зал к ним направляется вдова.

— Рада, что вы смогли прийти, Виктория Павловна, — светским тоном поблагодарила она, приблизившись. — Правда, мой муж погиб в расцвете таланта из-за вашей безалаберности, но я не собираюсь вас винить. Вы ведь сделали это не нарочно, просто в силу своего неподходящего для руководителя характера.

Виктория Павловна с трудом выдавила:

— Я... я не... почему?

— В вашей студии вечный бардак, не правда ли? То открытые люки, то незакрепленные блоки. Вы руководитель, и соблюдение техники безопасности на вашей совести, а не на совести бедной затравленной Поляковой. Но не волнуйтесь, я не стану затевать против вас дело. От женщины, которая даже не умеет поддерживать в порядке собственный макияж, смешно требовать, чтобы она содержала в порядке студию.

«Неужели опять потекли ресницы?» — промелькнуло в голове у Вики. Думать о других, более страшных обвинениях не было сил.

— Вы ведь знаете, Галина Николаевна, что неправы, — тихо произнесла Марина. — Виктория Павловна очень хороший организатор, и накладок в студии было на удивление мало.

— Мне хватило и одной, — ядовито ответила вдова.

Возразить было нечего. Галина Николаевна вдруг подняла брови, словно увидела нечто неожиданное.

— Оказывается, и вы здесь, милая Дашенька? «О, как на склоне наших дней нежней мы любим и суеверней». Последняя любовь гения? Благодарю, что снизошли до нас. Я польщена.

— Галина Николаевна! — жалобно вскричала Даша. — Честное слово, я ничего такого не говорила! Когда я прочла газету, я чуть не умерла! Я не знаю, откуда журналистка взяла все это! Я говорила совсем другое, клянусь вам всем на свете!

— Юлия Чернова работает оперативно, — без выражения произнесла вдова. — Правда, она не сочла нужным побеседовать со мною, но это так естественно. Кому интересно мнение женщины, прожившей с мужем тридцать лет? Зато лишь позавчера человек умер, а сегодня вся страна уже знает, как он восхищался своим доморощенным дилетантом-режиссером и своею юною шлюшкой-подружкой. Только имей в виду, юная шлюшка, — в голосе зазвучала жгучая ненависть, чуть прикрытая холодом деланного равнодушия, — имей в виду, он знал тебе и мне цену. Ему требовалось молодое эластичное влагилице, чтобы выпускать туда сперму, вот он и использовал с этой целью тебя. А меня он любил. Я — его жена, единственная законная жена за всю его жизнь. Он никогда бы меня не бросил.

— У нас с ним ничего не было, — прошептала Даша, не смахивая слез, резко повернулась и побежала через зал к выходу.

Вика с Мариной ушли сразу вслед за ней.

— Даше не позавидуешь, — сочувственно прокомментировала Марина, оказавшись на улице.

— Видишь, даже ты ее жалеешь!

— Тут трудно не пожалеть. А ведь Галина Николаевна производила впечатление достаточно интеллигентной женщины!

— У нее просто сдали нервы. Смерть мужа... — пояснила Виктория Павловна, помрачнев от воспоминаний.

— А ты уверена, — оживилась собеседница, — что смерть мужа, а не газетная статья? Ты обратила внимание — она сперва обхватила тебя, потом Дашу, а меня не тронула. И, судя по всему, замечательная журналистка вас похвалила, а меня в лучшем случае проигнорировала. Однако оперативно они публикуют материал!

— Потому что Чернова очень влиятельная, а сведения интересные, хоть наполовину и вранье. Это я виновата! Мне надо было предупредить Дашу, чтобы держала ухо востро и ничего не подписывала, не читая.

Марина хмыкнула:

— А ты сама?

— Ну, я... — пожала плечами Вика. — Что такого она могла насочинять, чтобы мне повредить? Надо бы купить эту газету да почитать. Если там и преувеличиваются мои таланты, мне не жалко, это только кстати. А вот с Дашенькой... Ей ведь и в голову не пришло, что эта Чернова привыкла врать, как сивый мерин, и сочинять интервью сама! А Галину Николаевну можно понять. Прочитать такое о собственном муже — приятного мало. Только неужели она поверила вранью, она ведь видела правду своими глазами!

Марина вздохнула:

— Значит, ты была права и она более ревнива и менее наблюдательна, чем я предполагала. То есть повод для убийства у нее был.

— Не знаю. Тогда уж скорее я б на ее месте убила Дашу.

— Найдется другая. Если мужчину потянуло на молоденьких, он вряд ли остановится. О, идея! Галина Николаевна как раз и хотела прикончить Дашеньку, а случайно убила мужа. Вот теперь и переживает, еще бы!

Вика опешила:

— Ты что, совсем?

— А что? Чем плохи подобные опосредованные методы убийства, так это большой вероятностью ошибки. Если собственноручно бить тяжелым предметом по голове, то по крайней мере мужчину с женщиной не перепутаешь, а вот если попортил блок... Предположим, Галина Николаевна знала, что в подсобку должна прийти Даша. Знала — и соответственно подготовилась. Но Евгений Борисович тоже проведал о Дашиных планах и решил ее подкараулить, чтобы поприставать наедине. Пришел раньше нее, а на него вдруг — бац!

— Сама ты — бац! — возмутилась Виктория Павловна. — Маринка, ты издеваешься, что ли? То у тебя одно, то другое, и все друг другу противоречит. Ты бы уж остановилась на чем-то одном, а не путала нормальных людей.

— Если б я могла остановиться на чем-то одном, так работала бы Шерлоком Холмсом, — улыбнулась Марина. — Остановиться я как раз и не умею. Но в убийстве по ошибке есть нечто, убеждена!

Вика лишь махнула рукой. Ну, что с этими авторами поделаешь!

Дома навалились проблемы. На следующий день, во вторник, в семь вечера полагалось бы провести очередное занятие студии, и Виктория Павловна мрачно размышляла, кто же в сложившейся ситуации на него придет и вообще, как теперь быть. Оказывается, Евгений Борисович влиял на положение дел куда серьезнее, чем можно было предположить. Ну, например, изначально на завтра намечалось подробно обсудить премьеру и игру актеров, найти недостатки и избавиться от них. Теперь это лишалось смысла — пьеса вряд ли пойдет снова. После гениального убийцы Преображенского никто не решится взять себе освободившуюся роль.

Предыдущая премьера — «Король Лир» — тоже благополучно пролетает. А то, что было до нее, в свете последних двух спектаклей мнилось дешевой поделкой, к которой стыдно возвращаться. Единственный выход — затеять что-то новое. Новое, оно всегда интересно, им легче увлечь, чем надоевшим старьем. Вот если б еще у Маринки заваялся очередной опус!

Телефонный звонок Марине несколько повысил Викино настроение, поскольку опус действительно заваялся и автор обещал прийти, дабы всем его прочесть. Правда, несколько нервировала мысль о Сосновцеве — неужто тот все-таки отберет помещение для своего идиотского биллиарда? Но нет, после статьи Черновой — вряд ли. Статья желтая, это факт, зато необычайно полезная. Виктория Павловна Косицкая там представлена как крайне талантливый режиссер, а Сосновцев упомянут в качестве руководителя новой формации, в одном лице сочетающий бизнесмена и мецената. Ему это понравится, он на лесть падкий.

Во вторник после обеда Вика решительно села за письменный стол, дабы хорошенько продумать стратегию и тактику своих дальнейших действий. Обстановка изменилась, к ней теперь необходимо должным образом приноровиться, и чем скорее, тем лучше. Однако затея не удалось — помешал неожиданный гость. Или милиционера неправильно называть гостем? Только Игорь Витальевич так смущался, явившись непрошеным, так извинялся, что воспринимать его вынюхивающим ментом Вика не могла. Марина бы на это ехидно заметила, что очень уж умен да профессионален наш Талызин, но Марина отсутствовала, а Вике подобная мысль в голову не закралась.

— Вы простите меня, Виктория Павловна! Ежели я не вовремя и вам помешал, то я... Но проезжал мимо и подумал... чем вас к себе вызывать, уж лучше... или...

— Вам чаю или кофе? — уточнила Вика. — Или борща?

— Ну, что вы! Я вовсе не хочу... будто бы навязался... я...

— Я варю очень вкусный кофе — конечно, если вы пьете крепкий. А борщ, признаюсь честно, готовил Лешка. Он сейчас в школе.

— Какого чудесного вы воспитали сына! В тринадцать готовить борщ — это уникально.

— Он сам воспитался, — машинально возразила Вика, несколько удивленная, когда же успела поведать Талызину о возрасте Лешки. — Ну, так что, Игорь Витальевич?

Хозяйствовать она не любила, зато кормить обожала. Нет, иначе — она не представляла себе, что можно выпустить из своего дома человека, не дав хотя бы чашки чая. А еще лучше — бесконечный кофе с бутербродами и сигарета за сигаретой.

— Кофе, — кивнул следователь. — Спасибо.

Виктория Павловна сварила кофе, выложила хлеб, масло, сыр и колбасу.

— Режьте сами, хорошо? А то один любит тонко, другой толсто. Да и вообще, я — сторонница самообслуживания.

— И хорошо. Я, кстати, тоже вроде вашего Лешки — умею борщи варить.

— Вашей жене повезло! — хитро среагировала Вика. Вот теперь по ответу выяснится, женат ли этот тип. Не то, чтобы ее это сильно волновало, однако любопытно.

— Не уверен, что являюсь большим подарком, — развел руками Талызин. — И сейчас вы в этом убедитесь. К сожалению, даже в такой приятной обстановке я вынужден думать о делах. Вы уж извините меня, Виктория Павловна.

— Это ваша работа.

— Да. Скажите мне, Виктория Павловна, накануне смерти несчастного Преображенского... то есть в пятницу... вы не припомните, не было каких-нибудь необычных событий? Инцидентов, обративших на себя всеобщее внимание?

— Нет, — твердо сказала Вика.

— А в тот самый день, то есть в субботу? Я имею в виду, разумеется, не смерть, а что-либо еще. Ничего особенного не произошло?

Вика наивно захлопала глазами:

— Ну, конечно, произошло! Премьера.

— Ну, премьеру помню и я, — улыбнулся следователь. — А еще?

И на легкое пожатие плеч с той же улыбкой ответил:

— А вы знаете, Виктория Павловна, что врать нехорошо?

— Нет, — моментально заявила она.

— Как — нет? — несколько опешил собеседник.

— Очень просто. Хорошо или нехорошо врать, зависит от обстоятельств.

— Да? Вы в этом уверены?

— Конечно. Вот, например, — оживилась Вика, — при встрече с приятельницей будет довольно странно, если я откровенно заявлю: «Ну, ты сегодня просто страшилище, а платье свое, кажется, отхватила на ближайшей помойке». Я и не заявлю, а наоборот, навру, что она прекрасно выглядит. И ей лучше, и мне. Разве нет?

— Вы имеете в виду элементарную вежливость, — догадался Талызин.

— И ее тоже. И вообще, всякое в жизни бывает. Заикливаться на правде глупо.

— Но вводить в заблуждение следственные органы — тоже не самое умное, — спокойно заметил Игорь Витальевич.

«Влипла», — подумала Вика, а вслух сказала:

— Не понимаю, о чем вы.

— О происшествии. Трудно поверить, что вы забыли, Виктория Павловна, об эпизоде, в котором сами принимали весьма деятельное участие. Я имею в виду открытый люк, куда чуть не провалился покойный Преображенский.

— А, вы об этом! — старательно засмеялась Вика. — Я и думать не думала. Вы не знаете театра, Игорь Витальевич. Подобных происшествий там пруд пруди, я и внимания на них не обращаю.

Она не понимала толком, почему ей так хочется скрыть правду, но ужасно хотелось. Не его это дело, хитрого двуличного мента, выпытывать подноготную честных людей и вмешиваться в их личную жизнь. Ишь, явился, будто просто так, а сам вынюхивает! Обсудить все с Маринкой — это одно, а с ним — совсем другое. Даже если предположить, что среди членов студии затаился убийца, почему из-за него должны страдать остальные? Только скорее всего, никакого убийцы нет.

— Значит, покушения на ваших артистов происходят постоянно? Вот где, оказывается, требуется стационарный милицейский пост, а мы-то, наивные, караулим на районных дискотеках!

— Ну, какие покушения, Игорь Витальевич, побойтесь бога! Сразу видно, что вы плохо знали Евгения Борисовича. Вы ведь его плохо знали? — уточнила Вика, памятуя о Марининых инсинуациях по данному поводу. Но вредный тип снова выкрутился, неопределенно осведомившись:

— Что вы имеете в виду, Виктория Павловна?

— Да то, что он был большой фантазер и любил привлекать к себе внимание. Такой уж у него был характер! Если б мы принимали всерьез все его заявления, с ума бы посходили. Я лично привыкла его успокаивать, а сама даже не вникать в причину. Вот теперь я действительно вспомнила, что-то такое было. А кто вам рассказал?

— И замечательно, что вспомнили, — обрадовался Талызин. — Расскажите, пожалуйста, теперь вы, и в подробностях.

— Ну, какие подробности! Случайно остался открытый люк, вот и все. А Евгений Борисович увидел и закатил скандал, якобы он мог туда упасть. Так не упал же! Если уж на то пошло, скорее мог упасть Кирилл, именно он должен был первым идти из левой кулисы, а случайно вышел справа.

— Да?

— Ну, да. Только Кириллу и в голову не пришло придавать этому эпизоду какое-то значение, он понимал, что это случайность. Кирилл, он нормальный, а Евгений Борисович... О мертвых ничего, кроме хорошего, но он был человек неадекватный, это вам всякий скажет.

— И тем не менее в данном случае оказался прав, — задумчиво заметил следователь.

— В каком смысле?

— На следующий день он все-таки погиб из-за аналогичного эпизода.

— Ну, — смутилась Вика, — случайное совпадение... бывает...

— В одно случайное совпадение я поверю, — словно процитировал Марину Талызин, — а два уже наводят на размышления.

— На какие размышления? — двинулась напролом Виктория Павловна.

— Размышления о сомнении в их случайности, — витиевато ответил Игорь Витальевич.

— А разве... разве есть основания?
— Некоторые — есть. По крайней мере, нет должной определенности.
— Вы хотите сказать, что кто-то нарочно скинул ему на голову блок, а до этого нарочно открыл люк? И вы это серьезно?

— Не стану утверждать наверняка, Виктория Павловна, но отметить данное предположение нет причин. И так, мы с вами вспомнили, что в пятницу был оставлен открытым люк. Евгений Борисович не обвинял в этом никого конкретно?

«Если знает, так чего спрашивает? Из вредности?» — пронеслось в голове у Вики. В нее словно вселился бес противоречия, и она с вызовом заявила:

— Не помню. Я не вслушивалась.

Ей вдруг показалось, что поведение ее весьма Талызина веселит. По крайней мере, глаза его подозрительно блестели. Впрочем, голос был серьезен.

— Ясно, ясно. А необычных происшествий, случившихся в субботу, вы тоже не помните? Кроме премьеры и смерти, разумеется. Например, связанных с Наташей Бехтеревой?

— Наташа мандражировала перед премьерой, но ничего необычного в этом нет, — сухо пояснила Вика.

— Вы даже приезжали к ней домой.

— Конечно. Я была заинтересована в ее выходе на сцену.

— И что она вам рассказывала?

— Не помню, — закусив удила, повторила Вика. — Я ее успокаивала, а сама не слушала.

— У вас редкостный талант! — поразился следователь. — Никто из ваших собеседников даже не догадывается, что вы ничего не слушаете, так ловко вы с ними управляетесь.

— Потому что я — Маккиавелли наших дней, — неожиданно вырвалось у Виктории Павловны.

Последней реплики Игорь Витальевич уже не выдержал, громко расхохотавшись.

— И кто ж вам такое выдал? — полюбопытствовал он, совладав с собой.

— Марина. Автор пьесы.

— А, Марина Лазарева. Кстати, вы хорошо ее знаете?

— Да, а что?

— И какого вы о ней мнения?

— Хорошего.

— А поконкретнее?

— Она совсем не типичный автор — умная и без закидонов. И довольно симпатичная, хотя маловато красится.

Тылызин выжидающе помолчал, затем уточнил:

— Это все?

— А чего еще? — удивилась Вика.

— Ну, например, какие у нее были отношения с Преображенским?

— Да не было у них отношений! То есть, смотря в каком смысле вы интересуетесь. Нормальные отношения, хорошие.

— Его устраивала ее пьеса?

— Конечно, иначе он не стал бы в ней играть.

Следователь заметил:

— В небезызвестной статье Черновой имеется намек, что пьеса ему не нравилась.

— Потому что Маринка с Черновой поссорилась, — пояснила Виктория Павловна. — Маринка не умеет обращаться с журналистами. Наивная, как ребенок.

Игорь Витальевич несколько смутился:

— Извините за праздный вопрос, Виктория Павловна, но очень уж... В этой статье приведены ваши слова, и я был поражен... не то, чтобы поражен, но все же... Или так принято выражаться в присутствии журналистов?

— Больно даст мне Чернова выразиться в ее присутствии! — хмыкнула Вика. — Она сама все сочинила, а я даже читать не стала, подписала, не глядя. А то прочтешь, только расстроишься. Вон Маринка прочла, не подписала, и что теперь? Еще неизвестно, как ей это аукнется.

— Действительно подписали, не глядя? — весело уточнил Талызин. — Или настолько же не глядя, насколько не слушаете собеседников?

— Да нет, как раз тут совершенно честно, — вырвалось у Вики.

Милиционер, казалось, не заметил ее просчета.

— Значит, и Даша Корнилова тоже могла не читать? — осведомился он. — В том смысле, что реально там приведены вовсе не ее слова, а домыслы журналистки?

— Ой, да, Игорь Витальевич, тут я жутко виновата. Послала к ней эту Чернову и не предупредила, что с нею надо поосторожнее. Она задурила бедной Даше голову, та теперь сама не рада. Мы как раз вчера говорили об этом на поминках.

— А как по-вашему, Даша сильно обиделась на Галину Николаевну за вчерашнее?

— Ну, что вы! Конечно, расстроилась страшно, но совсем не обиделась. Даша, она вообще добрая душа. А Галину Николаевну тоже по-женски можно понять.

— Она ревнива?

— Да кто разберет! По-моему, так да, и очень.

Тут вдруг до Вики дошло, что она опять разговаривает с вынюхивающим милиционером, словно с обычным порядочным человеком, и она умолкла.

— Вернемся к Марине Лазаревой, — прервал паузу собеседник. — Вы давно с нею знакомы?

— Месяца два.

— И всего за два месяца сумели хорошо ее узнать?

— А мы тесно общались. Конечно, узнала, она вовсе не скрытная. Слушайте, — не выдержала Вика, — чего вы к ней прицепились? Уж она-то тут не с боку припека.

Талызин пожал плечами:

— Как знать. Перед премьерой они с Преображенским крупно поссорились. Мне не хочется ставить вас в неловкое положение, Виктория Павловна, поэтому открою карты. Я не советую вам отрицать тот факт, что вы и Евгений Борисович решили больше не иметь дело с пьесами Лазаревой и с нею самой. Об этом есть твердые свидетельства. От себя лично добавлю, что мне пьеса показалась интересной и необычной, однако вам, профессионалам, виднее. Как бы там ни было, перед премьерой между Преображенским и Лазаревой состоялась серьезная ссора. Более, чем серьезная. Этому тоже есть твердые свидетельства.

— Твердые свидетельства! — вспыхнула Вика, подсознательно радуясь, что отыскала, наконец-то, к этому повод. — Знаю я ваши твердые свидетельства! Сосновцев, да? Наша любимая сволочь Сосновцев!

— Он производит впечатление культурного и честного человека.

— Эта вечно скалящаяся обезьяна? Ха! Честный? Да у него один костюм стоит больше его годовой зарплаты! Культурный? Ну, разумеется, раз директор Дома культуры, значит, по-вашему, культурный, а то, что ему все равно, театр или биллиард, лишь бы деньги грести, это неважно! Между прочим, он сам с Преображенским был на ножах! Вы, небось, и не заметили, а Преображенский изобразил его в своем убийце, да как изобразил!

— Заметил, — спокойно кивнул следователь. — Да, изобразил гениально, хотя не уверен, что имел на это право. Впрочем, к актерам трудно подходить с обычными мерками. Надеюсь, Сосновцев это понимает и не был в обиде.

— А я не надеюсь! Нет, внешне, может, он и не показал, особенно в присутствии влиятельных лиц. С теми, от кого что-то зависит, он весь из себя белый и пушистый, а вы бы посмотрели, как орет на уборщицу! Женщина ему в матери годится, а он!

— Ну, Марина Лазарева не годится ему в матери, — вставил Игорь Витальевич.

— Вот именно! Раз она не легла с ним в постель, значит, стала врагом! Все вы, мужики, такие. Если вам женщина нравится, сразу тащите ее трахаться, а раз не хочет, то считаете стервой и готовы сделать ей любую гадость!

— Вынужден с вами не согласиться, — тихо и очень вежливо произнес Талызин, глянув Вике прямо в глаза. — Боюсь, вы недостаточно знаете мужчин. Вот не все мы, мужики, такие, и женщину, которая нравится, далеко не каждый сразу тащит трахаться, поверьте мне, Виктория Павловна.

Она отчего-то смешалась и добавила уже тоном ниже:

— А вот Сосновцев такой. Маринка ему отказала, вот он вам про нее и наплел. А мы с Евгением Борисовичем, между прочим, вовсе не думали ничего плохого про ее пьесу, наоборот! Мы собирались ставить новую.

— Но в момент ссоры Лазарева этого не знала.

— Ну, и что?

— Просто уточняю. Кстати, Лазарева не отрицает факта ссоры.

— Господи, тоже мне, событие! Преображенский со всеми ссорился. Со мной, между прочим, тоже, и по тому же поводу. Тут дело в характере.

— По тому же поводу?

Вика, не утаивая, поведала следователю о коварном замысле Евгения Борисовича вывести ее из равновесия перед премьерой. Она решила, раз подобное известно про Марину, пусть станет известно и про нее саму, так будет лучше.

— А на самом деле он нас обоих всем хвалил, — заключила она. — Это была шутка. Мы с Мариной очень удивились в воскресенье, когда все поняли.

— Покойный обладал оригинальным чувством юмора, — прокомментировал Игорь Витальевич, явно довольный. — Рад, что теперь услышал эту историю от вас лично. Значит, вы с Лазаревой обе были в схожем положении. А ведь она мне не сказала!

— Что не сказала?

— О вашем конфликте с Преображенским.

— Конечно, не сказала. Что я ей, враг, что ли, чтобы на меня наушничать! — молниеносно среагировала Вика.

Талызин махнул рукой и рассмеялся:

— Бог вам судья, Виктория Павловна. Похоже, честность вы не считаете добродетелью, хотя и обладаете этим качеством в полной мере.

«Неужто я наговорила лишнего? — испуганно подумала Вика. — А ведь старалась молчать! Запутал меня этот тип».

А тип буднично продолжил:

— Лазарева вообще сумела дать мне на редкость мало информации. Меньше, чем кто-либо другой. Складывается впечатление, что она что-то скрывает.

— Она ничего не скрывает, — возразила Виктория Павловна. — Она — моя подруга, уж я-то знаю!

— Именно поэтому я и пытаюсь вас предостеречь, — объяснил следователь. — Я вижу, вы ей полностью доверяете. Впрочем, недоверчивость вам вообще не свойственна. А Лазарева вовсе не так проста. В тихом омуте, как известно, черти водятся.

— А она то же самое сказала про вас, — изумилась Вика, впрочем, быстро усилием воли захлопнув рот, дабы не ляпнуть еще чего похлеще — например, что милиционер является для Марины одним из подозреваемых в убийстве.

— Серьезно? — опешил Талызин и, оживившись, добавил: — Вот видите! Простодушием тут и не пахнет. Вполне возможно, она честолюбива и связывала с успехом пьесы большие надежды, тогда угроза Преображенского могла вызвать у нее настоящую ненависть. Кстати, ее реакция на его слова была очень бурной. Она в ответ плакала и даже угрожала ему в крайне резкой и агрессивной форме.

— Чтобы Маринка плакала и угрожала? — фыркнула Вика. — Это Сосновцев, что ли, наплел? Вы сами-то Маринку помните? Она голоса никогда не повысит, слова грубого не скажет, бровью не поведет. Он бы еще сочинил, что она матом ругалась и била посуду.

— Когда такой вот сдержанный человек выходит из себя, результат бывает непредсказуемый. Вы полагаете, большинство убийств совершается холериками? Ничего подобного. Холерик откритится и забудет, а вот что на душе у сангвиника или флегматика, догадаться сложнее. Я бы вам советовал... ну, просто не доверять ей так уж безоговорочно, вот и все.

— Она моя подруга.

— Умные женщины подругам доверяют в последнюю очередь. Кстати, весьма сомневаюсь, чтобы Лазарева доверяла вам, не тот у нее тип.

— И ошибетесь!

— Да? А вот скажите, многое ли вы знаете про ее личную жизнь? Например, есть ли у нее сейчас любовник и кто именно. Я вовсе не прошу вас открывать эту тайну мне, а лишь интересуюсь, известна ли она вам. Ведь это, наверное, первое, что начинают обсуждать между собой подруги.

Вика старательно напрягла память. Ну да, когда Марина ночевала здесь пару месяцев назад, они полночи беседовали «за жизнь», и Вика выложила все про Сашку, и про Лешку, и про страсть к театру. А Марина внимательно слушала, сочувствовала, понимала. Складывалось впечатление, что и сама она в ответ... или нет? По крайней мере, Виктория Павловна ничего не вспомнила. Любовник... ну, наверное, есть, она симпатичная.

— То есть вам ничего не известно, — констатировал следователь. — Вот видите! Лазарева — скрытная особа и неохотно пускает в свой внутренний мир.

— Она не скрытная, — твердо заявила Вика. — Наоборот, слишком часто говорит, что думает. Просто она не любит рассказывать о себе. Пусть я и не знаю чего-то про нее, но я знаю, какая она.

Талызин вздохнул, слегка нахмурившись.

— Дело ваше, Виктория Павловна. Я и так сказал больше, чем надо. Ладно, идите на работу, вы уже опаздываете. Нет, погодите! Сколько длится занятие кружка?

— Часа два.

— Вот к окончанию я и подойду, чтобы в присутствии всех уточнить некоторые детали. Попросите людей не расходиться.

— Но ведь некоторых не будет! Например, Галина Николаевна, и Сосновцев, и, наверное, Наташа...

— Не волнуйтесь, их тоже не минует чаша сия. И так, до скорой встречи. Вас подвезти или предпочитаете на своей машине?

— Предпочитаю на своей.

Обалдевший поклонник исчез, и Вика поняла, что ей очень тошно. Она чувствовала, что вела себя глупо и неправильно. Вместо того, чтобы холодно поставить назойливого мента на место, она то кипятилась, то вдруг распускала нюни и откровенно делилась своими мыслями. А тот тихой сапой, незаметно выпытал все, что хотел! Он вертел ею, словно тряпичной куклой, и потешался в душе. И вообще, откуда он столько знал? А если без того знал, зачем было терзать еще и Вику? Или брал ее на пушку — лишь догадывался, а она, как дурочка, попадалась на удочку и подтверждала? Куда ни кинь, все клин. Отвратительно, тоскливо, хоть плачь!

Плакать было не в привычках Виктории Павловны. Она позвонила Марине, предложила:

— Давай я за тобой заеду. Надо поговорить.

В автомобиле Марина выслушала сбивчивый, но подробный рассказ, несколько сокращенный лишь в том, что касалось нелепых обвинений в ее же собственный адрес. Постепенно мрачней, под конец она громко и нервно воскликнула:

— Ну и дуры же мы с тобой! Две старые глупые гусыни!

Вика, у которой на душе моментально стало легче, покладисто подтвердила:

— Дуры. А почему?

— Таких, как мы, надо сдавать под опеку, — сурово продолжила Марина, — на содержание любимому государству, поскольку индивидуумов с подобным уровнем развития ни к какой работе допускать нельзя. Даже к чистке унитазов. Ты только подумай, Вика! Мы с тобой битых три часа обсуждали убийство с разных сторон, версий напридумывали, и не позаботились о той единственной и простой вещи, с которой надо было начать. Совершенно очевидно было, что твой Обалдевший поклонник будет нас допрашивать, и в первую очередь следовало договориться, что мы ему скажем, чтобы нам с тобой друг другу не противоречить. Мне иногда кажется, у меня что-то не в порядке с головой. После разговора с Талызиным я должна была срочно тебе позвонить, но у меня на работе нет телефона, и я решила отложить до вечера.

— Как нет телефона?

— Ну, я же преподаватель, я не сижу в конторе, а в том корпусе, где мои занятия, телефоны за неуплату отключены.

— А когда он с тобой разговаривал?

— Да сегодня, а потом, видимо, сразу заявился к тебе. Нет, по сравнению с моим идиотизмом твой — это еще кладезь премудрости. Я должна была срочно бежать на кафедру и тебе звонить, наплевав на свою дурацкую лекцию. Но мне почему-то в голову не пришло, что он успеет захватить тебя до нашей встречи. Энергичный мужчина, не теряет времени даром!

— Он сказал, что получил от тебя очень мало информации, — решила утешить подругу Вика. — Меньше, чем от кого-либо другого.

Марина кивнула.

— Он застал меня врасплох, я еще не успела подумать над тем, что ему стоит рассказывать, а что нет. Я считала, подозреваемых вызывают куда-то повесткой. Вот вызвали бы меня повесткой, я бы соответственно подготовилась, а когда тебя ловят на перемене посередине коридора, трудно собраться с мыслями! Я и решила на всякий случай быть поосторожнее. Видимо, переосторожничаю.

— Это лучше, чем так, как я. Меня жутко мучит совесть. Я, наверное, всех на свете выдала. Тебя, например. Но я не хотела! Нет ничего хуже, чем когда человек вкрадывается тебе в доверие, как друг, а когда он уходит, получается, что обвел тебя вокруг пальца.

— Талызин — прекрасный психолог, — подтвердила Марина. — У него к каждому свой подход. Но тебе нечего переживать, надеюсь, никого ты не выдала. Насколько я понимаю, он все основное уже знал. Например, про открытый люк. Ведь знал?

— Да.

— А я ему про люк не говорила.

— А он тебе? Не намекал, как мне? Ну, мол, не было ли происшествия? — Он спросил, я ответила, что не припомню, и он отвязался. Интересно все-таки, кто именно ему рассказал?

— Мне тоже интересно.

— Постой-ка! Если я правильно поняла, он знал и про Наташу? Про котенка?

Вика задумалась.

— Он конкретно про котенка, кажется, не говорил. Просто про то, что я ездила утешать Наташу. А может, я и путаю.

— Если знал про Наташу, то, скорее всего, про люк сказала она.

Идея Вике не понравилась. Маринка вроде бы утверждала, что если Наташа сообщит следователю про люк, то она и есть убийца.

— С чего ты это взяла?

— Давай рассуждать логически, — предложила Марина. — Кто знал о котенке? Наташа да ты. Вот я, например, беседовала с нею перед премьерой, но она ничего мне не рассказала. Уверена, что никому другому тоже — тема была слишком для нее болезненна. Разве что Дашеньке, они все же подруги. А, еще Кириллу, если поверить, что у них роман. Вот тебе полный список лиц, которые могут знать об этом эпизоде. А могут и не знать. Зато Таша знала точно. Похоже, Талызин успел ее допросить, и она ему проговорила. Ну, а заодно рассказала про люк.

— А еще она могла рассказать про котенка Галине Николаевне, — заметила Вика, — потому что та ее тетка. И вообще, ты сама себе противоречишь! Если она рассказала милиции про люк, чтобы отвести от себя подозрения, зачем самой на себя их навлекать, рассказывая еще и про котенка?

— Боялась, что Талызин все равно об этом узнает — от тебя, например. Она ведь не догадывается о степени твоей лояльности. Если б он узнал со стороны, это произвело бы неблагоприятное впечатление, а поскольку от нее самой, то он будет рассуждать, как ты — мол, никто не станет сам на себя наводить подозрение.

— И все равно, не понимаю, почему это обязательно она. Ты сама говорила, Обалдевший поклонник очень энергичный. Он наверняка еще кого-нибудь успел допросить.

— Вполне возможно, — согласилась Марина, — и даже очень вероятно. Например, он явно беседовал с Сосновцевым, так? Иначе откуда знал о моей ссоре с бедным Преображенским. А, разговаривая со мной, он, похоже, о ней уже знал. То есть я ему, конечно, сама рассказала, но после наводящего вопроса, не ссорилась ли я с кем-нибудь. Да, и он меня тоже пытался убедить, что я якобы плакала да угрожала. Если он не сам выдумал это из вредности — что было бы странно, — значит, все выдумал Сосновцев. Кстати, Талызин подтвердил тебе, что узнал о ссоре именно от него?

— Ничего он не подтвердил! Он вообще очень ловко уходит от ответа. Даже не признался, женат или нет. А напрямую выпытывать нелегко.

— Умный тип, ничего не скажешь! А вот я, кстати, напрямую спросила у него, не Сосновцев ли снабдил его такими интересными сведениями.

— А он?

— Он ответил, что задавать вопросы — его профессия, а не моя. Впрочем, я на его честность особо и не рассчитывала. Но про котенка Сосновцеву знать неоткуда, это факт. И еще! Если я правильно поняла, о твоей ссоре с Преображенским Талызин тоже знал?

— Трудно сказать, — пожала плечами Вика. — Мне так показалось, но он выразился как-то неопределенно. Нет, не может быть! О моей ссоре ему сказать никто не мог, потому что никто ее не слышал.

— Я и про свою так полагала, покуда Сосновцев не вывел меня из этого приятного заблуждения. В вашем Доме культуры столько закоулков, что никогда нельзя быть уверенным, что кругом никого нет.

— Только не пытайся заверить, что и здесь виновата Наташа, она в тот момент еще не появилась.

— А кто уже был там? Я, Сосновцев, Тамара Петровна и Галина Николаевна. Да, еще Кирилл, на твоих глазах направившийся не куда-нибудь, а в проклятую подсобку. Кто-то из них услышал ваши громкие препирательства.

— Никаких громких препирательств не было! Он издевался тихо и вежливо, а я так опешила, что только мычала, как последняя дегенератка. Потом, правда, когда он ушел, поругалась немного вслух, но негромко.

— И тем не менее кто-то, похоже, слышал. Не верю, что Талызин, при всем его уме, сам по себе догадался. Не ясновидящий же он!

— Марина, а ведь он спросил еще про Дашеньку, — опомнилась Вика, — сильно ли она обиделась на Галину Николаевну после вчерашнего. Я сразу не задумалась над этим, а теперь... Ты ведь ему про это не говорила?

— Нет. О себе я рассказала, а про других решила умолчать. В конце концов, мое дело, что считать происшествием, а что нет, правда? Может, я привыкла к скандалам и не обращаю на них ни малейшего внимания — это нельзя вменить мне в вину.

— Правильно! — восхитилась Виктория Павловна. — Вот я так ему в следующий раз и скажу. Короче, раз про Дашу сообщила не ты и не я, значит, Галина Николаевна или сама Даша. Правда, с трудом представляю, чтобы Галина Николаевна стала докладывать о своем... короче, она строит из себя светскую даму, а тут вела себя, как рыночная торговка.

— Есть еще Наташа. Она была на поминках и могла все слышать. Или, например, узнать от Галины Николаевны или Даши.

— Привязалась ты к бедной Наташе, как репей! Это не она.

— Ну, я же не зря привязалась, — примирительно объяснила Марина. — Если это не она, то я буду всячески помогать следствию, а если она, то не стану. Но сперва мне самой надо узнать, правильно? Слушай, у меня идея. А спроси ты Наташу прямо, допрашивал ее Талызин или нет. Честное слово, в таком невинном вопросе она тебе не соврет! Она — хорошая девочка.

— Спрошу. А может, взять и спросить, не она ли убила Евгения Борисовича, а? И все проблемы разрешатся, — серьезно предложила Вика.

— Ты сумеешь? — осведомилась Марина не без уважения.

— А что? Попробовать-то можно!

Против обыкновения, на занятия Вика опоздала. Войдя в комнату, она обнаружила, что участники премьеры уже собрались. Дашенька выглядела усталой, сидела, склонив голову Денису на грудь, а он нежно гладил ее плечо. Вот тут все ясно — люди друг друга любят, а насчет Таши с Кириллом Марина явно нафантазировала. Таша притулилась в одном углу, Кирилл в другом. Она производит впечатление человека донельзя несчастного, он, как всегда, невозмутим. Впрочем, не как всегда. В день премьеры он выскочил после беседы с Евгением Борисовичем, словно ошпаренный, и ринулся в сторону подсобки. Нет, пусть об этом болит голова у Талызина, а не у нее, мало ли, кто куда ринулся! Короче, на роман здесь непохоже.

Тамара Петровна деловито разливала чай.

— Чайку выпьете, Вика, Мариночка? Свеженький заварила.

— Спасибо.

Все собрались вокруг стола, но в воздухе витала заметная скованность.

— Марина обещала прочесть свою новую пьесу, — прервала молчание Вика.

— Очень удачно! — кивнула Тамара Петровна. — В сложившихся обстоятельствах это самое лучшее, что мы можем предпринять. Хотя и полагают, что незаменимых на свете нет, к Евгению Борисовичу это не относится. Его роли вряд ли кто у нас потянет, поэтому надо начать что-то принципиально новое. Мы сегодня собирались обсуждать премьеру, но теперь это было бы совершенно бесполезно.

Речь отличалась разумностью, но почему-то покорила Вику. К тому же Тамара Петровна никогда не имела обыкновения высказывать свое мнение с подобной обескураживающей определенностью, почти с апломбом. Сейчас она словно бы снисходительно и самодовольно хлопывала Викторию Павловну по плечу — мол, правильно действуешь, детка, одобряю. К тому же... нет, Вика и сама полагала, что смерть смертью, а жизнь должна продолжаться, однако эта простая и естественная мысль, облеченная в слова, больно задела душу.

Тамара Петровна, будто не заметив общего недоумения, громко продолжила:

— В любом случае хорошо, что наш театр привлек внимание прессы. Не только бедный Евгений Борисович, как было раньше, но и театр сам по себе, и в особенности Виктория Павловна. Конечно, в связи с несчастьем мы кое-что потеряли, но хочется верить, что и без Преображенского сможем оправдать те лестные эпитеты, какими нас наградили в печати.

— Без Евгения Борисовича я никогда не смогу играть так, как с ним, — тоненьким дрожащим голосом вдруг произнесла Дашенька. — Его талант давал всем нам... а мы, едва его похоронили, мы, как ни в чем не бывало...

Ее голос прервался, она прикрыла лицо руками.

— Дашенька, — ласково сказал Денис, — ну, нельзя же так! Ну, пожалуйста, родная! Он умер, всем его жаль, но ведь как человек он был... ну, ведь дрянь был человек, чего уж там...

Даша вскочила, повернулась и глянула в глаза жениху с кротким упреком.

— Прости... я не то хотел... — испуганно пролепетал он, — просто вырвалось... я вовсе не собирался...

— Даша права, — мрачно и отстраненно заметила Наташа. — Мы все готовы строить свое счастье на его крови. Представляете, а меня пригласили в сериал. Роль, правда, не главная, зато постоянная. Дочь главного героя, милиционера. Я собираюсь согласиться. Ужасно, да?

— Почему ужасно? — удивилась Вика. — Я очень за тебя рада. Боюсь только, останется ли у тебя время на нас, но тут уж ничего не поделаешь. Было б смешно, если бы ты отказалась от телевидения ради самостоятельной студии. Это даже я понимаю.

— Еще бы — такой шанс... — с уважением прокомментировал Денис, довольный, что нашлась новая тема для беседы. — Кто б мог предположить еще в субботу?

— Дядя мог, — горько вздохнула Наташа. — Он так мне и сказал, что меня пригласят в бездарный сериал, поскольку я бездарь. Как сказал, так и вышло. Я все время об этом думаю.

— О чем? — быстро уточнила Тамара Петровна.

— О дяде и о... о субботе. Мне кажется, за один тот день прошла целая жизнь. Длинный, бесконечный день, и в то же время его как будто не было. Словно его прожила не я, понимаете? Или я, только во сне. Есть вещи, которые в реальности не происходят, а тут они вдруг произошли. Есть вещи, каких я не могла бы совершить, но взяла и совершила.

Вика с неудовлетворением увидела, как напряженно слушает Марина. Похоже, она собирается трактовать самые обычные абстрактные рассуждения, столь любимые многими странными людьми, чуть ли не как признание в убийстве. Надо срочно внести в дело ясность.

— Наташа, а тебя допрашивал этот наш... Обалдевший поклонник? Ты ведь знаешь, что он оказался следователем?

— Да! — резко выкрикнула Наташа. — И на второй вопрос — тоже да. Я знаю, что он — следователь, и он меня допрашивал. Два раза — да!

— А чего так нервничать? — поинтересовалась Тамара Петровна не без укоризны. — Ты — племянница бедного Евгения Борисовича, а следователь случайно стал практически свидетелем этого рокового несчастного случая, вот и решил для очистки совести с тобою поговорить. Надеюсь, ты не стала морочить постороннему человеку голову нашими студийными проблемами? Милиция любит копаться в чужом грязном белье, но в случае преступления это оправдано, а в данном случае — ничто иное, как неуместное и праздное любопытство. Не думаю, что стоит ему потакать. Вы согласны, Виктория Павловна?

Вика была целиком и полностью согласна, более того, она словно услышала свое же собственное мнение со стороны, но ей опять по неизвестной причине стало неприятно. Она не нашлась сразу с ответом, а спустя секунду стало уже поздно, поскольку ответила Наташа, громко и с вызовом:

— А я не согласна. Я считаю, если следователь спрашивает, значит, у него есть причины. Я считаю, нельзя ничего скрывать, когда речь идет о жизни и смерти. Поэтому я ничего и не скрала. Я рада, что все вы здесь. Вы все должны знать, что я ничего не скрала!

— Ну, конечно, — с изумлением наморщила лоб Дашенька. — А как же еще? Что нам скрывать?

— Например, как дядя к тебе относился. Я сказала об этом следователю.

— И ладно, тут же ничего такого...

Ее тонкий голосок был перекрыт грозным рыком Дениса:

— Ты впутала Дашеньку в это дерьмо? Из зависти, что ли? Ты думаешь, мы тоже не можем тебя впутать? Ты думаешь, я не знаю, что твой драгоценный дядя задушил твоего любимого котика, над которым ты тряслась?

— Я сообщила следователю и про это, — холодно информировала Наташа.

Дашенька вздрогнула, словно от удара, и в оцепенении уставилась на жениха. У нее был вид человека, осененного неожиданной и ужасной догадкой. Денис что-то пробормотал, однако она не реагировала, продолжая смотреть на него все тем же остановившимся взглядом. Между тем Наташа продолжала.

— Я сказала про котенка, потому что... потому что следователю надо знать, что в тот день я ненавидела дядю, ненавидела по-настоящему! Я и сейчас до конца его не простила. Все простила, все, но как вспомню бедного Ушастика... как мы подобрали его в моем подъезде, как поили молоком... помнишь, Кирилл?

Кирилл недоуменно поднял брови. Таша осеклась, отвернулась и торопливо заговорила о другом:

— А еще я рассказала, Тамара Петровна, про то, как в пятницу на пути дяди оказался открытый люк и он чуть не погиб. И что он обвинял в этом вас. Я не утверждаю, что вы действительно виноваты, но он обвинял вас, это правда, и я не стала ее скрывать. И как он грозил вас уволить. Я считаю, следователь должен знать всю правду, какая только есть, потому что, я считаю, он не верит в несчастный случай!

— Как можно в него не верить, когда он был? — ничуть не обидевшись, поинтересовалась Тамара Петровна. — Евгений Борисович-то погиб, правильно?

— Погиб, потому что его убили! Тетя не верит мне, она твердит, что у нас здесь вечный бардак и сплошные накладки, но я-то знаю, что это не так! У нас ни разу ничего похожего не случилось, потому что Виктория Павловна и вы хорошо за всем следите, а тут вдруг — два раза подряд. Это подстроено, и тетя тоже согласна в глубине души, только не хочет согласиться вслух! Злитесь на следователя, а ведь он имеет право...

— Ее он тоже допрашивал? — тихо вставила Марина.

— Ну, да. Это ведь не зря, правда? Про несчастный случай допрашивать не станут.

Тамара Петровна пожала плечами.

— Считается, что дети до восемнадцати не имеют права быть свидетелями, но в наш век инфантильности пора сдвинуть срок до двадцати пяти. Чтобы обратить на себя внимание и сделать собственную жизнь более интересной, они готовы выдумать любую чушь, причем совершенно не задумываясь о последствиях. Да еще сами готовы в нее поверить! Разумеется, убийство — это увлекательней и романтичней, нежели рядовой несчастный случай, зато куда невероятнее. Совсем невероятно, если только не выдумать самой какой-нибудь ерунды. Вы согласны, Виктория Павловна?

Виктория Павловна была согласна, но опять не в силах была выразить этого явно. Не в силах — и не желала, вот парадокс!

— А что еще ты рассказала? — вместо ответа уточнила она. — И про что еще он расспрашивал, мой Обалдевший поклонник?

— Ну... вроде бы, все. Что дядя не давал проходу Дашеньке, это злило и Дениса, и тетю. Про открытый люк и про Тамару Петровну. Про Ушастика. Про дядин сложный характер. Все, что знала.

— А родную тетушку, значит, решила пожалеть? — едко осведомился Денис. — Впрочем, она ведь тебе не кровная родня, кровной был Евгений Борисович. То-то и видно, по характерцу!

Вика даже представить себе не могла, что он может быть таким злобным — он всегда казался добродушнейшим человеком. Впрочем, когда задевают любимую женщину, любой нормальный мужчина обозлится.

— При чем тут Галина Николаевна? — пожала плечами Наташа. — Я, разумеется, не скрыла, что ухаживания за Дашей ей не нравились. Следовательно и сам не дурак и не поверил бы ни во что другое.

— Да? А про то, что было перед самой премьерой, ты следователю рассказала? Или твоя тетушка? Или вы считаете, что это к делу не относится? Если уж решили выволакивать грязное белье, так уж пожалуйста, и свое тоже!

«О чем он? Неужели слышал мою ссору с Преображенским? — в ужасе подумала Вика. — Или Маринину? Только при чем тут...»

Закончить мысль она не успела, вмешался молчавший дотоле Кирилл.

— Я бы на вашем месте лучше принял нулевой вариант, — посоветовал он. — Что рассказано, то рассказано, а продолжать кормить следователя байками — верх идиотизма. Прямо-таки сказки Шехерезады!

— Нулевой вариант! — фыркнул Денис. — Нашли дураков! Мы с Дашей строили из себя слепых и глухих, чтобы никого не подставить, а нас подставила эта идейная дурочка! Я не собираюсь теперь скрывать, что ее дядя собирался развестись с ее тетей, и не надейтесь!

— Врешь, — тихо и коротко выпалила Наташа.

— Делать мне нечего! Слышал собственными ушами, как он ее предупреждал. В день премьеры, совсем незадолго. Кстати, они стояли у подсобки. Он мечтал жениться на Даше и собирался развестись.

— Но ведь Даша ему бы отказала, — заметила Марина. — Зачем ему разводиться?

— Отказала бы, разумеется. Откуда я знаю, зачем ему разводиться? Может, просто надоела его старушенция. Знаю только, что собирался.

— И как она среагировала? То есть, Галина Николаевна.

— Ха! Вот именно! Она на все отвечала: «Да-да, дорогой, обсудим это вечером». А вечером на него свалился блок. Интересное совпадение, правда? Тебе нравится, Наташа?

Наташа твердо возразила:

— Тетя не сделала бы этого. Она любила его и все ему прощала.

— Это пока он жил с ней, а чем отпустить его, лучше взяла да убила! Кстати, она рассказала тебе про эту ссору?

— Нет.

— Вот видишь! Если бы все было в порядке, так зачем скрывать?

— Она вообще не из откровенных.

— Согласен. Поэтому то, что у нее было на душе, мы знать не можем. Зато видим результат — Преображенский погиб как раз тогда, когда собирался от нее уйти.

Снова вмешалась Марина:

— Денис, так вас тоже допрашивали?

— Ну, да. Заявился этот козел и начал ходить вокруг да около, но я быстро поставил его на место! Мол, не его собачье дело, что у нас да как. Но теперь-то я молчать не собираюсь!

— Значит, — пробормотала Марина, — я, Вика, Наташа, Галина Николаевна, Даша, Кирилл... Он что, успел допросить всех? Тамара Петровна, вас тоже?

— Чисто формально, — быстро ответила Тамара Петровна. — Ничем особенным не интересовался, просто для отчетности. Виктория Павловна, вы их не слушайте! Они напридумывали ерунды, а ничего такого в помине нет! Не берите в голову, Виктория Павловна!

Вика, несколько удивленная, решила прервать странную речь, поэтому обратилась к Кириллу:

— А тебя он тоже допрашивал?

— Да. Но, в отличие от Наталии, я не страдаю детской словоохотливостью, и Талызин мало что от меня почерпнул.

— Но от кого же, — вырвалось у Вики, — он узнал обо мне?

— О вас? — изумилась Даша.

Вика почувствовала укоризненный взгляд Марины, однако предпочла сделать вид, что не обратила на него внимания, и откровенно выдала:

— Я поцапалась с Евгением Борисовичем перед премьерой, а Талызин откуда-то про это знал. Кто из вас ему сказал? Честное слово, я не обижусь, просто хочу знать.

Все помолчали, затем вступила Тамара Петровна.

— Я думаю, вы если и поругались с ним, то несерьезно, просто теперь, после его смерти, задним числом стали преувеличивать и переживать. Никто из нас про это не знал, а и знал бы, так не выдал.

Наташа слегка покраснела.

— Может быть, тетя? — неуверенно предположила она. — Она мне намекала на что-то... я не придала значения, но...

— Чтобы отвести от себя подозрения, твоя тетя готова наклепать на невинного человека, — сквозь зубы процедил Денис.

— Денис, ну, зачем ты так! — с непередаваемым отчаяньем, почти с надрывом выкрикнула Дашенька. — Так нельзя, нехорошо!

Возникла неловкая пауза, впрочем, довольно скоро прерванная скрипом двери. На пороге стоял Сосновцев.

— Виктория Павловна! — нежно пропел он. — Как я рад вас здесь видеть! Как я рад, что последние трагические события не повлияли на ваше желание продолжить творческую работу! Это замечательно, это правильно. Мы должны продолжать наше дело хотя бы из уважения к памяти незабвенного Евгения Борисовича, который так был им увлечен и так прекрасно о нем отзывался. — Гладкие, штампованные фразы вылетали одна за другой, однако казалось, директор не замечает их неуместности в устной речи. — А ведь я пришел к вам не просто так, а с деловым предложением. Конечно, — он скромно потупился, улыбнувшись самодовольной и самоуничижительной улыбкой, — не мне, рядовому администратору, давать советы людям искусства, но все же я осмелюсь... Что, если нашу студию мы переименуем в студию имени Евгения Борисовича Преображенского? Это будет дань памяти великого мастера. Я полагаю, городской общественности будет приятно об этом узнать.

— Давайте, — согласилась Вика, мгновенно прикинувшая, сколько плюсов таит интересная идея.

— Значит, я сообщаю в печать?

«Во шустрый», — не без уважения констатировала про себя Виктория Павловна и кивнула.

— Да, и еще! Так уж вышло, что именно мне, простому администратору, довелось беседовать с безвременно ушедшим гением о его ближайших планах. Не знаю, как это получилось, но я пользовался его особым доверием. Я всегда понимал, что это скорее моя удача, нежели заслуга, однако эту удачу я ценю выше всего остального, чего добился в жизни.

— О! — машинально изобразила восторг Вика. — Вы себя недооцениваете, Александр Михайлович!

— Не будем об этом, — Сосновцев отстранил тему характерным жестом, с момента премьеры ставшим для всех видевших ее фирменным знаком убийцы. — Я о другом. Я обязан передать вам последнюю волю погибшего. Следующей премьерой должна стать еще одна трагедия великого Шекспира, этого короля драматургов.

— Шекспир — без Евгения Борисовича? — вырвалось у удивленной Тamarы Петровны. — Не потянем!

— А сам Евгений Борисович куда выше оценивал творческий потенциал нашего коллектива. Он находил, что мы имеем идеальную Джульетту. — Александр Михайлович глянул на Дашеньку. — Ну, а у Джульетты есть подходящий Ромео. — Взгляд обратился на Дениса. — А подобрать актеров на оставшиеся роли «Ромео и Джульетты» не составит труда.

Вика твердо знала, что никакого Ромео Денис не потянет. Дашенька, та годится, точно, а вот он... Видимо, Преображенский из желания выдвинуть свой кумир закрыл глаза на реальную действительность. Не станет же девочка играть одна, а партнера ей, увы, нет! Только не скажешь прямо в лицо Денису — ты, мол, бездарен...

— У Дениса возраст не подходит, да и типаж не тот, — дипломатично заметила она.

— В академических театрах Ромео играют до пенсии, — парировал Денис. — По-моему, Евгений Борисович здорово придумал. Дашенька наконец-то раскроется по-настоящему, а то в последней премьере ее как-то задвинули на второй план.

Наташа пожала плечами.

— Денис, ну, какой из тебя Ромео! Это роль для великого актера, а тебе театр постольку-поскольку.

— Естественно, если я полспектакля стою в качестве мебели у задника, театр и будет для меня постольку-поскольку. Мне ни разу не дали настоящей роли, но я никогда не обижался. В конце концов, Виктории Павловне виднее. Но раз сам Евгений Борисович увидел во мне потенциал, так я честно скажу, что согласен. Я и сам чувствую, что способен на любую роль, на главную. Тем более, Ромео — роль простая, это тебе не Гамлет.

Сосновцев тоненько хихикнул:

— К тому же реальные взаимоотношения героев помогут им ярче выразить себя на сцене. Если у Дениса и могли бы возникнуть проблемы с другой партнершей, то с этой — никогда.

Вика категорически не была согласна. С той ли партнершей или с иной, Денис на сцене зажимается и не только скучен, но почти жалок. Она вежливо произнесла:

— Но у нас уже есть планы. Мы ставим новую современную пьесу, это привлечет к театру гораздо больше внимания, чем Шекспир!

Она полагалась на тщеславие директора, однако просчиталась.

— Будет крайне неприятно, Виктория Павловна, если мы не выполним последнюю волю великого мастера, именем которого решили назвать коллектив. В городе будут просто поражены! Беседуя с журналистами, я успел упомянуть паре-тройке из них об идее Евгения Борисовича, и она всем пришлась по душе. К тому же... — он запнулся, опустив глаза, — ах! мне не хотелось затрагивать эту тему, но я вынужден. Если я правильно понял, новая пьеса принадлежит перу госпожи Лазаревой?

— Да.

— Будь Евгений Борисович жив, он бы не допустил этого, а я в некотором роде полагаю себя его душеприказчиком, если можно так выразиться. Я поставил целью свято блюсти волю своего безвременно ушедшего друга.

— Друга? — иронически повторила Наташа.

— Да, именно. Поверьте, я ничего не имею лично против госпожи Лазаревой, более того, я всегда стараюсь относиться к женщинам со всевозможной деликатностью, но если выбирать между деликатностью и дружбой... Буду откровенен. Евгений Борисович считал последнюю премьеру большой ошибкой. Замечательная труппа, которая сумела сыграть самого Шекспира, вдруг опустилась до низкопробного детектива!

— Он вовсе не низкопробный, а очень умный и психологически достоверный.

— Евгений Борисович был не согласен с вами, Наташенька. Очевидный дилетантизм пьесы резал глаз всякому искушенному зрителю.

— Дядя не стал бы играть в пьесе, которая ему не нравится. Вы плохо его знаете.

— Стал, стал — из благородства. Он не хотел подводить коллектив. Но на будущее он решил оградить его от повторения подобной профанации. Если вы мне не верите, обратитесь к госпоже Лазаревой лично и уточните детали разговора, который состоялся у нее незадолго до премьеры.

Сосновцев словно не замечал, что Марина находится в двух шагах. Она медленно заливалась краской, и Вика поспешила вмешаться.

— Это была шутка. Он здорово подшутил и над ней, и точно так же надо мной. А потом, после спектакля, очень нас хвалил.

— Вас хвалил, Виктория Павловна, — возразил Александр Михайлович. — Это подтверждают и присутствующие журналисты, например, сама Юлия Чернова. А вот насчет госпожи Лазаревой она придерживается другого мнения. Она полностью согласна с тем, что в память Евгения Борисовича надо поставить «Ромео и Джульетту», а дешевые поделки Лазаревой забыть, как страшный сон. Дашенька, вы ведь согласны?

— А? — неуверенно выдавила та. — Мне все равно. Как Виктория Павловна, так и я.

— Какие глупости! — вскипел Денис. — Тебе предлагают Джульетту, это твоя роль, идеальное попадание, а тебе все равно! Бездарную Наташку позвали в сериал, а ты с твоим талантом собираешься прозябать! Нельзя же быть такой наивной, честное слово! Тебя оттирают, а ты...

Даша нежным жестом поднесла ладонь к его губам, заставляя замолчать.

— Наши планы уже определились, — твердо заявила Вика.

— А мои еще нет, — развел руками директор. — Вы помните, Виктория Павловна, предполагалось отдать помещение студии под бильярд? Разумеется, мне как любителю искусства это претит, но в нынешние времена, когда нас так давят налогами... Конечно, если мы сможем рассчитывать на поддержку прессы, сохранить студию будет легче. Да и у меня самого не поднимется рука на любимое детище самого Преображенского! Буду согласен терпеть убытки в память великого артиста. Но, если его память перестанут чтить, если его имя опорочат, то я и городская общественность... мы предпочтем...

«Как по нотам разыгрывает, сволочь, — с ненавистью подумала Вика. — Во у Маринки характерец, черт бы ее побрал! Всех умудрилась настроить против себя — и этого козла, и стерву Чернову! Чего ей стоило подписать интервью, рука бы не отсохла! Тогда этот козел не посмел бы ее тронуть, а теперь...»

Требовалось как-то поддипломатичнее среагировать, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, только ничего дельного на ум не шло. Но тут раздался стук в дверь, и Виктория Павловна с огромным облегчением крикнула:

— Войдите!

Появилась Галина Николаевна, за ней в комнату бочком вполз Талызин, и Вика в который раз подивилась его невзрачности да неуклюжести. Кто б мог предположить, что этот человек успел за пару дней всех допросить и выведать кучу сведений? Не иначе, ему просто повезло. А чего это он так рано? Впрочем, нет, не рано — время пронеслось незаметно. К тому же в некотором смысле он удивительно кстати — неприятная минута разрешения конфликта откладывается на неопределенный срок. За этот срок многое может случиться! Таков был Викин жизненный принцип — не думать о неприятном до тех пор, пока есть к тому хоть малейшая возможность.

— Добрый вечер! Я вас отвлек? Но ведь гораздо лучше, если я сам приду сюда и побеседую сразу со всеми, чем транжирить ваше время, вызывая к себе. Вы все — люди занятые, правда?

Присутствующие закивали.

— А Галина Николаевна была так добра, что согласилась прийти сюда. Я это высоко ценю. Я вообще ценю любую помощь следствию. Впрочем, сегодня я вас надолго не задержу, — безмятежно продолжил Игорь Витальевич. — Пара вопросов, и все. Первый — про подсобку. Кто из вас заходил туда в течение субботы?

— Я, — с вызовом ответила Тамара Петровна. — Мне надо было туда кое-что отнести. Я вам уже говорила.

— И во сколько?

— Сразу после спектакля. Все поклонялись, опустился занавес, и я сбегала в подсобку.

— И в каком состоянии находился тогда блок?

— О господи! — вздохнула Тамара Петровна. — Вы что, считаете, если одно и то же спросить сто раз, так на сто первый я отвечу иначе? Я не обратила на блок ни малейшего внимания. Он не имел отношения к премьере, я на него и не смотрела вовсе.

— А если б с ним было что-то не так, вы бы обратили внимание?

— Ну, — ехидно сообщила та, — если б упал мне на голову, так, наверное, обратила бы.

— А потом, во время банкета, вы в подсобку не ходили?

— Нет, не ходила.

— Однако вы на какое-то время покинули зал.

Тамара Петровна подняла брови и процедила:

— Я посетила дамскую комнату.

Талызин словно не заметил яда, сочащегося из ее слов, и простодушно прокомментировал:

— Надолго.

— Да, на столе оказалась некачественная водка, и меня тошнило. Требуются подробности?

— Нет, нет, ни в коем случае! Может быть, кто-нибудь еще заходил в субботу в подсобку?

Затянувшееся молчание прервала Галина Николаевна, спокойно произнеся:

— Кирилл, вы ведь там были в субботу?
Молодой человек удивленно нахмурился, и она пояснила:
— Мы еще встретились, когда вы оттуда вышли. Перед самым спектаклем.
— А, — кивнул Кирилл, — точно. Я и забыл.
— Ничего страшного, — ободрил его Талызин, — главное, что теперь вспомнили. Так зачем вы туда заходили?
— У меня куда-то запропастилась компьютерная дискета, нужная по роли как реквизит, и я подумал, не оставил ли ее там.
— И как же?
— Нет, она лежала у меня в дипломате.
— И долго вы пробыли в подсобке?
— Пару минут.
— И за пару минут, — уважительно прокомментировал следователь, — вы успели обыскать помещение и обнаружить, что там нет дискеты? Дискета — вещь маленькая, может завалиться, где угодно.
— Ничего я не обыскивал, — довольно нервно возразил Кирилл. — Окинул помещение взглядом, увидел, что дискеты нет, и тут же вышел. Я особенно и не надеялся, что она там. Поэтому и забыл потом про эту вашу подсобку!
— Но вы ведь регулярно там бывали?
— Это еще почему?
— Ну, как! — улыбнулся Талызин. — Раз вы предположили, что могли оставить там дискету, значит, туда нередко заходили.
К молодому человеку вернулась привычная флегматичность.
— Просто подумал, ее могла отнести туда Тамара Петровна. Она все хранит в подсобке.
— Но вы сказали — «оставил».
— А имел в виду другое. Сказал, не подумав.
— Хорошо. Итак, вы окинули помещение взглядом. Вы увидели при этом блок?
— Наверное. Но я искал дискету и на блок, как и Тамара Петровна, не обратил внимания.
Игорь Витальевич попросил:
— А вы вспомните! Вы ведь мужчина, к тому же инженер. Вам это должно быть близко. Тем более, именно вы принесли блок в подсобку и установили его...
— Ну, знаете ли! — резко вскричала Наташа. — Да за такие намеки...
Кирилл повернулся к ней, и она смолкла.
— Я ничего плохого, — смущенно уточнил следователь. — Просто имел в виду, что Тамаре Петровне как женщине трудно удержать в памяти нечто, связанное с блоком, а мужчине, да еще инженеру, легче.
— Наверное, — кивнул Кирилл. — Но я так нервничал из-за премьеры, что плохо помню все, что было в тот период.
— Да, кстати! А с Евгением Борисовичем вы перед премьерой общались?
— Возможно. Даже скорее всего.
— И о чем вы беседовали?
— Наверное, ни о чем существенном. Не помню.
Вика знала, что он врет, однако мысль соперничать в откровенности с Галиной Николаевной ей даже в голову не пришла. Не хочет говорить, и не надо — это его личное дело.
Талызин, казалось, был полностью удовлетворен.
— Итак, — констатировал он, — в подсобке были Тамара Петровна и Кирилл Андреевич. Оба не заметили ничего особенного. Кстати, Кирилл Андреевич, а что привело вас туда вторично?
— В каком смысле — вторично? — недоверчиво осведомился Кирилл.
— Но ведь именно вы обнаружили тело, я не ошибаюсь? Чтобы его обнаружить, вам пришлось забрести в подсобку. Зачем?
— Ну... думаю...
Неожиданно вмешалась Наташа.

— Объясните, — выпалила она, — а мы вообще-то обязаны отвечать на ваши вопросы? Я считала, для этого вы должны предъявить нам какие-нибудь бумаги, а без них это не допрос, а самоуправство.

— В какой-то степени, да, — почти весело подтвердил Игорь Витальевич. — Я занимаюсь самоуправством. Проблема в том, что можно вести дело строго официально, и тогда все вы будете вызваны в прокуратуру, а ваши показания будут протоколироваться и подписываться. Это займет немало вашего времени, да и чревато немалыми проблемами, учитывая некоторую... некоторую изменчивость показаний большинства из вас. Подобная изменчивость, зафиксированная на бумаге, производит неблагоприятное впечатление, а мне совершенно не хочется причинять вам неприятности. Поэтому я пытаюсь разрешить проблему по-хорошему, неофициально. Я понимаю, что от творческих людей, артистов нельзя требовать, чтобы они помнили мелкие детали быта, особенно в день премьеры. Но это понимаю я, любитель театра, а вовсе не каждый представитель нашего ведомства. Так что... но если вы предпочитаете...

— Нет-нет, — всплеснул руками Сосновцев, — мы предпочитаем дружеские отношения и очень вам за них благодарны. Нам не требуются формальности, куда важнее суть! Бюрократия осталась в совковом прошлом.

— Да я не возражаю, — пожал плечами Кирилл. — Просто пытался вспомнить. Я шел вовсе не в подсобку, а в гримерку, чтобы забрать свои вещи. Увидел, что дверь в подсобку приоткрыта, и заглянул. А там — тело. Вот и все.

— Теперь все понятно, — кивнул следователь. — Шли в гримерку, а зашли в подсобку — очень естественно.

Было трудно разобрать, звучит ли в его голосе ирония.

— Итак, больше нет желающих поведать нам о своем визите в это интересное помещение? Нет? Хорошо. Тогда о другом. Мне известно, что Евгений Борисович в день премьеры поссорился сразу с несколькими людьми. Например, с Наташей, а также с Тamarой Петровной.

— Со мной — накануне, — исправила последняя.

— Начал накануне, а добавил потом, ведь так?

— Ладно, пусть будет так.

Лицо Талызина неожиданно переменяло выражение, стало суровым, даже жестким.

— Зная характер Евгения Борисовича, я не собираюсь из самого факта ссоры делать далеко идущие выводы, — заметил он. — Но среди присутствующих есть человек, который этот факт старается скрыть. Я даю этому человеку последний шанс признаться самому, в противном же случае станет очевидным, что ссора была нешуточной и могла привести к самым серьезным последствиям.

«Он что, подразумевает меня? — недоверчиво подумала Вика. — Или, скорее, Маринку?»

— Я... — без энтузиазма начала она вслух, но ее опередил Денис.

— Я действительно упустил в нашем с вами последнем разговоре один момент, считая его несущественным. Но теперь понимаю, это, наверное, важно. Только она, может, сама признается? Нет? Короче, в день премьеры Преображенский круто рассорился с женой, вот что! Разводом угрожал, вот что!

— У вас странное чувство юмора, мальчик, — холодно прокомментировала Галина Николаевна.

— А это не юмор. Вы думали, никто не слышал, а я слышал. Вы стояли у подсобки и ссорились. Уж я-то помню!

Галина Николаевна улыбнулась.

— А, вот вы о чем? Так вы что, восприняли наши шутки всерьез? Сочувствую. Вам, наверное, нелегко живется, мальчик. Понимаете, — она повернулась к следователю, — Женя любил разыгрывать людей, его это взбадривало. Особенно это требовалось ему в дни премьер. Представьте себе, несмотря на огромный опыт, он каждый раз волновался, словно дебютант! Таково уж свойство его таланта. И мы с ним традиционно в день премьер разыгрывали ссору. Оба знали, что это не всерьез, но делали вид, будто всерьез, понимаете?

— Ну, — пожал плечами Талызин, — не совсем. Так что, Евгений Борисович перед каждой премьерой заговаривал о разводе?

— Возможно, не перед каждой. Мне трудно сказать наверняка. Поскольку я знала, что все в шутку, то и не обращала особого внимания. Надеюсь, Денис, вы не станете утверждать, что я рыдала и рвала на себе волосы?

— Не рвали, — мрачно согласился Денис. — Говорили, что обсудите это вечером, после спектакля. А вечером он погиб. Вот так-то! Голову ему размозжили блоком! Интересное кино, да?

— Интересно скорее ваше неумное желание навязать следователю свою точку зрения, — отпарировала Галина Николаевна.

— А чего тут навязывать? Ежу понятно.

Дашенька тихо всхлипнула, и ее жених умолк.

— Так это вас имел в виду Евгений Борисович, когда произносил тост? — буднично уточнил Обалдевший поклонник, обращаясь к Преображенской. — Про разговор, который еще не закончен и будет вечером продолжен?

— Меня? — подняла брови Галина Николаевна. — О законной жене подобным тоном не говорят. Этот тон Женя приберегал для своих шлюх.

— Старая стерва! — выкрикнул Денис, вскочив так резко, что Галина Николаевна в страхе отшатнулась. Однако предпринять ничего он не успел. Тоненький дрожащий голосок Даши прозвучал для всех, словно гром судного колокола.

— Евгений Борисович имел в виду меня, Игорь Витальевич.

Она встала и опустила голову, похожая на школьницу, плохо выучившую урок.

— Если можно, расскажите поподробнее, — ласково попросил милиционер. — Не волнуйтесь, Дашенька, волноваться причины нет!

Она покорно кивнула, сжала руки и странным голосом, практически лишенным модуляций, поведала следующее.

— Евгений Борисович ухаживал за мной. Я терпела, потому что он гений, и потому, что он старый и нехорошо было его обижать. В субботу, в день премьеры, он назначил мне свидание в подсобке, и я пообещала прийти, потому что... — она запнулась, потом на мгновение просияла и продолжила: — Потому что он обещал сказать что-то очень важное. Но он не сказал ничего, а стал... стал приставать. Я в тот вечер выпила и была не в себе, потому что обычно не пью. Я хотела убежать, а он не пускал. Тогда я схватила блок и опрокинула на него. Я не очень понимала, что делаю. Все.

Она наконец подняла глаза на следователя, в них светилось неприкрытое ожидание, точно школьница ждала от учителя оценки. Вику как обухом по голове ударило. Боже мой, Дашенька! Кто бы мог подумать? Даже Марина с ее пристрастностью, и та не предполагала подобной разгадки! Все оказалось до смешного просто. Бедная девочка, непосредственная и наивная, попала в ловушку, по доброте душевной согласившись остаться наедине с этим старым развратником, прости его господи! Выпитое заставило Преображенского окончательно распоясаться, а Дашеньку — испугаться насилия. То, что она сделала — не убийство, а необходимая самооборона. Но разве наши дурацкие законы способны отличить одно от другого? В их жернова лишь попади, будешь перемолот в муку. Нет, не стоило Даше признаваться, очень глупо и неправильно получилось! Надо было рассказать правду только ей, Вике, и они вдвоем придумали бы, как избежать наказания. Обвели бы Обалдевшего поклонника вокруг пальца, не так уж он и умен! А теперь, конечно, поздно. Или нет? Чем черт не шутит, пока бог спит.

И Виктория Павловна, мгновенно решившись (долго раздумывать было не в ее характере), мысленно сплюнула через левое плечо и с нарочитой строгостью заявила:

— Даша, сейчас не время для розыгрышей.

— Розыгрышей? — недоуменно переспросила та.

Вика повернулась, чтобы ее лица не мог видеть Талызин, и подмигнула, вложив в мимику весь свой невеликий актерский талант.

— Конечно, у нас в студии розыгрыши вошли в привычку, но такими серьезными вещами, как смерть, шутить все же не стоит. У нынешней молодежи ничего святого, знаю по собственному сыну. Слава богу, Игорь Витальевич, что у вас есть чувство юмора! — она глянула на следователя взором, исполненным неземного восхищения. — Это настолько редкое качество, особенно в вашей профессии! Зато и ценится очень высоко, для любой женщины чувство юмора в мужчине куда важнее всякой там красоты. Кто-то другой на вашем месте принял бы Дашины слова за

чистую монету, но вы с вашим умом сразу все распознали. Нам всем необыкновенно с вами повезло!

Талызин молчал. Вика впервые обнаружила, что и его неприметное лицо способно выражать яркие эмоции. В данном случае их было несколько. Основной являлось глубокое недоумение, но за ним мнилось что-то еще, похожее, как ни странно, на ласковую снисходительность.

Однако разбираться в движениях его души не было ни времени, ни возможности, ни, наконец, желания. Бедная Даша, не имея жизненного опыта Виктории Павловны, не сумела понять намека и трогательно возразила:

— Я бы не стала шутить такими вещами, и ваш Леша тоже никогда бы не стал, я уверена! Как вы могли подумать? Я говорю серьезно.

Тамара Петровна, откашлявшись, неуверенно выдавила:

— Но... э... это ведь не... то есть... я могу подтвердить, что он пытался... то есть... у тебя ведь не было другого выхода, правда, Даша? Просто роковая случайность. Блок был плохо закреплен, а ты вырывалась и задела. А он... Преображенский то есть... он в тот день был не в себе, и он очень даже мог... э... ведь нельзя наказывать девушку за то, что она... э... бережет свою честь...

При слове «честь» Галина Николаевна истерически расхохоталась. Вику трясло от напряжения, ей не терпелось узнать, удалось ли обмануть следователя хитрой выдумкой о розыгрыше или нет, но Талызин продолжал недоуменно молчать, а инициативу вдруг проявила Марина — впрочем, тоже не без глубокого недоумения.

— Ты схватила блок и опрокинула на Преображенского? — медленно, почти по слогам уточнила она.

— Ну, да, — встревожено кивнула Дашенька. — А разве... то есть...

Две минуты назад она оттарабанила без запинки длинный монолог, теперь же явно растерялась. Зато пришел в себя следователь, бросив на Марину раздраженный косой взгляд и зачем-то в свою очередь повторив:

— Схватила и опрокинула?

— Да, — затравленно подтвердила Даша. — Вы думаете... то есть... он тяжелый, да? Но я гораздо сильнее, чем это кажется со стороны, честное слово! И еще добавилось состояние аффекта...

— Надеешься списать на состояние аффекта? — прошипела Галина Николаевна, с ненавистью глядя на соперницу. — Не надейся! И не делай вид, будто Женя пытался тебя изнасиловать, никто тебе не поверит! Вот бросить тебя — другое дело. Надоела ты ему, он дур-то не любит. Вот ты его и убила... Я так и знала, что это ты, сразу знала! Кто ты была бы теперь, если б он был жив? Брошенная шлюха! А теперь, видите ли, последняя любовь гения, интервью на всю страну, шумиха. Да ради этого такая, как ты, полгорода прикончит!

— Тише, — коротко приказал Талызин, и она смолкла. Он обратился к Даше.

— Пожалуйста, поподробнее о том, как вы опрокинули блок. Где он находился?

— Ну... я... на шкафу, кажется. На самом краю. Поэтому было совсем нетрудно его опрокинуть. Но я точно не помню, потому что аффект... Я не обязана помнить, в аффекте не помнят!

Похоже, лишь тут Денис смог стряхнуть оцепененье, в котором пребывал на протяжении всей сцены.

— Ты сбрендила, Дашка! — ударив кулаком по столу, вскричал он. — Ты с ума сошла! Вы ее не слушайте, она парит! Мы с Кириллом тащили этот чертов блок в подсобку, так надорвались! Ей его и с места-то не сдвинуть!

— Тем не менее, он упал, — вежливо информировала Галина Николаевна.

— Потому что заранее был таким образом установлен, понятно? Только так! Вон мент подтвердит, он не слепой!

— Молчи! — вырвалось у Даши. — Молчи, Денис, не вмешивайся!

Она бросилась к нему на грудь и заплакала. Вике вдруг все стало ясно, как божий день. Чтобы Дашенька кого-то убила, даже ненароком — нет, ерунда, вранье, в которое можно поверить не более, чем на полсекунды! Просто бедная дурочка почему-то убедила себя, что убийца — Денис, и теперь пытается отвести от него подозрения. Но не такой же ценою, правда? А Денис действительно сегодня сам не свой.

— Я согласен с Денисом, — вмешался Кирилл. — Блок очень тяжелый. Затея не для женщины.

Виктория Павловна между тем судорожно решала, делиться ли с Обалдевшим поклонником своим гениальным прозрением. С одной стороны, вроде надо, потому что нельзя позволить девочке погубить себя. А с другой, если Даша готова на все, чтобы не впутать в это загадочное дело жениха, значит, имеет причины! Вероятно, знает то, чего не знают остальные. Так стоит ли портить ей игру? Куда ни кинь, все клин.

Слава богу, проблема разрешилась автоматически. Следователь изучающе глянул на Дениса и флегматично поинтересовался:

— А вы сами-то не имели ссоры с Преображенским в день спектакля?

Денис вздрогнул, нахмурился, затем отстранил от себя Дашу и строго спросил:

— Ты чего, решила, это я, что ли? Да за кого ты меня принимаешь? Я думал, ты меня любишь, а ты...

— Господи, какой ты идиот! — громко и с чувством произнесла Наташа. — Если бы меня кто-нибудь любил так, как она тебя... а ты еще недоволен, о господи! Как я вам завидую, если б вы знали! За одну такую минуту можно отдать жизнь, а я вместо этого...

И она заплакала. Вика поднесла воды сперва одной девушке, потом другой. Не репетиция, а кошмар какой-то! И виноват во всем Обалдевший поклонник. Притащился и начал мучить людей. Это ж надо выбрать подобную профессию! Наверное, в следователи идут одни садисты! А жены у них наверняка мазохистки.

Тем временем Денис решил.

— Да, я действительно перед премьерой поругался с Преображенским. Не знаю, откуда Дашка узнала. Но я не говорил про это никому не потому, что я... что я боялся за себя, а потому, что... Короче, не хотел зря трепаться. Ваш Преображенский, он был шизик. Таких лечить надо! Он выдумывал разную чушь, лишь бы кого-нибудь заколебать. Вон, Ташке котика задушил. Это что, нормально? А я на психов внимания не обращаю. Я просто стараюсь обходить их стороной.

— И все же, что было предметом ссоры? — уточнил Талызин.

— Этот шизик сказал, что разведется с женой и женится на Дашке. Но я-то знал, что Дашка за него не пойдет! А он все твердит свое, как попугай. Я разозлился и сказал, что такой старый вонючий козел ей не нужен. Вот и все. А что касается до убивать, так делать мне нечего, что ли? Зачем мне его убивать, если Дашка терпит его только из жалости, а любит-то меня?

— Действительно, — согласился Игорь Витальевич, — повода нет. Но, видимо, Дарья Алексеевна полагает иначе. А, Дарья Алексеевна?

— Да погодите вы! — нервно махнула на него рукой Дашенька, словно забыв, что перед нею представитель власти. Она, казалось, видела только Дениса.

— Ты не убивал его? — сквозь слезы спросила она.

— Да нет же! У меня в мыслях не было!

— Посмотри мне в глаза. Это правда, да?

— Ну, конечно.

Денис со снисходительной улыбкой посмотрел ей в глаза. Она тоже улыбнулась, потом засмеялась.

— С вами не соскучишься, — резюмировал следователь. — А если бы, Дарья Алексеевна, я воспринял ваши слова всерьез? Что тогда?

— Ну, — смущенно произнесла она, — я решила, у меня были бы смягчающие обстоятельства, поэтому я пострадала бы меньше, чем Денис. В том смысле, что меня бы немножко пожалели и дали срок меньше, чем ему, правда? Я ведь как бы не нарочно.

— Пожалуй. И все же хотелось бы знать, что заставило вас предположить, будто ваш жених виновен? — с настойчивостью уточнил Талызин.

Дашенька вздохнула, вопросительно обернулась к Денису.

— Валяй, — кивнул тот. — Я ничего плохого не делал, и ничего они мне не пришьют.

— Хорошо. Я случайно услышала в субботу кусок того разговора... то есть между Денисом и Евгением Борисовичем. Я не все поняла, но мне все это ужасно не понравилось. Только я постеснялась поговорить с Денисом об этом прямо и попыталась... ну, обиняком. И мне показалось, что он на меня обижается. Оборвал так нехорошо... Помнишь, Денис?

— Да нервничал я перед премьерой, вот и все.

— А я решила... Нет, сразу я ничего не решила, но осадок плохой остался. А сегодня... Меня так поразило, что... — прости меня, родной! — что ты выдал Галину Николаевну. Это так на тебя непохоже, ты ведь всегда такой хороший, и вдруг взял да выдал! И про Наташу тоже... ты так грубо сказал о ней, словно хотел, чтобы обсуждали кого угодно, но не тебя. Мне трудно объяснить, но я почувствовала, что с тобою что-то не так. И вдруг мне пришло в голову... и тогда все встало на свои места... а еще на банкете ты куда-то выходил, и... Я, наверное, просто психованная, вот и все. Ты для меня в центре всего, и, о чем бы я ни думала, возникаешь ты...

Она запинаясь, не в силах выразить чувства словами. Вика вспомнила ее взгляд, в ужасе изучающий Дениса после каждого его резкого выпада, каждой раздраженной реплики. Неожиданно захотелось вставить подобную сцену в следующий спектакль, настолько наглядно перед внутренним взором предстал процесс зарождения в душе девушки страшных подозрений и их постепенного укрепления. Денис и впрямь раскрылся сегодня с новой, не лучшей стороны, однако из этого вовсе не следует, слава богу, что он — убийца.

— Кстати, а куда вы выходили во время банкета? — полюбопытствовал следователь.

— Что я, помню, что ли? Покурить, наверное. Вот ответьте мне, Игорь Витальевич, разве я чего такого плохого сделал? Эта дамочка ненавидит Дашу лютой ненавистью и делает ей гадости, а я что, покрывать ее за это должен? А Наташка перехватила у нее из-под носа славу, влезла в сериал, хотя у Дашеньки таланту в сто раз больше. И что, я опять должен стерпеть? Раз Дашенька сама за себя не постоит, это должен сделать кто-то другой! То есть я. Ей предлагают Джульетту, а она из деликатности готова отказаться. Я мужчина, я должен ее защищать! Так или не так?

— Мне ничего не надо! — вскричала Даша. — Ни Джульетты, ни сериала! Только будь таким, как всегда, а не как последние дни. Пожалуйста!

Денис крепко прижал ее к себе. Вика умиленно наблюдала за нежнейшей сценой примирения, но насладиться ею не дала Марина, тихо, однако очень внятно заявившая:

— Интересно, а Евгений Борисович в день премьеры поссорился с каждым из нас или кого-нибудь пропустил? Хотя вряд ли. Он, наверное, не зря собрал нас всех за своим столом.

— Что за чушь? — неприязненно осведомился Сосновцев.

Марина повернулась к Талызину.

— Давайте считать по пальцам. Я и Вика — это двое. Наташа и Галина Николаевна — будет четверо. Денис и Кирилл — шестеро, Тамара Петровна седьмая, вы восьмой. Остаются Дашенька и Александр Михайлович. Дашенька, Евгений Борисович перед премьерой тебя обижал?

— Ну, — слегка смешалась Дашенька, — если вы имеете в виду... В общем, он обычно был со мною очень деликатный, а в субботу...

— Деликатный! — возмущенно фыркнул Денис.

— Я имею в виду не на словах, а на... Короче, говорить он мог всякое, но трогать никогда не трогал. А в субботу пытался... и так грубо... я ужасно расстроилась, а он смеялся.

— Во сволочь!

— Значит, Дашенька девятая, — с удовлетворением констатировала Марина. — Остаетесь вы, Александр Михайлович. Чего уж там скрывать, признавайтесь!

Сосновцев пожал плечами.

— Полагаю, я попал за ваш стол случайно. Впрочем, я там почти и не сидел. У меня было полно забот!

— То есть с вами Евгений Борисович не ссорился? — осведомился Талызин.

— Разумеется, нет.

Наташа, поднявшись со стула, посмотрела на Сосновцева не без брезгливости и твердо заявила:

— Но я же слышала, Александр Михайлович! В антракте.

— Что — в антракте, Наташенька? — нежно пропел тот.

— Вы с дядей спорили.

— О чем же, деточка?

— Не знаю. Но вы очень горячились.

— Ах, да! — улыбнулся Сосновцев, сделав свой любимый жест рукой — жест, вызывающий ныне у Вики глубокое отвращение. — Я действительно горячился, восхищаясь гениальной игрой Евгения Борисовича. Только ссорой или спором это назвать нельзя.

— Вот как? — флегматично переспросил следователь. — А по какому поводу спорили вы, Кирилл?

Вика укоризненно глянула на Марину, и та, сообразив, что проболталась, сильно покраснела и быстро произнесла:

— Ну, Кирилла я назвала для комплекта. Решила, раз все, так и он.

Обалдевший поклонник поднял брови и уточнил:

— Так что, Кирилл Георгиевич, был спор или нет?

— И все-таки Александр Михайлович говорит неправду, — вернулась к предыдущей теме Наташа. — Они ссорились, я убеждена. И дядя его дразнил.

Тут удивился даже Талызин.

— Что значит — дразнил?

— Ну, передразнивал. Делал вот так, как он всегда делает.

Она попыталась сымитировать жест и вдруг застыла, пораженная догадкой.

— Слушайте, до меня только теперь дошло! На сцене я была в образе и не понимала, и только теперь... А со стороны вы, наверное, сразу увидели, да?

— Что увидели? — хмуро поинтересовалась Тамара Петровна.

— Что дядя использовал для роли жест этого типа.

Вика машинально отметила, что сегодня не только Денис держится не лучшим образом, Наташе тоже изменила привычная интеллигентность. Для девочки совершенно нехарактерно обсуждать присутствующего так, словно его здесь нет. Впрочем, происшедшее явно сильно ее возбудило, на щеках выступили пятна, глаза горят. В подобном состоянии не до правил хорошего тона!

— Конечно, увидели, — подтвердила Тамара Петровна. — Не слепые. Кстати, гениальная находка.

— А я сам подарил ее Евгению Борисовичу, — сладко улыбнулся Сосновцев. — Не хотите ли, спрашиваю, позаимствовать у меня этот жест, со сцены будет прекрасно смотреться! Он согласился.

— Похоже, вы были единственным, с кем он в тот день согласился, — ехидно вставила Марина.

«Лучше б ей помолчать, — подумала Вика, случайно поймав брошенный директором яростный взгляд. — Вот язык без костей!»

— Слушайте, уже почти одиннадцать! — вдруг ужаснулась Наташа. — А мои маршрутки после одиннадцати не ходят.

Все всполошились. И впрямь, время пролетело незаметно, пора было бежать. Следователь никого не удерживал.

Сцена четвертая

Второй прогон

Вика без особого труда уговорила Марину не ехать домой, а переночевать у нее. Слишком многое требовалось обсудить, чтобы терпеть до завтра.

Начала она с главного.

— Ты знаешь, что твой собственный язык — твой главный враг? — грозно осведомилась она за кофе, когда Лешка был выдворен спать.

— Ох, — вздохнула Марина, — мне самой жутко стыдно. Но вроде бы все обошлось.

— Это тебе кажется, что обошлось, а на самом деле вряд ли. Ты, видимо, не заметила, как он на тебя посмотрел?

— Заметила. И, кстати, очень удивилась.

— А чего удивляться? Как будто не знаешь, что он из себя представляет. Ну, и что мне теперь прикажешь делать? Ты меня в какое положение поставила? Между двух огней. Я тебе что, камикадзе?

— Ну, — неуверенно заметила Марина, — он ведь не знает, что его слышала именно ты. Он, наверное, думает, это была я.

— Ты мне зубы-то непонятностями не заговаривай! — потребовала Виктория Павловна. — Я не знаю, что он думает, но он скорее удавится, чем позволит мне поставить твою новую пьесу. А я уже на нее настроилась!

— Погоди, при чем здесь пьеса?

Вика развела руками.

— Ну, ты даешь! Ты что, не поняла, что его болтовня про «Ромео и Джульетту» только из-за того, что ты дала ему от ворот поворот? Ты считаешь, ему не наплевать, что именно мы будем ставить? Не будь наивной. Его не волнует ничего, кроме собственных шкурных интересов.

— Погоди! — остановила подругу Марина. — Ты о ком?

— О директоре нашем, конечно, о ком еще?

— А я о Кирилле! — засмеялась та. — Вот тебе наглядное подтверждение, что у каждого своя картина мироздания.

— Маринка, не надо про мироздание, я с тобой о деле говорю, — серьезно попросила Вика. — Господи, ну, что тебе стоило подписать это паршивое интервью! Все подписывают. А была б ты под защитой Черновой, этот козел тебя бы не тронул.

— Вичка, мы уже это обсуждали! Ну, не могла я.

— Ладно, проехали. Все равно Чернова тебя уже никогда не простит, и второго шанса с этой стороны у тебя не будет. А вот с Сосновцевым — другое дело. Я специально присмотрелась, он хоть и зол на тебя, а слюни до сих пор пускает. А с его-то самомнением, задурить ему голову — пара простых. Скажи, что нарочно пыталась вызвать его ревность, потому что боялась, он относится к тебе не так серьезно, как ты к нему. Потому что для тебя, мол, это вопрос жизни и смерти, а для него — минутное развлечение. Он это съест за милую душу, да еще добавки попросит. Если честно, неужели тебе трудно пару раз с ним трахнуться — для пользы дела? Конечно, он не Ален Делон, но фигура у него что надо. Может, даже удовольствие получишь. По крайней мере, с тебя не убудет, это точно.

И вдруг Марина вскипела. Вика и не представляла себе, что она на это способна, да еще по столь ничтожному поводу.

— А почему кто-то другой должен за меня решать, с кем мне спать, а с кем нет? — рявкнула она. — Господи, как мне все это надоело! Почему я не имею права вести себя так, как мне хочется, а не как требуют какие-то психопаты?

«Психопаты — это обо мне, — покаянно подумала Вика. — Я действительно переборщила. Может, у нее любовник ревнивый, а я...»

Марина, бросив на подругу быстрый взгляд, тут же смягчилась и, словно прочтя ее мысли, почти спокойно объяснила:

— Да я не о тебе, Вичка, я о них. Ты мне хочешь как лучше, это я понимаю. Ты даешь совет, а я вправе послушаться его или нет. Это нормально, это естественно. А вот чего не терплю больше всего на свете, так это покушения на мою свободу. В конце концов, я же не в рабстве нахожусь, ведь так? Нет на свете человека, в паспорте которого написано: «Он имеет право распоряжаться Мариной Лазаревой».

— Нет, конечно, такого человека, — подтвердила ошарашенная собеседница.

— Так почему они ведут себя так, словно есть? Почему Чернова требует, чтобы я потеряла свое лицо, подписав вульгарную болтовню? Она меня и видела-то один раз в жизни, а уже требует от меня унижения. Зачем ей это надо?

— Для тиража. А что она тебя в статье обругала, так она просто на тебя обиделась. Она не привыкла к отказам.

— Не понимаю, почему оценка моего творчества должна зависеть от оценки моего характера, — передернула плечами Марина. — Или, тем более, от моих сексуальных предпочтений.

— А какие у тебя сексуальные предпочтения? — рискнула осведомиться Вика.

— Обыкновенные. Я, разумеется, не против, чтобы мужчина делал первый шаг, я только за. Но право решать, надеюсь, все же принадлежит женщине. Господи, да я скорее согласилась бы переспать с твоим Сосновцевым, если б он действительно в меня влюбился и страдал от этого, но при одной мысли, что он требует моего согласия, хочу я того или нет, меня просто трясет. Если он сейчас ведет себя подобным образом, что же с ним стало бы потом?

— А что потом? Ничего особенного.

— Неужели? Ты не замечала, большинство мужчин уверены, что если женщина с ними спит, это автоматически дает им право полностью распоряжаться ее судьбой. Он, естественно, остается свободным, а она обязана приноравливаться. А я не в силах этого терпеть, понимаешь? Наверное, у меня обостренное чувство свободы. По большому счету, и мною умный человек может вертеть, как захочет, но от открытого принуждения я выхожу из себя.

— Заметно, — улыбнулась Виктория Павловна. — А ты не задумывалась над этим с практической точки зрения, а? В чем твоя свобода? В том, что твои пьесы не будут ставиться? Разве тебе не хотелось бы, чтобы их поставили?

— Хотелось бы.

— Вот видишь! Разве то, что их не будут ставить, — твой свободный выбор? Ничего подобного! Так не лучше ли поступиться свободой в малом — приврать там или что еще — ради того, чтобы получить ее в большом? В том, что действительно важно.

— А в этом вопросе нет большого и малого. Я не умею поломать себя на время, а потом снова собрать в исходном виде. Моя душа не настолько эластична. Это все-таки не детский конструктор, а, надеюсь, нечто более сложное.

— Сложное — это уж точно, — кивнула Вика. — Ты вечно придумываешь сложности там, где их нет. Свобода ей, видите ли, нужна! Хороша свобода, если каждый кретин может разрушить твою карьеру. Свобода как раз в том, чтобы обвести этого кретина вокруг пальца.

— Конечно, абсолютной свободы нет и быть не может, — возразила Марина, — но я предпочитаю хотя бы ее иллюзию. Я сама решаю, согласиться или отказать, хотя при этом, естественно, учитываю последствия. И пусть результат моего выбора не всегда меня устраивает, у меня все же остается ощущение, что это мой выбор.

Вика поняла — спорить бесполезно. Маринка в чем-то покладистая, однако в некоторых вещах ужасно упертая. Тем не менее, в одном вопросе хотелось-таки открыть ей глаза. Теперь стало ясно, почему подруга незамужем, и, честное слово, вдвойне обидно! И Вика сказала:

— Зато в отношении мужчин ты сильно ошибаешься. Я, конечно, не Сосновцева имею в виду, он действительно любит покомандовать, но не все же они такие! Вот мой Сашка... он за всю жизнь никогда... вот клянусь — никогда, ни разу!

— Я верю, — поспешила успокоить ее Марина и задумчиво добавила: — Тебе, конечно, крупно повезло. Тебе вообще в этом смысле везет.

— Ничего себе, везет! Остаться одной с сыном — хорошенькое везение.

— Нет, я имею в виду, что тебя любят на редкость порядочные мужчины, а меня — исключительно какие-то прохиндеи. Тут уж, видимо, ничего не поделаешь — каждый тип женщины нравится определенному типу мужчин. Кстати, хочу признаться, что в отношении твоего Талызина я была совершенно не права. Все свои домыслы беру обратно!

— Какие такие домыслы?

— Ну, что он якобы подозрительный тип и надо его опасаться. Это была моя ошибка.

— Ага, — съехидничала Вика, — то есть в убийстве Преображенского ты его больше не обвиняешь? Поздравляю — претендентом меньше. А разве они не спорили о чем-то после премьеры?

— Спорили, своими глазами видела, но, в конце концов, мы же не убиваем каждого, с кем спорим! Но я имела в виду другое. Он действительно хорошо к тебе относится. Настолько хорошо, что не сделает тебе ничего плохого. Я, видимо, была к нему предубеждена, поскольку чувствовала его антипатию, а сегодня присмотрелась и передумала. Его антипатия ко мне, наверное, вызвана в основном элементарной ревностью к нашим с тобой отношениям, так что ничего плохого в ней нет.

Вика удивилась:

— Ты думаешь, нет ничего плохого, что человек ни за что ни про что плохо к тебе относится?

— Ну, было бы неестественно, если бы все на свете относились ко мне хорошо. В данном случае я лично не в обиде.

— И с чего это ты вдруг прозрела? По-моему, Талызин ничего особенного не делал.

Марина засмеялась:

— Ты, конечно, не заметила, но он так на тебя смотрел, когда ты, словно птичка на защиту гнезда с птенцами, бросилась грудью прикрывать свою Дашеньку! Это была потрясающая сцена — хоть сразу в спектакль. Откровенно говоря, я наслаждалась.

— И чем это ты наслаждалась? — с подозрением осведомилась Вика. — Неужели ты действительно обрадовалась, когда решила, что Даша убила человека? Ты на себя наговариваешь.

Собеседница весело фыркнула:

— Я не знаю, был ли там кто-нибудь, кроме тебя, умудрившийся поверить, будто хрупкая девушка сумела схватить тяжеленный блок и его опрокинуть. Почти сразу стало очевидно, что она врет, и более-менее понятно, почему. По крайней мере, Талызин сориентировался очень быстро, ты уж мне поверь!

— Я тоже поняла, что она нарочно придумывает, чтобы отвести подозрение от Дениса, — похвасталась Вика.

— Да, но, когда ты стала ей подмаргивать, ты ведь еще считала ее убийцей, так? Я боялась, Талызин за твои подмаргивания пришлет тебе попытку ввести следствие в заблуждение или еще что-нибудь подобное, по крайней мере, разозлится, а он совсем наоборот.

— Что значит — наоборот?

— Ему очень понравилось. Я бы даже сказала, он впал от тебя в сентиментальное умиление. Вот уж, в жизни бы не подумала, что ему это свойственно! Это значит, ты проняла его крепко. Я, наверное, совершаю бестактность, но хочу сказать, что вы с ним прекрасно дополняете друг друга.

— Во-первых, — выпалила Вика, — я что-то не замечаю, чтобы он за мной ухаживал. Во-вторых, такого, как Сашка, мне больше не найти, даже слушать про это смешно! А в-третьих, я не собираюсь приводить сыну отчима, тем более, у него сейчас переходный возраст.

— А вот он бы как раз не возражал, — заметила Марина, оглянувшись на дверь.

— Не бойся, он спит, как сурок. Глупости говоришь! Все дети возражают против новых браков родителей.

— Ну, твой Лешка — это вовсе не все, твой Лешка — феномен. Я таких замечательных детей и не встречала никогда! Вот ведь, парадокс! Одни родители целыми днями занимаются воспитанием по научным методикам, а получают инфантильных эгоистов, а ты, казалось бы, вообще ребенка не воспитаешь, а вырастила такого шикарного парня. Заранее завидую его будущей жене. Вот уж, кому повезет, тому повезет!

— погоди! — прервала Вика, которую интересовала конкретика, а вовсе не абстрактные рассуждения. — Так ты почему решила, что Лешка был бы не против?

— А мы с ним обсуждали эту тему, — безмятежно поведала Марина. — Он считает, ты нуждаешься в сильном мужском плече, поэтому если б для тебя нашлся порядочный мужчина, было бы очень здорово. «Я, конечно, стараюсь, как могу, — добавил он, — но быть как папа не получается». Ну, разве не потрясающий ребенок? Я уж не говорю про то, какой он варит борщ.

— Я действительно совершенно им не занимаюсь, — со вздохом констатировала Вика. — Стыдно, да?

— В этом деле главное — результат, — утешила подруга. — Ладно, вернемся к нашим баранам. То есть к козлу.

— Сосновцеву?

— Вот именно. Короче, если он упрется по поводу моей пьесы, значит, не судьба. Было бы странно, если б ради пьесы ты пожертвовала студией, в которую вложила столько сил.

— Да, — горячо воскликнула Вика, — но не ставить же мне действительно «Ромео и Джульетту»! Позор один! Ну, какой из Дениса Ромео?

— Ну, этакий, несколько заторможенный, — съязвила Марина. — Это будет новая, оригинальная трактовка образа. А, кстати, я и не подозревала, что у Дениса столько амбиций. Казалось, он знает цену своим способностям, и вдруг уцепился за роль Ромео, как репей за собачий хвост!

— Да, я тоже удивилась. Денис вообще меня разочаровал. Другой на его месте после всего, что она для него сделала, на руках бы Дашеньку носил, а он еще и выкаблучивался! Видите ли, как она посмела его заподозрить! А почему бы и не заподозрить — ведь выдавать она его не собиралась!

— Да, но, если предположить, что он действительно виноват, она своим неловким вмешательством скорее ему навредила, а ему это, конечно, не понравилось.

— Виноват?

— Нет, я не уверяю, что это обязательно так, но и отметать это предположение причин никаких нет. В день убийства он поругался с Преображенским, это установленный факт.

— А кто не поругался?

— Ты права, никто. И тем не менее, ссора была. А Денис, как выяснилось, куда самолюбивее и обидчивее, чем мы предполагали. Обозлился да вызвал Преображенского в подсобку, предварительно попортив блок. Кстати, он сам его устанавливал, так что в механизме разобрался. А теперь нервничает и подставляет неповинных людей вроде Галины Николаевны, лишь бы запутать следствие. Даша не зря его заподозрила. Уж она-то знает своего жениха лучше, чем кто бы то ни было другой, и заметила в его поведении нелады. Да и мы обе заметили!

— Но он же посмотрел ей в глаза и поклялся, что не убивал, — напомнила Виктория Павловна.

— Ну и что? — подняла брови вредная Марина.

— Послушай, — спросила Вика, — неужели ты ему не поверила? Если честно.

— Если честно, то поверила. В тот момент он показался мне совершенно искренним. Но я ведь могу и ошибиться! Ну, успокойся, успокойся! Есть кое-кто и поподозрительнее твоего любимого Дениса.

— И кто? — с негодованием осведомилась Виктория Павловна. — Надеюсь, не Дашенька?

— Нет, Дашеньку я после этой истории подозревать не могу. Зато мне покоя не дает Кирилл.

— Кирилл? А он-то чем тебе не угодил? Сидел, слова не проронил.

— Да, сидел тихо, как мышь под метлой. Слишком тихо! Вот подумай сама. Мы поняли, что Евгений Борисович в день премьеры решил вывести из равновесия каждого из нас. Видимо, это требовалось ему для эмоционального настроения. Сперва он задушил Наташиного котенка, о чем она честно рассказала следствию. Потом пригрозил испортить тебе и мне творческую карьеру — и мы тоже без особого принуждения признались в этом Талызину. Еще он грозил уволить Тамару Петровну, что тоже общеизвестно. Дальше — про то, что люди пытались скрыть. Например, жене он пригрозил разводом, Дениса хотел убедить, что женится на Даше, а к самой Даше грязно приставал. Все это не слишком приятно, однако понятно. Эти люди не афишировали своих конфликтов, но, припертые к стенке, не отрицали, а сумели достаточно разумно объяснить, почему якобы не приняли конфликта близко к сердцу. Однако есть два человека, которые повели себя совершенно иначе. Первый из них — мой любимец Сосновцев. Наташа твердо убеждена, что в антракте он ссорился с ее дядей, и, полагаю, права. По крайней мере, факт спора он вынужден

был признать, но тут же придумал совершенно неправдоподобную сказку о том, что просто слишком уж горячо восхищался талантом новоиспеченного друга. Детский лепет, правда? Для Преображенского никакое восхищение не было слишком горячим, любую его меру он принял бы со спокойным достоинством.

— А ведь точно, неправдоподобно! Преображенский, он такой.

— И встает вопрос — почему одни признались в конфликте, а другие нет?

— Почему?

— Потому что причина конфликта могла быть такова, что в ней опасно признаваться. Она такова, что вполне могла толкнуть человека на убийство. Логично?

— Конечно! — обрадовалась Вика. — Ну, конечно, Сосновцев! Если кто и убил, так точно он.

Это было бы оптимальным вариантом. Директора посадят в тюрьму, и он перестанет ставить студии палки в колеса!

— Но, к сожалению, — продолжила Марина, — я никак не найду для него мотива.

— Да чего проще? Обиделся, что Преображенский его изображал. И Наташа это подтверждает!

— Обидеться-то он обиделся, но убить за это не в его характере. Вот смотри, как он поступил со мной: подумал хорошенько и нашел способ отомстить, не подвергая себя ни малейшему риску. Это, похоже, для него характерно — действовать осторожно и исподволь. Если он и мог бы убить, то не сгоряча и не в обиде, а защищая свои материальные интересы. Например, если бы Евгений Борисович узнал о его финансовых махинациях и пригрозил выдать милиции.

— Ну, вот, чем не мотив!

— Да, но этот мотив ничем не подтверждается, это просто мои фантазии. Хотя, конечно, правильно говорят — ищи, кому это выгодно. Похоже, Сосновцев получит теперь с Преображенского крупные дивиденды, посмертно набившись в друзья.

— Тем более! — бодро вставила Вика, не в силах расстаться с приятной мыслью засадить врага за решетку.

— Ох, — вздохнула Марина, — я б и сама была рада в это верить, но мне скорее верится, что Сосновцев просто принадлежит к породе людей, способных извлечь дивиденды даже из собственных похорон, чем в то, что ради столь незначительной цели он рискнул своей драгоценной особой. А вот Кирилл — тот посложнее...

— Ты опять за свое! Ну, что Кирилл?

— А то, что ты своими ушами слышала его спор с Преображенским, ведь так? Он выскочил из примерки, как ошпаренный, и побежал, заметь, к подсобке, где находился блок. А блок-то он сам туда принес на пару с Денисом! Но во всем этом бы не было ничего особенного, поскольку Евгений Борисович задел каждого, если б не одно обстоятельство. Кирилл единственный из нас, кто отрицает все начисто. Не только конфликт с Преображенским, но и вообще разговор. Сосновцев придумал пусть неправдоподобное, но хоть какое-то объяснение, а Кирилл вообще ушел от ответа. Что же он такое страшное скрывает? Тут даже моя фантазия не срабатывает.

— Да вовсе он не ушел от ответа, — возразила Вика. — Просто времени не хватило, потому что было уже поздно. Он все потом объяснит!

— Времени не хватило? — иронически повторила Марина. — Ну, конечно! Его спасла Наташа, а теперь он действительно успеет придумать подходящее объяснение, только грош этому объяснению будет цена.

— Наташа? А она-то тут при чем? Или ты снова будешь уверять, что у них роман, несмотря на то, как они себя сегодня вели? Они и не смотрели-то друг на друга!

Марина осеклась и с недоумением проговорила:

— Ну, надо же! А я думала, после сегодняшнего ты обязательно со мной согласишься.

— Соглашусь — в чем?

— В том, что у них... я, конечно, не знаю, каким словом это лучше назвать. Наташа влюблена в него без памяти, это точно. И, кстати, она его защитила куда лучше, чем Дашенька своего Дениса. Едва разговор касался Кирилла, Наташа тут же ловко уводила его в сторону, и Кирилл успевал продумать ответ.

Вика искренне попыталась вспомнить и констатировала:

— Да не было ничего подобного! Тебе почудилось.

— Было. Первый раз, когда обсуждали, что Кирилл заходил в подсобку. Кстати, если б не Галина Николаевна, окружающие бы об этом не узнали, сам он предпочел данный факт скрыть. Он якобы искал в подсобке дискету — довольно странное объяснение, в которое Талызин явно не поверил. И правильно сделал! Трудно предположить, что, поругавшись с Преображенским и пребывая в непривычной для себя ярости, Кирилл бросился не куда-нибудь, а на поиски малонужной ему дискеты, да еще в подсобку, где дискеты явно не могло быть. А если и была, попробуй ее там найди! Вот если б тебе, Вика, понадобилось отыскать в подсобке нечто маленькое, ты бы как поступила?

— Ну, обратилась к Тамаре Петровне.

— Вот именно! А Кирилл — тем более, он ориентируется за кулисами куда хуже тебя. Откровенно говоря, я бы не удивилась, если бы он бросился в подсобку просто для того, чтобы побыть одному и успокоиться, это куда более правдоподобно.

— Значит, так оно и было, — кивнула Вика.

— Да, но к чему тогда врать? Захотелось человеку уединения, он и уединился. Это, по-моему, неподсудно.

— Наверное, не хотел, чтобы его лишний раз связали с этой чертовой подсобкой. Ты забыла, ему ведь и так не повезло, именно он нашел там тело!

— Не забыла. Тоже странное объяснение — он, видите ли, направлялся в гримерку, а случайно попал в подсобку. Ладно, Талызин еще способен это проглотить, но никак не мы с тобой.

— Почему? — заинтересовалась Вика.

— Ты бы каким путем пошла в гримерку?

— Через сцену, конечно. Слушай, а точно! Мимо подсобки — это крюк.

— Вот именно! — удовлетворенно кивнула Марина. — Так что Кирилл целенаправленно шел в подсобку.

— И это доказывает его невиновность! — радостно выкрикнула Вика. — Если б он знал, что там лежит тело Преображенского, ни за что бы туда не пошел. Он же не дурак!

— Да, не пошел бы, если б не возникло подобной необходимости. Обрати внимание, первый человек, попавший на место преступления, имеет возможность уничтожить или подтасовать улики.

— Какие еще улики?

— А я почему знаю? Может, он вызвал Евгения Борисовича запиской и должен был эту записку забрать и уничтожить, а может, что еще. Вариантов можно придумать множество, один другого правдоподобнее. Вот что действительно интересно, так это чем же Евгений Борисович так Кирилла допек. До тебя не донеслось никаких слов их ссоры?

— Нет, к сожалению, я застала уже результат. И зачем я тебе про все это рассказала, дернул же черт! Там наверняка самое простое объяснение, а ты выдумываешь всякие гадости.

— Ну, и предложи мне хотя бы один вариант этого самого простого объяснения, — потребовала Марина. — Только учти, чтобы вывести Кирилла из равновесия, требуется нечто достаточно серьезное.

Вика с готовностью напрягла воображение, однако безуспешно.

— То-то! — с торжеством констатировала жестокая подруга. — Единственное, что мне приходит в голову, это что Преображенский догадался об его отношениях с Наташей, только я не думаю, что это должно было сильно Кирилла задеть. Наверняка ему не впервой заводить романы на стороне.

— Господи, ну, как тебе не стыдно! У человека несчастье — парализовало жену. Да, еще ведь две девочки! И он обо всех о них говорит с такой нежностью, я всегда слушаю и восхищаюсь. Другой бы парализованную жену сразу бросил, а он ухаживает за ней и по-прежнему ее любит.

— Удивительно, как при столь сложных обстоятельствах он находит время на студию, — невинно заметила Марина.

— С женой иногда сидит сестра жены, — объяснила Вика. — К тому же старшая дочка уже достаточно большая, чтобы при необходимости проследить за матерью. Если б он заводил романы на стороне, так не рассказывал бы всем, что женат!

— Вроде бы да, — неохотно кивнула подруга, — и все-таки... Вот есть нечто неуловимое в поведении мужчин, привыкших к любовным победам, и в Кирилле я четко это чувствую. В том, как он подает мне пальто, как смотрит.

— Ты что, имеешь в виду, он подбивает к тебе клинья?

— Нет, что ты. Похоже, это у него уже на уровне условного рефлекса. Он и с тобою ведет себя аналогично. Кстати, Кирилл хотя и не красавец, но очень привлекателен.

— Ну, привлекателен. Это что, недостаток?

— С точки зрения сохранения верности парализованной жене — несомненно.

— Они с Денисом работают вместе, — вспомнила Вика, — так что если бы Кирилл был из таких, Денис бы знал.

— А они работают вместе?

— Да. Наташа привела в студию свою подругу Дашу, Даша — своего жениха Дениса, а Денис — своего коллегу Кирилла.

— Тогда есть смысл осторожненько Дениса порасспрашивать. Хотя его может сдерживать мужская солидарность. Я даже и не представляю, как поаккуратнее подойти к этой теме.

— В каком смысле — поаккуратнее?

— Чтобы в глазах Дениса это выглядело легким трепом, а не наушничаньем. Впрочем, это не столь важно. Даже если Кирилл и не заводил романов на работе, в студии явно завел.

Вика скептически пожала плечами:

— И на основании чего ты делаешь такой вывод? Только потому, что Таша случайно перебила Талызина именно тогда, когда он задал Кириллу вопрос о подсобке?

— Не только. В самом конце, когда Талызин стал спрашивать Кирилла, спорил ли тот с Преображенским, Наташа опять-таки ловко увела разговор в сторону. Да, кстати! У тебя не сложилось впечатление, что котенка они с Кириллом подобрали вместе?

— Таша с Кириллом? Нет, конечно. При чем здесь Кирилл?

— А при том, что, описывая котенка, Наташа обратилась к нему за подтверждением. А он, между прочим, в ответ цыкнул на нее не в самой вежливой форме, а она покорно стерпела. У меня впечатление, что он всеми силами стремится скрыть их связь, а она думает только о нем, забывая о себе.

— Честное слово, фантазии на пустом месте! — недоуменно констатировала Вика. — Если б что-то такое было, я бы заметила!

Марина улыбнулась:

— Вот яркий пример того, почему считается, что нельзя верить свидетельским показаниям. Сколько будет свидетелей, столько различных вариантов происшедшего. Но, даже если считать, что в этом вопросе я ошибаюсь, Кирилл все равно остается самым подозрительным. Его поведение кажется лишенным всякой логики — а это значит, мы просто этой логики не видим, поскольку не знаем о нем чего-то очень важного.

— Можно подумать, мы все всегда логичны!

— Даже в нелогичности есть своя логика — логика соответствия характеру.

— А я думаю, самая подозрительная — Галина Николаевна, — вернула подругу к конкретике Вика. — Вспомни, как она стала себя вести! Прямо мегера какая-то! Видимо, она жутко ревнивая. На Дашеньку кидается. Кстати, она ведь не призналась, что ссорилась с мужем, пока ее не припер к стенке Денис. А когда ее приперли, выдумала, как и Сосновцев, нелепую отговорку.

— Нет, — возразила Марина, — ее отговорка мне не кажется нелепой. Она много лет прожила с Евгением Борисовичем и пережила с ним немало премьер. Не сомневаюсь, она прекрасно знает, к каком состоянию он тогда находится, как себя ведет. Она должна была привыкнуть, что в день премьеры он сам не свой и его слова не стоит принимать всерьез. Вот если б он продолжал настаивать на разводе и после спектакля, тогда другое дело, у нее был бы повод тревожиться, а так... Нет, ее объяснение вполне согласуется с логикой ее характера. Кстати, в день премьеры «Короля Лира» Преображенский тоже что-нибудь выкинул?

— Не помню. Но премьеры прошла удачно. А, помню! Именно тогда он начал атаковать бедную Дашеньку. Но все-таки ты зря все усложняешь. Галина Николаевна убила мужа из ревности — самое обычное дело. Или Сосновцев из-за махинаций. А больше никому!

— Счастливая ты, Вика, — не без зависти заметила Марина.

— Почему?

— Потому что ты совершенно искренне считаешь, что наиболее приемлемый для тебя вариант и обязан оказаться правдой. Тебе не хочется, чтобы виноват был кто-нибудь из членов студии, поэтому ты выбрала тех двоих, которые имеют к ней наименьшее отношение.

— Я их выбрала вовсе не поэтому! Просто они кажутся мне самыми подозрительными. Нет, они мне кажутся единственными подозрительными!

— Вот потому я и говорю, что ты счастливая. Я была бы очень рада, если б мои выводы зависели от моего желания. Только, к сожалению, некоторые вещи лезут в голову, хочешь ты того или нет.

Тут Вика глубоко вздохнула и тихо произнесла:

— Нет, Марина, ты не знаешь. Мне тоже иногда лезет в голову, хочу я того или нет. Я вот все думаю...

Марина глянула выжидающе, и Вика поспешно объяснила:

— Только ты не делай из этого каких-нибудь выводов, это вовсе ничего не значит! Может, мне почудилось. А если и нет, то ничего в этом нет такого. Человек может по-всякому реагировать на... Ну, короче... Только не смейся надо мной, ладно? Знаешь, сегодня меня очень удивила Тамара Петровна. Ух, выложила, и стало легче! Нет, удивила — это не то. Я почему-то все время на нее раздражалась. Может, это просто мои нервы?

— Нет, — после короткой паузы отреагировала собеседница, — это не просто твои нервы. Я опасалась касаться этой темы, но раз ты сама начала... Извини, если это прозвучит невежливо, но у тебя с Тамарой Петровной нет каких-нибудь... ну, не вполне законных секретов?

Виктория Павловна недоуменно потрясла головой:

— Не вполне законных секретов? Ты что имеешь в виду? А, наверное, то, как мы выплачиваем ей премии?

— Какие премии?

— Ну, у Сосновцева на наш кружок реально имеется две ставки — моя и еще одна, якобы для подсобного рабочего. Ее он берет себе, хотя по большому счету должна получать Тамара Петровна. Но иногда с этой ставки мне удается выцыганить у Сосновцева для нее премию. Все это незаконно, но наш директор такой жук, что, отними у него эту ставку, рассвирепеет и тут же нас прикроет.

— И большая ставка? — полюбопытствовала Марина.

— Да нет, конечно!

Марина брезгливо поморщилась:

— Больше всего на свете не люблю в мужчинах мелочности. У самого денег куры не клюют, а он отбирает у пенсионерки какие-то жалкие гроши. Отвратительно! — и, сменив тон, она добавила: — Но я имела в виду другое. Тамара Петровна обращалась с тобой сегодня, как будто вы вместе что-то такое затеяли. Это не так?

— Что затеяли?

— Нечто, что надо скрывать от окружающих, но что сама Тамара Петровна вполне одобряет. Вообще-то, она обычно держится с тобою довольно почтительно и, уж несомненно, уважительно. Она человек того поколения, у которого в крови соблюдение субординации. А вот сегодня она не только не чувствовала дистанции между вами, а скорее наоборот. Ну, вот, она как будто бы все время тебе подмигивала, понимаешь?

— Это уж ты на нее наговариваешь, — вступилась за любимую сотрудницу Вика. — Во все она мне не подмигивала.

— Я сказала — как будто подмигивала. Психологически, понимаешь? И мне интересно, имеются ли для этого основания.

— Основания? Не знаю. По-моему, как было раньше, так и сейчас. Ничего же не изменилось!

— Кое-что изменилось, — уточнила собеседница. — Убили Евгения Борисовича. Слушай, а ты в день премьеры ничего такого не видела, связанного с Тамарой Петровной? Вот, например, Талызин обратил внимание, что она надолго уходила с банкета, а она уверяет, что была в туалете. Ты ее не видела в районе подсобки?

— Да нет, по-моему. Ну, не помню я! Я ж не думала, что все это будет важно. Я пьяная была.

— Да, но Тамара Петровна может не догадываться, что ты не помнишь. Предположим, она ходила в подсобку и, выходя, наткнулась на тебя. Она полагала, что ты выдашь ее следствию, а ты не выдала. Она решает, что ты вполне одобряешь совершенное ею убийство и вы практически соучастники. Вот она и ведет себя с тобой, как с соучастницей, а не как с руководителем. Но ты-то ни о каком соучастии не догадываешься, поэтому ее поведение тебя раздражает. Логично?

— Ты, кажется, обещала не делать из моих слов никаких плохих выводов, — укоризненно ответила Вика.

— Ничего я такого не обещала! Как я могу не делать выводов, если они напрашиваются сами? Ладно, не хочешь, чтобы убила она, предлагаю другой вариант. Она, как и ты, видела, что Кирилл поругался с Преображенским и в гневе побежал в подсобку. Как и ты, она решила его не выдавать, потому что убийство Преображенского представляется ей не преступлением, а делом благим и правым. Вот эта ваша общая тайна и создает у нее ощущение сопричастности.

— Я вовсе не считаю убийство Преображенского делом благим и правым!

— Тогда почему скрываешь от Талызина то, что знаешь про Кирилла?

— А потому, что не хочу создавать неприятности ни в чем не повинному человеку. А, кстати! Ты ведь тоже скрываешь, разве нет?

— Но я же его не видела.

— Все равно, зато ты знаешь от меня.

— Ты права, — не без удивления кивнула Марина. — Я действую из тех же соображений — не хочу неприятностей ни в чем не повинному человеку. Только этот человек — ты, и я твердо знаю, что ты ни в чем не повинна.

— А я твердо знаю, что ни в чем не повинен Кирилл. И Тамара Петровна тоже!

И остальные. И вообще, это было не убийство, а несчастный случай!

— Следователь считает иначе.

— А надоел мне этот чертов следователь! Тоже, как ты, выдумывает всякую гадость. Ну, тебе еще позволено, ты автор, но он-то — серьезный человек, милиционер! Сил моих с вами больше нет!

И, раздраженная, Вика отправилась спать. Однако спалось ей плохо, поскольку терзали дурацкие мысли, внушенные вредной подругой. В словах о том, что поведение Кирилла довольно загадочно, имелся определенный смысл. Впрочем, скорее всего, тут было какое-нибудь самое невинное объяснение. Вот бы додуматься до него самой и выложить результат Маринке, то-то она бы поразилась, а может быть, даже восхитилась! Неожиданно Виктория Павловна сообразила, каким образом этого проще всего добиться. Окрыленная удачной идеей, она, наконец, спокойно заснула.

Назавтра вечером Вика направилась к Кириллу домой. Она никогда там не бывала, однако адрес знала. Ну, действительно, как естественнее всего поступить, если тебе надо выяснить что-то о человеке? Взять да у него спросить, правда? Впрочем, Вика догадывалась, что Марина по своей привычке усложнять элементарные вещи вряд ли одобрила бы такой подход. Значит, незачем ставить ее в известность заранее, надо сперва сделать, а потом уже рассказать.

— Кто там? — весело осведомился женский голос.

— Виктория Павловна. Я руковожу театральной студией, куда ходит Кирилл. Он дома?

Загромыхали замки и цепочки, и через некоторое время дверь отворилась. За ней стояла женщина лет сорока с небольшим — очевидно, сестра жены. Наметанным глазом Вика определила, что у нее не менее двух десятков лишних килограмм. И вообще, красотой она не отличалась, зато казалась спокойной и доброжелательной.

— Проходите, пожалуйста, Виктория Павловна! Очень рада вас видеть. Знаете, по рассказам Кирюши я вас именно такой и представляла.

— А, — произнесла Вика, не в силах понять, сделан ли ей комплемент или наоборот.

Квартира несколько изумила. Во-первых, три огромных комнаты в сталинском доме, плюс большой коридор, плюс холл. Во-вторых, все это явно после евроремонта. В-третьих, мебель — сплошное загляденье. Короче, кто б мог подумать, что Кирилл настолько богат?

— Меня зовут Ольга Михайловна, — представилась сестра жены. — Лучше просто Оля.

— А я тогда просто Вика.

— Хотите чаю? Или кофе? Кирюши пока нет, но мы вполне можем начать без него. Смотрите, какой у меня сегодня торт!

Оля, проведя гостью на кухню, откинула крышку с коробки и продемонстрировала нечто, обильно украшенное кремовыми розами.

— По мне, чем больше крем, тем лучше, — пояснила она. — Но, если вы не любите, вам выберу кусочек попостнее. Торт хороший, из «Метрополя».

— У вас сегодня какой-то праздник? — догадалась Вика.

— Нет, — засмеялась собеседница, — вовсе нет. Просто люблю я, грешница, сладкое, вот каждый день и покупаю. Для фигуры, конечно, вредно, но я решила на это плюнуть. Ну, не отказывать же себе во всем?

— Это да, — неуверенно кивнула Вика. — Так во сколько должен прийти Кирилл?

— Ну, вам лучше знать, когда обычно кончаются ваши занятия. Да, я сразу и не подумала! Как же они сейчас занимаются там без вас? Ведь вы же — душа студии, я знаю! Кирюша не хочет, чтобы я ходила к вам на спектакли, стесняется, но все мне рассказывает.

Виктория Павловна поперхнулась и закашлялась. Это дало ей время на раздумье. Вот так новость! Кирилл, значит, наврал, что сегодня репетиция. Маринка права, непростой он тип, но не выдавать же его за это? Мало ли, какие у него причины?

И она скороговоркой произнесла:

— А читка пьесы происходит без меня.

Впрочем, Оля не слишком-то заинтересовалась странным противоречием. Она упоенно заваривала чай, доставала из шикарного холодильника нарезки.

— А с ним поужинаем еще раз, — с энтузиазмом заявила она.

Вике очень хотелось посмотреть на жену Кирилла, а не только на ее сестру, однако прямо просить познакомиться показалось неприличным. Может, она в таком плохом состоянии, что не видится с посторонними?

Все было очень вкусно, Оля уплетала за обе щеки и радостно щебетала, повествуя о перипетиях недавнего приобретения новой немецкой кухни бирюзового цвета.

— А то у всех белые да серые, скучища!

Вика слушала и кивала. Наконец, раздался звонок в дверь.

— Вот и Кирюша! Он очень не любит открывать своим ключом, а любит, чтобы открывала я. Такой милый, как ребенок!

— Извини, Ольчик, что так поздно, — раздался знакомый голос из прихожей.

— У нас новая пьеса, вот мы и задержались.

— А у меня для тебя сюрприз! — засмеялась Оля. — Знаешь, кто к нам пришел? Вика!

— Какая Вика?

— Ну, твоя Виктория Павловна, из студии. Такая славная! Я рада, что с нею познакомилась. Вика, где вы?

Вика вышла в прихожую. Кирилл стоял, оцепенев, однако лицо выглядело безмятежным, лишь появившиеся струйки пота выдавали напряжение. Он вытащил из кармана носовой платок, вытер лоб, но без большого успеха, поскольку платок почему-то оказался завязан узлом. Узел этот вызвал у Вики смутные ассоциации, только уточнять их не было времени. Бедного Кирилла следовало срочно успокоить!

— Я сегодня не пошла в студию на читку пьесы, а зря, — быстро объявила она. — Вот и решила по пути заехать, кое-что у тебя узнать.

— Но сначала — ужин, — сказала Оля.

— Ну, меня-то вы уже накормили.

— Так разве это ужин? Бутерброды да торт — это перекусон, а ужин должен быть горячий. У меня все как раз согрелось. Кирюша, твои любимые фаршированные перцы!

— Спасибо, — вымученно улыбнулся Кирилл.

«А жена что, вообще не ест? — удивленно подумала Вика. — И дочки. Уже вечер, им пора быть дома».

— Вы не боитесь отпускать девочек так поздно? — вслух спросила она. — Времена сейчас опасные.

— Каких девочек? — уточнила Оля.

— Ну... дочек... то есть, племянниц, — Виктория Павловна осеклась, не понимая, как поделикатнее выразиться.

— Ну, детей-то у нас с Кирюшей нет, — махнула рукой Оля. — Сразу как-то не завели, а теперь и неохота. А племянницы Кирюшины гостят у нас редко. Так что сегодня мы с ним вдвоем. Вот хорошо, вы пришли! Люблю гостей. Но и вдвоем тоже хорошо.

Вика вздрогнула, как громом пораженная. Только тут до нее вдруг дошло, с кем она провела последний час. С парализованной женой, матерью двух дочерей! Ну и жук этот Кирилл! Значит, он все врал. Зачем? Кому есть дело да его семьи? Сам болтал направо и налево, никто его за язык не тянул! А в какое положение он поставил ее, Вику? Слава богу, обстоятельства сложились так, что она не выдала ничего жене, а если бы случайно выдала? Хоть бы предупредил, что ли!

Впрочем, она тут же вспомнила, что нагрянула в гости неожиданно. И все равно, должен был заранее подумать о подобной возможности. Маринка права, странный он человек, непонятный!

Едва ужин был съеден, Вика предложила:

— Кирилл, может, немножко прогуляемся? И ты расскажешь мне про читку.

— У меня нет времени, — холодно ответил он. — Завтра на работу.

Тут уж она разозлилась. Крутишься, как вор на ярмарке, чтобы его не подставить, а он тут дуру из тебя делает!

— Ладно, — ехидно согласилась она, — поговорим здесь.

— Впрочем, голова у меня несвежая, — пошел на попятный собеседник, — так что немного прогуляться не вредно. Я ненадолго, Ольчик.

— Да иди, — весело согласилась жена, — у меня как раз сериал начинается. Заходите почаще, Вика, я всегда рада.

На улице Кирилл молчал, словно ничего не случилось, поэтому проявить инициативу была вынуждена Вика.

— Ты не хочешь мне объяснить, в чем дело?

— А в чем? — невинно осведомился он.

— Ну, знаешь ли! — вскипела Виктория Павловна. — Пел тут нам всем про парализованную жену и любимых доченек, мы уши развесили, а на самом деле! Чего ты нас за нос-то водишь?

— Да не вас, — сказал Кирилл. — Просто так получилось.

— Как это — получилось?

— Ну, понимаете, когда я перешел на свою нынешнюю работу, там одна баба вцепилась в меня мертвой хваткой. Я уж не знал, как от нее отделаться, вот и пришло в голову придумать, что есть дочки и что парализована жена. Ну, чтобы эта баба ни на что не рассчитывала. А она разболтала всему отделу. Ну, не стану же я им все объяснять? Решил, бог с ним, пускай.

— А нам зачем врал? — несколько сбавила обороты Вика.

— Так в студии же Денис, а мы вместе работаем, — пояснил собеседник. — Что мне оставалось?

Действительно, что ему оставалось? Раз Денис считал, что у Кирилла двое детей, пришлось и с остальными придерживаться той же версии. Осмыслив данный факт, Вика чуть было ни попрощалась, но вовремя вспомнила о причине своего визита и остановила уже собравшегося поворачивать обратно Кирилла.

— погоди! У меня еще вопрос. Что там такое было между тобой и Преображенским в день премьеры?

— Виктория Павловна, — недовольно поморщился тот, — охота вам брать на себя заботы следователя? Вот он пускай и выдумывает всякую чушь, а вам зачем? Ничего у меня с Преображенским не было.

— Но я же сама видела, — удивилась Вика. — Ты выбежал из гримерки и рванул в подсобку. А до этого вы ругались.

— Ругались? Господь с вами, Виктория Павловна. Да, кажется, мы действительно немножко поболтали с Евгением Борисовичем в гримерке о том о сем.

— А по-моему, на повышенных тонах, — неуверенно возразила Вика.

— Возможно, немного и повздорили. Премьера на носу, все на взводе. Он сказал мне, что я бездарь, а я ему, что он склочник. Короче, оба немного разрядились, а потом я вспомнил, что мне

нужна дискета, и побежал в подсобку, чтобы успеть ее найти. Вот и все, а вы только зря забиваете себе этим голову. Ну, мне пора!

И он удалился, а несколько сбита с толку Вика поехала домой. Ей было неприятно, но почему, она четко осознать не могла. То ли причина в том, что она так беспардонно влезла в чужую личную жизнь и принялась выведывать чужие секреты, то ли в том, как вел себя при этом Кирилл. В общем, побродив немного в расстроенных чувствах по квартире, Виктория Павловна решила позвонить Марине. Та ведь первая стала подозревать Кирилла, вот пускай и объясняет, что к чему!

Марина выслушала с привычным вниманием, время от времени задавая наводящий вопрос. Когда повествование было закончено, мрачно поинтересовалась:

— А он не просил тебя, чтобы ты никому про это не рассказывала? То есть, про его семью. Особенно Наташе?

— Нет, не просил.

— Бедная девочка, — вздохнула Марина. — Видимо, он уже рад бы любым способом от нее избавиться. А на свидания продолжает бегать, вот мерзавец-то!

— С чего ты взяла, что у них свидания? — вступилась Вика.

— Ты что, забыла? Ты ведь сама сказала мне про его платок.

— Он был завязан в узел. Где-то я такое видела, это точно!

— Где, где! У Таши привычка, нервничая, завязывать все в узлы. Ну, вспомни премьеру! Тамара Петровна в последний момент спешно распутывала за занавесом скатерть, потому что Наташа сделала из скатерти какой-то дурацкий куль, а время поджимало.

— Да, точно. Так ты думаешь... все-таки они встречаются?

— Ну, конечно! А где он, по-твоему, пропадает вечерами? В библиотеку ходит — в глубокой тайне от жены изучает труды классиков?

— Не обязательно. Может, куда-то еще. С приятелями встречается — многие жены этого не одобряют. Или пиво пьет.

— Ну, конечно! — язвительно повторила Марина. — Судя по твоим рассказам, у его жены идеальный характер, от нее мало что потребовалось бы скрывать, она всем довольна. Однако, полагаю, что роман с другой женщиной не порадовал бы даже ее.

— Это да, — согласилась Вика. — Только что ему остается делать? Она его старше лет, может, на десять, и толстая очень. Ей, бедной, нелегко удержать мужчину. Конечно, Таша в сто раз привлекательней!

— Какая с его стороны предусмотрительность — тошно становится! Задурить девчонке голову — это запросто, это пожалуйста, но только для безопасности сразу расставить точки над и. «У меня парализованная жена и две девочки, я их никогда не брошу, поскольку до предела благороден». А она еще дурочка, на нее такие штуки действуют безотказно. «Ты должна любить меня бескорыстно, потому что при всей любви к тебе я никогда на тебе не женюсь». Тонна благородства! А, стоило ему попасть в переплет, так сразу стало не до любви, лишь бы шкуру свою уберечь. Вот и лавирует между двух огней!

— погоди! По-моему, ни в какой переплет он не попал. Или ты по-прежнему подозреваешь его в убийстве? Так, что ли?

— По-прежнему? — разгневалась Марина. — Да в сто раз больше! Мужчина, способный так беспардонно врать близким женщинам, способен на все. Ему убить — раз плюнуть, главное, чтобы все было шито-крыто. Его волнуют в жизни две вещи — его удовольствия и его безопасность. Чего б ему не пойти по тропам?

Вика, куда спокойнее относящаяся к различного рода лжи, примирительно заметила:

— Но у него же нет мотива. Он даже и не ругался, оказывается, с Евгением Борисовичем, а так, слегка повздорил. Я же тебе рассказала!

— И ты что, действительно поверила?

— Так ему же лучше знать! — удивилась Вика. — А я, когда они ссорились, особенно не вслушивалась, у меня было своих забот полно.

— А ты вспомни! — настойчиво потребовала подруга. — Вспомни точно! Ты поговорила со мной о премьерке, потом бежишь через кулису, из мужской гримерки доносятся голоса... Что ты тогда подумала?

— Что раз ругаются, значит, один из них, конечно, Преображенский. Да, ругались, это точно.

— Причем так, что через стенку слышно. Потом из гримерки появляется Кирилл. Как он выглядит?

— На себя непохож, весь исключенный. Да, вот ты напомнила, и у меня все это встало перед глазами, а когда с ним разговаривала, так вроде не очень-то и помнила. Но если ругались, то почему?

— Вот это я и хотела бы узнать. Предположим, Преображенский узнал о его романе с Наташей и пригрозил рассказать все жене. Это, конечно, повод для скандала, но никак не для убийства. Жена, насколько я понимаю, достаточно снисходительная особа — повозмущалась бы да успокоилась.

— Вот все и прояснилось. Да, Кирилл поскандалил с Евгением Борисовичем, но никого не убивал.

— А в подсобку зачем ходил? — холодно осведомилась Марина. — Нет, тут слишком много совпадений, я в это не верю! Кстати, ты не знаешь, у него зарплата хорошая?

Несколько ошарашенная подобным скачком мысли, Вика ответила:

— Хорошая, я думаю. Он деньги никогда не считает. А что?

— Если я правильно поняла, квартира у него только что отремонтирована по высшему разряду. Причем сталинская квартира! А я свою живопырку никак не могу привести в порядок — денег не скопить. Уж я-то знаю, какие нынче цены на ремонт! Это с его зарплаты или с других доходов?

— Каких других? Жена у него, я думаю, не работает.

— Я тоже так думаю. Можно остороженько выведать про зарплату у Дениса, он наверняка в курсе. Но, вообще-то, удобнее всего в этом деле разобраться милиции — у них свои каналы. Я предлагаю рассказать все Талызину.

— А я против, — твердо возразила Вика. — Ты просто взбеленилась из-за того, что Кирилл нас всех обманывал в отношении своей личной жизни, а ведь это, в конце концов, его личное дело, и мы не имеем никакого права в него лезть!

— Я взбеленилась, потому что его моральные принципы вполне соответствуют моральным принципам убийцы, а что там у него с личной жизнью, мне глубоко плевать. Кстати, интересный момент! Помнишь открытый люк накануне премьеры, куда чуть не провалился Евгений Борисович?

— Конечно.

— Так вот, помнишь, первым там должен был пройти Кирилл, но якобы случайно вышел с другой стороны? Очередная случайность, да уж! Вот что, Вика! Обижайся или нет, но, если ты Талызину не расскажешь, так это сделаю я. Я решилась.

— Вот так-таки и расскажешь? — не поверила Вика.

— Вот так-таки и расскажу. Конечно, естественнее было бы, если б это сделала ты, но, в конце концов, заставить я тебя не могу! Ты поступаешь, как считаешь нужным, и я собираюсь сделать то же самое. Мы обе в своем праве.

Виктория Павловна почувствовала, что подруга непреклонна. Есть в ней какое-то непонятное упрямство! Но, с другой стороны, раз она искренне убеждена, что Кирилл — убийца, ее поведение вполне естественно. Только она, с ее предвзятостью, наплетет следователю такого, что тот, наверное, сразу примется выписывать ордер на арест! Пожалуй, лучше будет, если Талызин услышит новости из более доброжелательного источника.

И Вика в последней надежде укоризненно произнесла:

— Если ты такая вредная... В жизни бы не подумала!

— Да, я такая вредная, — гордо согласилась Марина.

— Ну, тогда мне ничего не остается. Лучше уж расскажу я.

— Когда?

— Ну, не сейчас же! Уже давно ночь.

— Позвони Талызину завтра утром.

— О господи, куда такая спешка!

— Надо. Завтра утром, хорошо? А днем я тебе позвоню узнать, как дела. Ну, ни пуха, ни пера!

На следующее утро Вика неохотно набрала оставленный Талызиным номер телефона. К сожалению, абонент оказался на месте.

— Добрый день, Игорь Витальевич! Это Виктория Павловна. Мне надо кое о чем с вами поговорить. Но, наверное, не по телефону.

— Еду, — коротко ответил собеседник и положил трубку.

Удивительно — не поинтересовался, что к чему, не вызвал к себе, а сорвался и помчался. Загадочный народ эти милиционеры! Делать им, наверное, нечего!

Когда Игорь Витальевич уселся в кресло, Вика вдруг поняла, что объяснение будет куда менее трудным, чем она предполагала. Талызин выглядел таким обыденным, таким будничным, словно она была с ним знакома сто лет и могла спокойно поделиться, чем угодно, не опасаясь осуждения. Он слишком флегматичен, чтобы осуждать. Неинтересный человек, зато без заскоков. И она сперва несколько скованно, а потом все оживленнее поведала ему о ссоре Преображенского с Кириллом, о своих вчерашних открытиях и о Марининых догадках.

— Я ни во что это не верю, — заключила рассказ она. — То есть в роман с Наташей еще поверить могу, а в убийство, конечно, нет. И я бы, разумеется, не стала вообще выдавать Кирилла вам на растерзание, если б не Марина. Но она вбила себе в голову всякую ерунду и меня заставила, понимаете?

— Не вполне, — немного ошарашено ответил собеседник. — Значит, вы были свидетелем ссоры Левинсона с убитым, которую Левинсон утаил от следствия. И вы тоже собирались ее утаить, так получается?

— Ну, да, — охотно подтвердила Вика. — Раз он сам вам не сказал, было бы странным, если бы сказала я. Это ведь его дело, а не мое, а я в чужие дела без необходимости не лезу.

— М-да, — протянул Талызин. — Даже если отставить в сторону правовой аспект данного вопроса, вас не смущало, что вы, возможно, покрываете убийцу?

— Глупости какие! — засмеялась Вика. — Конечно, если б он был убийцей, я бы его покрывать ни за что не стала. За кого вы меня принимаете? Но он-то обычный человек, а вы бы привязались к нему ни за что ни про что и стали нервы ему трепать. Нет, — спохватилась она, — я вас не обвиняю, у вас работа такая, но я-то в милиции не работаю! Зачем же я стану причинять своему знакомому лишние неприятности?

— А вы не полагаете, что эта ссора, да еще так тщательно скрываемая, да еще произошедшая по неизвестной причине, с большой долей вероятности указывает на Левинсона как на возможного убийцу?

Виктория Павловна пожала плечами.

— Ну, если так рассуждать, то и вы возможный убийца.

— Я?

— Ну, конечно. Вы ссорились с Преображенским на банкете, Марина это слышала собственными ушами. А сами это скрываете, и причина ссоры неизвестна.

И Вика с торжеством посмотрела на застывшего в полной прострации следователя. Знай наших!

— Вот видите, Игорь Витальевич! Всякие там улики, они на самом деле мало, что значат. Хоть вы и ссорились, но, конечно, не убивали, с этим теперь даже Маринка согласна. Сперва она вас подозревала, а теперь перестала. Зато к Кириллу прицепилась, как банный лист. Если б я вам про него сейчас не рассказала, то рассказала бы она. Ну, я и решила, что лучше уж я, понимаете?

Талызин махнул рукой, хмыкнул, потом снова махнул и весело заявил:

— Вы своею откровенностью обезоружите любого, честное слово! Значит, сперва вы подозревали меня в убийстве, а теперь перестали? Спасибо!

Вике стало стыдно, и она поспешно встала:

— Я не подозревала, это Маринка. Но вы на нее не обижайтесь, пожалуйста! У нее характер такой. Нельзя же обижаться на человека за его характер.

— Я вовсе не собираюсь на нее обижаться, — посерьезнел Игорь Витальевич. — Тем более, поскольку это она, оказывается, заставила вас сказать мне правду. Давайте вернемся к Левинсону. Итак, он скрыл ссору с Преображенским, к тому же неправильно информировал меня о причине своих визитов в пресловутую подсобку. Я и сам заподозрил неладное, но решил пока на него не давить. А вот о его связи с племянницей покойного я, конечно, не догадывался.

— Но это еще не точно!

— Однако достаточно вероятно. Ваша подруга Лазарева, она женщина неглупая и не склонная к сплетням, на пустом месте такой вещи не придумала бы. Оригинальная вырисовывается картина! Значит, Левинсон уверяет, что его жена лежит в параличе, и, прикрываясь этой сказкой, дурит головы юным дурочкам и безопасно ходит налево. Интересно, догадывается ли об этом ее брат?

— Брат? — повторила Вика. — Почему брат? Чей брат?

— Неважно. Вот что, вы обе с Лазаревой очень мне помогли, и, я надеюсь, этим ограничитесь. Если возникнут какие-то мысли, я с удовольствием их выслушаю, но уж действовать предоставьте мне. Договорились?

— Ну, конечно. Я бы вообще не стала об этом думать, если б не Маринка. То ей, видите ли, не угодила Дашенька, теперь Кирилл.

— Дашенька? — улыбнулся следователь. — Ну, это обычная женская ревность. Умные женщины зрелых лет обычно на дух не переносят наивных, хорошеньких да молоденьких.

— И вовсе нет, — удивилась Вика. — Я, например, очень их люблю.

Талызин фыркнул от сдерживаемого смеха, и Виктория Павловна, нахмурившись, уточнила:

— Вас что, не тронула попытка Дашеньки взять вину на себя? В нашем с Мариной возрасте уже такого не сделаешь.

— Последнее вопрос спорный, но девочка меня, разумеется, тронула. К тому же она на редкость талантлива. У вас, Виктория Павловна, дар подбирать людей и не меньший — сглаживать отношения между ними. Уверен, что там, где работали вы, никогда не бывало серьезных конфликтов. И это несмотря на то, что творческие коллективы наиболее конфликтоопасны.

— Ох, — вздохнула Вика, — раньше действительно не было, зато теперь... И все потому, что Маринка такая упертая! Знаете, хуже любого мужчины... Нет, погодите-ка!

Неожиданно ей пришла в голову идея — настолько простая и гениальная, что заставила подскочить.

— Игорь Витальевич! — закричала Вика в неопишуемой радости. — Вы ведь хотите сделать доброе дело, правда? И вам это ничего не будет стоить, вам это будет легко. А мне ужасно важно! Вы сделаете, да?

— Ну, смотря что, — осторожно ответил Талызин.

— Да ничего трудного! Просто прижмите чуть-чуть этого жука Сосновцева и намекните ему, что вам нравится Маринина пьеса. Что вы хотите, чтобы ее поставили, понимаете? Вот и все!

— Но она же уже поставлена, если я не ошибаюсь?

— Это первая, а я хочу вторую. Вторая еще лучше, и труппе как раз подойдет. А Маринка, она вроде умная, а с людьми почему-то не умеет. То есть с обычными умеет, а с нужными никак. Она со всеми поссорилась — и с журналисткой, и с Сосновцевым. Поэтому Сосновцев не хочет, чтобы мы ставили ее пьесу, а требует «Ромео и Джульетту». А у нас нет Ромео, понимаете?

— Вполне. Ромео у вас в труппе действительно нет.

— Ну, вот. А Сосновцев грозит, если я не выгоню Марину, прикрыть студию и сделать вместо нее бильярд. Я все время об этом думаю, извелась вся. И только теперь до меня дошло!

— Что дошло? — уточнил недогадливый Талызин.

— Сейчас объясню. Сосновцев, он очень пронырливый тип и наверняка в чем-нибудь химичит — по работе, я имею в виду. Поэтому он будет стремиться не вступать с милицией в конфликты. Ну, чтобы не привлечь внимание к своим махинациям, так?

— Предположим. Он действительно очень старается произвести на меня благоприятное впечатление.

— Вот именно! И если вы ему скажете, что с нетерпением ждете постановки новой Марининой пьесы и будете отслеживать ситуацию, он побоится идти против вас и вынужден будет стерпеть. Для него ведь это не вопрос жизни и смерти, он просто из вредности хочет ей отомстить! Разве вам это трудно? Скажете пару слов, и вполне достаточно.

— Значит, — живо поинтересовался следователь, — на директора ваша лояльность не распространяется?

— В каком смысле? — не поняла Вика.

— Ну, вы так стремитесь скрыть от меня все неблагоприятное, что вам известно о ваших знакомых, а тут вдруг сами наводите на мысль о его финансовых махинациях.

Виктория Павловна на секунду задумалась, потом честно сообщила результат своих раздумий:

— Во-первых, с финансами мухлюют все, ничего в этом особенного нет. Во-вторых, вы ведь не из финансового отдела, так зачем вам в это вникать? Только лишняя головная боль. А в-третьих, нечего этому Сосновцеву быть таким вредным! Ну, не хочет она с ним трахаться ни за какие коврижки — так что, издеваться над ней за это? Вот вы, например, разве стали бы за это над человеком издеваться? Вот говорите, только честно, — разве стали бы?

И она удовлетворенно кивнула в ответ на неопределенное мычание:

— Именно, не стали бы! Любой нормальный человек плюнул бы да нашел другую, не одна она на свете, а этот прицепился и издевается. Так вы согласны?

Словесного выражения согласия дожидаться не удалось — открылась дверь, и на пороге появился Лешка.

— Боже, — ахнув, всполошилась огорченная Вика, — а я ведь собиралась к твоему приходу обед разогреть, честно! У тебя не мать, а сплошное недоразумение. Ты уж извини.

Ну, почему она такая никчемная? Сколько обедов недоготовила она в прошлой своей жизни — в той светлой жизни, когда рядом был Сашка, — и ни разу не слышала упрека, и не догадывалась даже, что тут есть, за что упрекнуть. И вот, казалось бы, после его смерти она осознала свою вину и решила исправиться, искренне решила — а все равно, выходит, не исправилась. Но нет, нет, если бы Сашка был сейчас здесь, она бросила бы все, она день и ночь стояла бы у плиты, она старалась бы, чтобы он был счастлив и огражден от дурацких домашних забот... только бы он был сейчас здесь...

Чей-то тяжелый вздох прервал грустные Викины мысли. Она, вздрогнув, пришла в себя и посмотрела на гостя и сына. Оба выглядели совершенно не расположенными вздыхать. Лешка весело произнес:

— Да сам разогрею, ты вроде занята. Здравствуйте, Игорь Витальевич.

— Игорь Витальевич, пообедаете с нами? — предложила Вика. — Как время быстро пролетело, я и не заметила! Я сейчас моментально разогрею.

— Хорошо. А мы с Лешей пока в шахматы сыграем.

Она отправилась на кухню, мимоходом удивившись, откуда Талызину известно про увлечение Лешки шахматами. Стоя у плиты, она с легким неудовольствием обнаружила, что опять вела себя со следователем не лучшим образом. Вместо того, чтобы гордо и с достоинством сообщить ему требуемую информацию, она разболталась, как последняя дурочка, чем наверняка произвела самое отталкивающее впечатление. Этот тип почему-то действует на нее расслабляюще, общаясь с ним, она совершенно забывает, что под людей требуется подстраиваться, иначе ничего от них не добьешься. Вроде бы данную науку она усвоила настолько твердо, что применяет ее автоматически, делая исключение лишь для близких, и вдруг так опростоволоситься! Например, разве она правильно преподнесла следователю мысль о разговоре с Сосновцевым? Взяла и выложила напрямик. А надо было осторожно намекнуть, постаравшись создать впечатление, что Талызин додумался до всего сам. Да, еще польстить, мол, вы такой замечательный, что к вашему мнению невозможно не прислушаться, поэтому директор сразу с вами согласится! Затмение какое-то нашло, честное слово! Впредь надо быть умнее.

Но обед уже поспел, сокрушаться дальше времени не было. Правда, первую пару минут за столом Вика попыталась выполнить благие намерения и вести себя разумно, однако почему-то быстро снова стала естественной, даже и не заметив, как же это получилось.

— Так во сколько у вас сегодня репетиция? — осведомился Талызин после кофе. — И Сосновцев ваш там будет? Так я, пожалуй, зайду. И попросите Лазареву, пусть тоже придет. До вечера!

К сожалению, Вике не удалось услышать беседу Сосновцева со следователем, хотя страшно хотелось. Как бы там ни было, они появились дружным тандемом, и Талызин с вежливым занудством испросил разрешения присутствовать при репетиции новой пьесы, поскольку весьма ею заинтересован, а директор добавил, что и сам заинтересован не меньше, тем более, что по здравом размышлении осознал, насколько невыполнимо пожелание бедного Евгения Борисовича относительно «Ромео и Джульетты». При этих словах он искоса бросил нервный взгляд на

Марину, и Вике довелось заметить странный феномен. Сперва подруга немного отпрянула, словно в отвращении, но затем на мгновение опустила глаза и подняла их на поклонника уже сияющими благодарностью, а лицо ее расцвело улыбкой. Эта улыбка заставила Сосновцева сделать несколько шагов вперед с видом слегка ополоумевшего индюка, но Марина хитрым маневром оказалась возле Игоря Витальевича, который тут же с нею заговорил. Вика решила, что эпизод стоит запомнить, поскольку он будет прекрасно смотреться на сцене — разумеется, если немного усилить акценты.

Короче, в этом смысле все складывалось как нельзя лучше. Правда, возникли неприятности совсем иного рода. Кирилл подкараулил Вику в коридоре и мрачно заявил:

— Значит, выдали меня своему кавалеру? Спасибо! Вот как вы меня, значит, цените?

— Но, Кирилл! — попыталась оправдаться она. — Мне ничего другого не оставалось. Я уверена, все разъяснится, и ничего страшного не произойдет. Игорь Витальевич просто собирает сведения, вот и все.

— Да, но почему именно обо мне?

— Обо всех.

— Вот как? Что-то незаметно. Ну, так знайте! Если вы рассчитываете, что я и дальше буду вести себя, как дурак, то зря. Подставлять шею под удар — ищите для этого других. Вы меня хотите опустить, так я сам кого хочешь опущу, понятно? Как вы со мной, так и я с вами, понятно?

Вике было не очень понятно, однако уточнять она сочла неуместным. Пусть сперва остынет, нельзя выяснять отношения сгоряча. Вон, даже перешел на блатной жаргон — это Кирилл-то, всегда такой сдержанный! Нет, следует пока держаться от него подальше. И она поспешно юркнула в зал.

В новой Марининой пьесе было две героини-подружки, и на сей раз главной ролью оказалась Дашенькина, а Наташина второй. Девочки принялись за читку текста по ролям, сперва довольно невыразительно, но потом все больше увлекаясь. Увлеклась и Вика. Когда эпизод был сыгран, Талызин тихо произнес:

— Вот общаешься с актерами, люди себе и люди, ничем не отличаются от нас, а стоит им выйти на сцену, как все меняется. Именно это очаровывает в театре.

— Да, — кивнула Марина, — я сама часто об этом думаю. — И она задумчиво продекламировала:

Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, покряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.

Лицо дневное Арлекина
Еще бледней, чем лик Пьеро,
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро.

Ташитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!

— Удивительно точно, — согласился Талызин, и голос его, дрогнув, зазвучал незнакомо. — И истина-то ходячая, и балаган полинялый, а больно и светло все равно становится.

А Вика вдруг увидела этот балаган, и пестрые лохмотья, и бледные лица, словно давно знакомая картина всплыла неожиданно в памяти, заставляя сердце замирать то ли от счастья, то ли от горя.

— Маринка, неужели это ты сочинила? — почти в ужасе спросила она.

Подруга легко засмеялась.

— Спасибо, Вичка! Если б я могла такое сочинить... Это Блок написал, Александр Александрович.

Вика повернулась к следователю и по глазам его поняла, что он-то узнал автора сразу, и ей стало настолько тошно, что на глазах выступили слезы. Вот эти двое стоят и понимают друг друга с полуслова, а она между ними, как последняя дура! Ладно, забыла стихотворение, она не слишком-то любила стихи, но ведь так легко было притвориться, что прекрасно помнишь, здесь же не школа, никто не проверит, а она добровольно взяла и выставила себя на позор перед чужим человеком! Лучше б ей никогда его не встречать, раз в его присутствии она отвратительно глупеет! А уж по контрасту с умной Мариной, наверное, кажется Талызину полной идиоткой. Слава богу, что он ей совершенно безразличен, а то страшно представить, сколько страданий он бы ей принес. Откуда только некоторые взяли, будто она ему нравится? Он ее, конечно, презирает.

Вика рискнула вновь обернуться к Игорю Витальевичу и обнаружила, что тот с трудом сдерживает улыбку. Издевается над ней, да еще с Маринкой на пару?

Впрочем, Марина, похоже, думала о другом. Она взглядом оценила расстояние до сидевшего у противоположной стены Сосновцева и быстро произнесла:

— Я еще не поблагодарила вас, Игорь Витальевич.

— За что?

— За это.

Она кивнула в сторону сцены, где девчонки изучали следующий кусок пьесы.

— А, это! Благодарите Викторю Павловну. Идея ее, я был простым исполнителем. У Виктории Павловны мышление истинного стратега.

Вика насупилась, почуяв издевку, и Талызин, вежливо кивнув, ретировался к Кириллу.

— Ты просто гений, Вика, — потрясенно констатировала Марина. — Мне бы подобный финт даже в голову не пришел.

— Издеваешься?

— Господи, Вика! Да ничего подобного! Ум ведь не в том, чтобы помнить кучу ненужных сведений, а в том, чтобы наименьшим количеством действий достигать наилучшего результата. Ручаюсь, Талызин, как практик, в неописуемом восторге.

— Что-то незаметно!

— А ты на него не смотришь, поэтому тебе и незаметно, — пояснила подруга. — А мне очень даже заметно.

Настроение у Вики моментально повисилось, и она рискнула спросить:

— Марина, а скажи мне честно... Вот все эти цитаты, ты их зачем заучивала? Тебе же это по специальности не нужно, это скорее мне. И много это у тебя заняло времени? Хотя бы примерно.

— Я не знаю, — растерялась Марина. — Я не заучивала, они как-то сами...

— Вот счастливая!

— Тоже мне, отыскала счастливицу. Я вот теперь решила не портить больше отношений с Сосновцевым. Как ни противно, но надо быть с ним милой, правда?

— Ну, конечно! Он с его самомнением быстро решит, что ваша ссора объяснялась твоим женским кокетством. Вот только надо остерегаться, чтобы снова не стал приставать.

— Конечно, я знаю верный способ навеки его отвадить, — огорченно заметила собеседница, — но применить опасюсь.

— Какой способ? — заинтересовалась Вика.

— А начать за ним бегать, демонстрируя всепоглощающую страсть.

— И — что?

— Его это быстро отпугнет. Только, боюсь, недостаточно быстро.

— Ты, конечно, умная, — хмыкнула Вика, — но иногда выдумываешь совершенно дурацкие вещи. Мужчинам очень даже нравится, когда им демонстрируют всепоглощающую страсть.

— Смотря каким мужчинам и смотря как демонстрировать. Если человек начинает чувствовать себя дичью, его естественная реакция — поскорее скрыться. Особенно если он обладает повышенной вредностью, как наш директор.

Вика собиралась возразить, однако не успела — тет-а-тет прервала Тамара Петровна. К сожалению, ее новая бесцеремонная манера поведения вовсе не исчезла — наоборот, скорее усугубилась.

— Виктория Павловна! Как удачно сегодня началась репетиция новой пьесы, правда? Девочки в ударе, особенно Дашенька. Я рада, что ей снова представится возможность блеснуть. Только,

по-моему, присутствие следователя их, бедненьких, смущает. Вы наверняка это тоже заметили, правда?

И Тамара Петровна, нелепо подмигнув, продолжила:

— Он, конечно, хороший человек и к вам прекрасно относится, но его присутствие на репетициях совершенно ни к чему. Из-за девочек, разумеется, а не по какой другой причине. Если вы стесняетесь ему об этом сказать, могу намекнуть я. Он человек интеллигентный и не захочет нам мешать. Но, знаете, даже интеллигентный человек, если он посторонний... тем более, такой посторонний, — она понизила голос, — он может... Зачем же нам рисковать? В смысле, рисковать успехом новой пьесы. Ее успех теперь, когда с нами больше нет Евгения Борисовича, — наш последний шанс. Так вы доверяете мне объяснить Игорю Витальевичу ситуацию? Не сомневайтесь, я сумею так, что он не обидится.

— Но я сама попросила его прийти! — несколько ошарашенная, сообщила Вика.

Собеседница осеклась, затем осторожно произнесла:

— Вы считаете, так будет лучше? Я в этом не уверена. Знаете, он человек с двойным дном. Хотя... разумеется, решать вам. По крайней мере, имейте в виду — я всегда готова вас поддержать...

Она как будто ждала ответа, и Вика ответила:

— Спасибо, — поскольку ничего другого не пришло в голову.

Однако Тамара Петровна продолжала настойчиво заглядывать в лицо, что было Вике довольно неприятно. Но искать предлога прервать странную сцену не пришлось. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Галина Николаевна.

Она была одета так, словно собралась на прием к английской королеве, дабы обсудить с нею вопросы благотворительности. Элегантнейший костюм, дивной красоты шляпка, туфли и сумочка из змеиной кожи да ожерелье из жемчугов, слишком крупных для того, чтобы быть натуральными, и тем не менее, похоже, натуральных. Осанка и гордая посадка головы неожиданно навели Вику на мысль о том, что вдова Преображенского в молодости наверняка занималась балетом. Хорошо, но что ее в подобном прикиде принесло сюда? Не к добру это, не к добру!

Галина Николаевна медленно, очень медленно обвела ледяным взглядом присутствующих, застывших в подобии транса. Вика, Тамара Петровна, Марина, Наташа с Дашей, Денис с Сосновцевым и Игорь Витальевич с Кириллом. Возможно, на последней паре ее глаза задержались чуть подольше, в конечном же итоге они устали — ну, на кого же, как не на несчастную Дашеньку!

— Здравствуйте, — пролепетала та.

— И тебе того же, детка, — лучезарно улыбнулась вдова и неторопливо добавила: — Но хочу предупредить — ты будешь здравствовать без денег моего покойного мужа. Даже и не надейся их получить. У меня есть права, и отступить от них я не собираюсь. Ты все поняла, детка?

— Нет, — призналась Дашенька, но поспешно исправилась: — То есть, да. То есть, не знаю. Каких денег? Я не брала у него никаких денег, честное слово! Он мне и не предлагал, а если бы даже... я бы не взяла, конечно. Денис, ты ведь веришь мне?

— Ну, конечно, родная, — Денис нежно обнял девушку за плечи. — Это у нее на нервной почве такие заскоки. И возраст к тому же... Ты не обращай внимания!

— Ах, она не понимает? — подняла брови Галина Николаевна. — И ты поверишь, Денис, что мой муж написал это завещание, не переспав с нею? Не будь наивным. Он никогда не был альтруистом в отношениях с женщинами. Впрочем, тебе, возможно, это безразлично или ты даже сам исполнял функцию сутенера? Почему бы не сдать девочку напрокат, если в перспективе маячат хорошие деньги? С нее ведь не убудет. Даже прибудет, да? Женя с его опытом наверняка научил ее кое-чему. Наверное, ее минет теперь стал совершенно бесподобен, признайся, Денис?

Слова производили тем большее впечатление, что произносились спокойным, почти безразличным тоном, каким мы вежливо расспрашиваем о здоровье постороннего человека.

Первым очнулся Денис.

— Ты, старая стерва! — выкрикнул он. — Если у тебя климакс, пей таблетки, а не бросайся на тех, кто тебя моложе! Нужен нам твой старый козел, как же! Да кому он нужен, кроме тебя!

— Ну, разумеется, — любезно подтвердила Галина Николаевна. — Вам был нужен не он, а его деньги.

И тут раздался скучающий голос Талызина:

— А что, имеется завещание?

Словно речь шла о покупке ста граммов вареной колбасы, а не о судьбах людей. Что за странный человек!

— Да, имеется, как оказалось. Слава богу, квартира, дача и прочая дребедень записаны на меня, и с этим он ничего не мог поделаться, зато все остальное, свое предприятие, свой капитал Женя оставил своей юной невинной подружке. Очень мило, не правда ли? Я жила с ним столько лет, терпела его выходки, ухаживала за ним, а когда наконец могла бы пожинать плоды и жить в свое удовольствие, ему седина в голову, бес в ребро, и все нажитое совместным трудом достается ей!

— Если есть доказательства, что капитал нажит вашим совместным трудом, вы получите свою долю, — доброжелательно информировал следователь.

Интересно, что Галина Николаевна, так спокойно отвечающая нервничающим Денису и Даше, потеряла равновесие от флегматичности нового собеседника.

— Доказательства? — зашипела она. — А какие могут быть доказательства? Я — его жена, я вела его дом, его хозяйство! Без этого он и гроша бы не заработал! Свою долю? Я не собираюсь довольствоваться крохами! Она не получит ничего, ни копейки! У меня связи, у меня прекрасный адвокат, а кто такая она? Она думает, достаточно смазливой мордашки без морщин, чтобы каждый был на ее стороне? Ошибается!

Дашенька все пыталась вставить фразу, и, наконец, ей это удалось.

— Не надо переживать, не надо, — тихо попросила она. — Я теперь поняла. Но я же не возьму ничего этого, мне этого не надо. Конечно, если Денис не... Денис, ты ведь разрешишь мне этого не брать, правда? Нам с тобою не надо?

Денис поднял голову и, с нескрываемым торжеством глянув в глаза Галине Николаевне, гордо подтвердил:

— Конечно. Куда нам его вонючие деньги? Свои заработаем. Берите себе, Галина Николаевна, вам в вашем возрасте требуется. На лекарства и все такое.

Вдова судорожно сглотнула и закашлялась. Тут, наконец, очнулась Наташа.

— Тетя Галя, ты что? — с ужасом выдавила она. — Как ты можешь на Дашу? Теперь ты видишь, что я права?

— А ты бы помолчала, — грубо прервала ее тетка, охотно перенося внимание на новый объект. — Права она, правильная наша! Сама связалась с уголовником, а других учит! Думаешь, твой дядя был слепой? Он все видел, все! Да мне плевать, с кем там ты спишь, но если он угробил твоего дядю, мало вам не покажется! Обоим! Я себя не пожалею!

— Тетя Галя, о чем вы? Какой уголовник? — растерянно лепетала Таша, как совсем недавно ее подруга. — Я не понимаю!

— Ладно, сам пусть не уголовник, — брезгливо сморщилась Галина Николаевна. — Кишка у него для этого тонка! Зато братец его жены... Скажите-ка, Кирилл, чем занимается братец вашей парализованной жены, он же по совместительству дядюшка ваших очаровательных дочурок? Охранным бизнесом, да? И у него столь блестящая репутация, что каждый добровольно несет ему часть своего дохода. Чего не сделаешь для хорошего человека, правда? Только удивительно, что такой трус, как вы, решается водить этого хорошего человека за нос. Женя уж на что любил риск, и то не решился бы. А вы что, Кирилл, всерьез поверили, что Женя откроет вашему родственнику глаза на ваши шашни? Я всегда говорила Жене — опаснее всего шутить с трусами и дураками. Кстати, что вы в день убийства делали в подсобке, Кирилл? Искали дискету? Или к сегодняшнему дню успели придумать версию поумнее?

— Кирилл, ей никто не верит! — голос Наташи прерывался и дрожал. — Все знают, какой ты хороший, а она просто сошла с ума.

И тут Кирилл неожиданно заорал:

— Молчала б, дура! Чтоб тебе сдохнуть!

Вика повернулась к Таше и увидела ее лицо, мгновенно изменившееся, страшное, и сердце вдруг словно остановилось, а потом Вика, похоже, потеряла рассудок, потому что очнулась от

того, что ее крепко, почти больно держат за руки, а Кирилл задрал голову, пытаюсь остановить текущую из носа кровь.

— Успокоились, Виктория Павловна? — Талызин слегка ослабил хватку. — Это ведь не метод.

— Это что, я его так? — уточнила Вика. — А я не жалею. Даже если посадите на пятнадцать суток за хулиганство.

— И посадят! — мстительно сообщил Кирилл.

— Ну, если вы будете настаивать... — лениво протянул следователь. — Правда, тогда всплывут сопутствующие обстоятельства.

— Да пошутил я! Зачем мне это надо? — пошел на попятный пострадавший.

— Игорь Витальевич! — Наташа подняла голову с плеча нежно что-то шепчущей ей в ухо тети и четко, ясно произнесла: — Вот все спрашивают, что Кирилл делал в подсобке, да? Он там со мной встречался, вот и все. Ничего особенного здесь нет. Вам Тамара Петровна подтвердит. Помните, Тамара Петровна?

— Да помню, — вздохнула та. — Застукала я их как-то невзначай, было дело.

Наташа встала и, поддерживаемая Галиной Николаевной, побрела к выходу. Следом потянулись Дашенька с Денисом, быстро прошмыгнул Сосновцев — все и забыли о его присутствии, так он был непривычно молчалив, — потом Тамара Петровна и Кирилл. Марина, восторженувшись, тоже собралась идти.

— Так я ж тебя обещала отвезти на машине, — напонила Вика.

— Не обязательно, — возразила подруга. — Доберусь.

— Нет-нет, — поспешно вставил следователь. — Я вас обеих вовсе не задерживаю.

А сам стоял и смотрел, и не двигался с места.

— Я, конечно, бить его не имела права, — не выдержала настойчивого взгляда Вика. — Но мне было не удержаться, честное слово! Мог бы как-то с ней помягче, сволочь! В конце концов, нормальный мужчина может бросить женщину, как порядочный человек, а не как...

— Ну, о порядочности речи нет, — задумчиво пробормотала Марина, — только вот убийство... Неужели он, Игорь Витальевич?

— Или, что куда менее вероятно, она, — не менее задумчиво ответил тот.

— Дашенька? — оживилась Марина.

Вика очень удивилась, поскольку сама сразу подумала о Тамаре Петровне. Странно та себя вела, очень странно! Намеки, подмигивания. Впрочем, хочется верить, что следователь их не заметил.

— А при чем тут Дашенька? — Талызин был явно ошарашен.

— Как при чем? Она получает наследство.

— Судя по всему, она не собирается его получать. Да и вообще, она о нем и не подозревала.

— Вы настолько ей верите?

Игорь Витальевич, улыбнувшись, пожал плечами.

— А какие у меня причины не верить? Марина Олеговна, если честно... За что вы так не любите бедную девочку?

— А за то, что с трудом верю в бедных наивных девочек двадцати с лишним лет, особенно в наше бурное время. А может, за то, что ей все вы верите на слово, а меня считаете нужным перепроверять. Так вы, значит, имели в виду Галину Николаевну? Я вас правильно поняла?

— Да. Она явно узнала о завещании только сегодня, и в то же время не могла не видеть, что дело идет именно к этому.

«Вот так-то! — с удовлетворением констатировала Вика. — Галина Николаевна, а вовсе не Тамара Петровна».

— Вы подразумеваете, что она боялась, как бы муж не написал завещание на Дашеньку, и поэтому его убила? Но вы забываете, что она любила его. К тому же ничто не мешало ему быстро разочароваться в Дашеньке и аннулировать завещание. Скорее всего, так оно бы и произошло.

— Весьма сомнительно.

— Наоборот, совершенно точно! Ручаюсь, его увлечение семимильными шагами шло к концу, — фыркнула Марина.

— Мое мнение прямо противоположное, — сердито возразил Талызин.

Вика поняла, что они вот-вот разругаются, и, как ни странно, почувствовала смутное удовлетворение. Вот они двое, оба такие умные и даже чем-то друг на друга похожие, так подходящие друг другу, но пяти минут не могут пробыть вместе, чтобы не поцапаться.

— Ругаться собрались? — весело осведомилась она.

— Да нет, — опомнилась Марина. — Это я так, демонстрирую дурной характер. Боюсь, особых сомнений нет — убил Кирилл. Как отвратительно звучит! «Убил Кирилл». Он живет на средства брата жены, да и вообще его боится, поскольку тот — криминальный авторитет. А жена немолодая и не слишком красивая, а Кирилл бабник. Раньше гулял на сторону с опытными женщинами, и все обходилось тихо, а теперь нарвался на непонятливую Наташу, которая влюбилась всерьез. А всерьез ему не надо, да тут еще Евгений Борисович обо всем догадался. Не знаю, каким образом догадался, но интуиция у Евгения Борисовича была развита фантастически. Короче, Кирилл принял за чистую монету его обещание рассказать все жене и, испугавшись, подстроил ловушку в подсобке. Недаром его там видели.

— Ну, еще бы не видели! — встала Вика. — Он ведь там встречался с Наташей, ты что, забыла?

— Вот пока встречался, и придумал этот финт с блоком. Не удалось с люком, вот он и решил с блоком. Кстати, с люком теперь все замечательно сходится. Кирилл не случайно вышел не из той кулисы. Он сам открыл люк и, разумеется, не собирался в него падать.

— Зачем? — тихо поинтересовался следователь.

— Что — зачем?

— Зачем открыл люк? Ведь ссора с Преображенским случилась лишь на следующий день, правильно? Нестыковка.

Марина кивнула:

— Вы правы. Или люк я приплела сюда зря? Его оставили открытым совершенно случайно? Господи, ну и трудная у милиции работа! Я бы с ума сошла. Откуда вы черпаете уверенность в своей правоте? Ведь может быть и так, и этак.

— Из улики, — пояснил Талызин. — Ни мотив преступления, ни возможность его совершить еще ничего не гарантируют. Улики — единственный объективный фактор.

— И какие могут быть в данном случае улики? Человек, лично видевший, как Кирилл портил блок? Отпечатки пальцев Кирилла на... даже и придумать не могу, на чем. В подсобке их, конечно, тьма, но ведь это естественно, раз они там с Наташей встречались. Что именно вы пытаетесь найти?

Игорь Витальевич не ответил, предпочтя хмуро попрощаться и удалиться. Вика с Мариной тоже разъехались по домам. А утром Вику разбудил телефонный звонок.

Она глянула на часы. Еще десяти нет, рань-то какая! Все знакомые в курсе, что до одиннадцати ее трогать нельзя. Кто же это такой вредный? А, Сосновцев! И чего этому типу надо? Строит новые каверзы? Бубнит что-то, со сна сразу и не разберешь. Про мертвое тело, про Талызина. Господи, почти неделя прошла со дня убийства, а директор все никак не успокоится! Так орет, словно тело Евгения Борисовича сей момент лежит у него перед глазами. И чего это вдруг ему потребовался Талызин? А потребовался — пускай сам с ним и связывается, при чем здесь Вика?

И она, зевая, спросила:

— А разве Игорь Витальевич не оставил вам номер своего телефона? Вот и позвоните ему, если нужно.

— Но я же объясняю! — нервно выкрикнул директор. — Меня он может не послушаться! Возьмет и пришлет кого-нибудь другого, совершенно постороннюю бригаду. А вам он не откажет и приедет сам. Это будет гораздо лучше! Чем меньше посторонних, тем лучше, Виктория Павловна, уж я-то знаю!

— Но зачем ему приезжать, да еще прямо сейчас? — удивилась Вика. — Что за спешка?

— Ну, — сбавил тон Сосновцев, — я точно не знаю... Я считал, что в подобной ситуации мы обязаны как можно скорее вызвать милицию. Я и так вот сперва звоню вам, а это, наверное, противозаконно. А вы думаете, что спешить не надо? Вам-то что, а мне потом могут предъявить претензии. Нет, дольше я тянуть не могу.

Смутная тревога прогнала сон, и Вика осторожно уточнила:

— Так что произошло?

- Я же вам сказал! Нашли тело.
  - Какое тело, кто нашел, когда, где?
  - Тело Левинсона. Нашла уборщица, в подполе. Нет, не в подполе, а в этом... короче, он провалился в люк. Когда провалился, не знаю, а она увидела утром, когда убирала.
- Вика молча положила трубку и стала накручивать телефонный диск.

Сцена пятая

Финал

Виктория Павловна не только вызвала Талызина, но и, разумеется, примчалась в Дом Культуры сама. Она успела буквально за пару минут до приезда опергруппы.

Директор нервно бегал у входа.

— Я всегда говорил, что ваш кружок надо закрыть, поскольку он является опасным, — вместо приветствия сообщил он. — Не будете же вы утверждать, что я не собирался делать вместо него бильярд? Но вы, вы настояли на своем, и что теперь? Новый несчастный случай. Но ответственность за технику безопасности несете вы, а вовсе не я, и я не собираюсь вас покрывать! Эти ваши люки, эти ваши блоки! Разрушу все к чертовой матери!

— Игорь Витальевич будет страшно огорчен, — с наивным видом заметила Вика, в душе жутко обозлившись. — Он так любит наш кружок и обещал следить за его судьбой!

— Это да, — тут же сбавил обороты Сосновцев, — это правда. Да вы меня не слушайте, я говорю в сердцах, сгоряча. Вот, идемте сюда. Видите?

Вика осторожно заглянула в открытый люк. Слава богу, внизу было темно, лишь смутно виднелись некие очертания. Люк был тот самый, куда в свое время чуть не свалился бедный Евгений Борисович. Кстати, можно утверждать, что туда же неделю назад чуть не свалился Кирилл — ведь именно он должен был первым оказаться в опасном месте, но по случайности вышел с другой стороны. Видимо, от судьбы не скроешься!

Додумать мысль Вика не успела — помешала суета, вызванная появлением милиции. Знакомые лица, те же, что и в прошлый раз, и снова возглавляет группу Талызин, только сейчас он на редкость мрачен.

— Я мыла пол, — не без гордости доложила старушка-уборщица, — гляжу — люк-то открыт. Ну, думаю, недоглядел кто-то, а так в наши времена нельзя. Я-то в тот день, как мужчина угробился, была выходная, но все про это знаю, а как же! Короче, хотела люк закрыть, гляжу — чего-то лежит, странное такое. Хотела у ней фонарик взять, — она кивнула в сторону Вики, — а фонарика-то нет.

— Вроде, я оставляла его на гвоздике, — неуверенно заметила Вика. — Но точно не помню.

Она не отличалась педантичностью и вечно бросала вещи, куда попало, а бедный Сашка с военной скрупулезностью перекладывал их на свои места. Вот и фонарик, иной раз крайне необходимый в работе студии, часто терялся, забредая в самые неожиданные углы.

— В общем, я спустилась чуток по лесенке, — продолжила бойкая старушка, — а там мертвяк. И кровищи-то, кровищи! Ну, я сразу ему позвонила, — она ткнула пальцем в Сосновцева, — он и приехал.

— А в милицию вы не позвонили? — уточнил Талызин.

— А чего это? — удивилась уборщица. — Он начальник, он и звонил. Мое дело маленькое.

— Я сразу позвонил, как только убедился, что это правда, — вставил Сосновцев. — И ничего там не трогал, только заглянул!

— А вы?

— И я не трогала. Что я, по-вашему, совсем из ума выжила? Я все понимаю.

— Попрошу вас обоих пока не уходить, — со вздохом произнес следователь. — Сейчас будет произведен осмотр места происшествия, а потом у вас возьмут показания.

На Вику он не обращал ни малейшего внимания, и она решила отплатить той же монетой. Если хочет делать вид, что ее здесь нет, она плакать не станет! Все равно без нее не разберутся!

Поэтому она, отступив к стенке, некоторое время молча и холодно смотрела, как наивные милиционеры пытаются включить в подполе свет, однако вскоре, не выдержав, объяснила:

— Бесполезно! В пятидесятые, когда это строилось, все, наверное, работало, а сейчас давно сгнило.

— Что сгнило? — заинтересовался один из гостей (кстати, не Талызин).

— Да проводка! Поэтому и нужен фонарик, только он куда-то делся. Но энергичный милиционер, не растерявшись, притащил удлинитель и мощную лампочку, ее опустили в люк, и работа закипела. Мерцали фотовспышки, слышались загадочные возгласы. Вика стояла и думала, что ей почему-то не верится в смерть Кирилла. Вроде и знает, что его мертвое тело лежит в подполе — Сосновцев вряд ли мог ошибиться, — а не верит. В то же время заглянуть и проверить совершенно не тянуло. Пока не увидишь суровую действительность собственными глазами, можно тешить себя иллюзиями.

Впрочем, долго тешиться не пришлось. Тело вынесли на свет божий, и Вика опрометью бросилась в туалет. Поскольку она не завтракала, рвало ее мучительно, желчью. По окончании процедуры неумолимое зеркало отразило позеленевшее, постаревшее лицо. Тут же возникла неуместная мысль, что показаться с подобным лицом мужчине — лучший способ навсегда вызвать у него отвращение. Стало стыдно — человек умер, а она волнуется по пустякам! Поэтому она твердыми шагами вернулась в коридор — и, как назло, Талызин ее наконец заметил! Раньше не замечал, а именно теперь подскочил и уставился. Все-таки что за неправильный человек!

— Вам бы сперва чего-нибудь поесть, — предложил он, и от сочувствия в невыразительном обычно голосе у Вики защемило сердце. — Буфет, вроде бы, уже открыт? Давайте пройдем туда.

— Поесть? — удивилась она. — Да что вы! Меня и так тошнит.

— Потому и тошнит. Я знаю, у меня большой опыт.

Игорь Витальевич твердой рукой повел ее в буфет, где заказал кофе и несколько пирожных.

— Сладкое успокаивает нервную систему, — сообщил он. — Ешьте!

Вика поела, и физическое недомогание действительно отступило, в голове прояснилось, однако лучше от этого не стало.

— Игорь Витальевич, — тихо пожаловалась она. — Я так плохо с ним себя вчера и позавчера вела, а теперь он умер. Но я ж не знала, понимаете? Если б я знала, я б ни за что про него вам не рассказала, честное слово! И еще Маринка... Представляю, как ей тоже будет стыдно. Вот подлые мы с нею, да?

— Это вопрос спорный, — неопределенно ответил Талызин. — Я вообще хотел бы подробнее побеседовать с вами сегодня вечером, причем лучше с обеими сразу. Это можно устроить?

— Ну, конечно. Я позову ее вечером к себе. Да она и так примчится, как только я ей все расскажу!

— Вот и славно. А пока всего пара вопросов. Этот люк, его часто открывают?

— Да практически никогда. Наверное, раньше, лет пятьдесят назад, здесь давались спектакли со всякими спецэффектами, и для этого использовался люк. Призраки там какие-нибудь возникали из-под земли или ведьмы в «Макбете». Там по подполу можно пройти прямо на сцену, понимаете?

— Я видел. Но кругом паутина и грязь. Вы когда-нибудь ходили по этому подполу?

— Ну, пару раз ходила, в самом начале. Думала, авось как-нибудь всю эту механику использую. А потом поняла, что в таком виде пользоваться опасно, а на ремонт денег нет. Да и не нужны мне были никакие призраки! В этом подполе даже уборщица не убирает, потому что никто туда не ходит.

Следователь уточнил:

— Но ведь это тот самый люк, куда чуть не упал Евгений Борисович? Значит, его иногда открывают?

— Да сама удивляюсь, кому это понадобилось, — пожала плечами Вика. — Его не так-то просто открыть, там рычаг заедает. И закрыть не так просто тоже. Но, с другой стороны, почему бы кому-нибудь не открыть, просто так, из интереса? Это ведь не возбраняется.

— Но в тот день никто не признался, что открывал?

— Никто. Но никто особо и не спрашивал. Перед премьерой было полно других забот.

— Еще вопрос, — вздохнул Талызин и вытащил из сумки пластиковый пакет. — Вам знакома эта вещь?

— Ну, конечно. Это мой фонарик. По крайней мере, мой точно такой же. А вы где его нашли?

Собеседник промолчал, и Вика сообразила:

— В подполе, да? Интересно, что же Кирилл там искал? А без фонарика там кромешная тьма, это точно. Вы думаете, он оступился и упал? Там внизу металлическая плита, а высота большая.

— Я видел, — мрачно повторил следователь. — Поезжайте-ка пока домой, а часам к семи я к вам приеду. Возможно, к тому времени хоть что-то прояснится. В любом случае, что случилось, то случилось.

И он снова вздохнул.

Дома Вика первым делом позвонила Марине, которая, слава богу, оказалась на месте.

— Не изображай из себя страуса, — нервно посоветовала та, выслушав подробный отчет о происшедшем. — Это второе убийство, а никакой не несчастный случай. Сейчас я убегая на работу, а вечером обязательно приду. Жди!

Маринины слова окончательно испортили Вике настроение, злобная совесть накинута с новой силой. Вот они все подозревали бедного Кирилла в убийстве, а на самом деле убили-то как раз его! Мало того, что он явно ни в чем не виноват, так еще Вика умудрилась испортить ему последние дни жизни своим вмешательством. В конце концов, какое было ее собачье дело, есть ли у Кирилла дочери или нет? Так нет, приперлась к человеку, вывела из равновесия...

Чувства распирали, им требовался выход, и Вика решила сделать генеральную уборку. Она не часто приводила квартиру в порядок, но в данном случае вложила в это занятие всю свою энергию, и результат был разителен. Например, она сдвинула с места холодильник и обнаружила за ним кучу грязи, а также давно исчезнувший любимый ножик — жаль, что не недавно потерявшийся блокнот с телефонами и адресами. Она вымыла батареи, отдраила кастрюли. Время летело незаметно, и раздавшийся телефонный звонок прозвучал громом среди ясного неба. Наверное, это Талызин передумал приезжать?

Звонила Тамара Петровна. Голос ее прерывался и дрожал, срываясь на высоких нотах.

— Виктория Павловна! Со мною сегодня разговаривал следователь. По поводу смерти Кирилла.

— Да, — вздохнула Вика, — это ужасно. Только не понимаю, чего ради он стал вас тревожить. Вы ведь ничего не можете знать!

— Я так ему и ответила, — с нажимом констатировала собеседница. — Я ничего не знаю и знать не могу. По-моему, он поверил. Но я звоню предупредить, Виктория Павловна. Я уйду из студии.

— В каком смысле? — не поняла Вика.

— В самом прямом. Я поняла, что ни возраст, ни здоровье не позволяют мне и дальше продолжать заниматься театром. Придется искать себе менее обременительное хобби. Логичное объяснение, не так ли?

— Но... но как же вы без студии? Да вы зачехнете, честное слово! И мы без вас зачехнем. На вас ведь держится все, вы у нас — ангел-хранитель, Тamarочка Петровна! Как же вы можете нас покинуть?

— Теперь — могу, — холодно ответила та. — Раньше колебалась, а теперь... Вы не волнуйтесь, никто не удивится. У меня давление, сердце. Короче, причин масса. Это все, что я хотела сказать.

И она положила трубку, оставив растерянную Вику недоуменно слушать гудки. Господи, что за бред! Чтобы Тамара Петровна добровольно ушла из студии, пусть у нее хоть какое давление — невероятно! Разве что... разве что причина совсем в другом. Она ведь действительно будто на что-то намекала. Неужели она убила двоих и считает, что Вика знает об этом и покрывает ее? Тогда становится понятным панибратское поведение последней недели, да все становится понятным! Понятным, но невероятным. Голова идет кругом!

Не успев опомниться, Вика уже побежала открывать дверь. Талызин и Марина почему-то стояли вместе, хотя ехать должны были из разных мест.

— Случайно встретились у подъезда, — словно прочтя мысли подруги, объяснила Марина.

Вика повернулась к ее спутнику. Тот озираясь, и лицо его имело странное, непривычное выражение. Недоумение и смущение, смешанные с... с чем-то, что он явно пытался подавить, а оно прорывалось наружу. Точнее Вика определить не сумела бы, но выражение решила запомнить.

— Виктория Павловна, — с трудом выдавил следователь, — но зачем же вы... Я ведь вовсе не хотел... Я просто сказал Леше к слову, что предпочитаю в квартире порядок, но это не значит... Я ведь только гость, и ради меня... мне просто неловко...

— А, — радостно сообразила Вика, — вы что, решили, я сделала генеральную уборку ради вас? Ну, что вы! Это на нервной почве, на меня на нервной почве всегда нападает жажда деятельности.

И тут Игорь Витальевич стал краснеть. Он медленно, но верно заливался краской, а обе женщины, в помине не ожидавшие от него подобной способности, стояли и оторопело смотрели. Первой опомнилась Марина.

— А я сперва ничего и не заметила, — неуверенно произнесла она. — А теперь вижу, действительно редкостная чистота.

Талызин вздрогнул, потом засмеялся, потом махнул рукой, посерьезнел и сел.

— Расскажите-ка мне, пожалуйста, — попросил он, — что вы обе делали вчера с того момента, как мы расстались.

— Вика отвезла меня домой, — охотно сообщила Марина. — Я была дома в пять минут двенадцатого, это точно помню. Мама еще сказала, что я удивительно пунктуальна, опоздала ровно на пять минут. Потом я легла спать, но, кроме мамы, свидетелей этому, естественно, нет. А полпервого дня мне позвонила Вика и рассказала о... о том, что случилось.

Вика пожалала плечами:

— А я отвезла Марину и сразу поехала домой. Мне кажется, полдвенадцатого, а то и раньше, уже была дома. Наверное, более точно скажет Лешка, он лучше помнит такие вещи, но он на кружке, придет часа через полтора. А с утра позвонил Сосновцев, а я позвонила вам. А что?

Следователь тяжело вздохнул.

— Игорь Витальевич! — обратилась к нему Марина. — Вы что, нас подозреваете? Есть какие-то особые основания подозревать именно нас? Вчера вечером люк был закрыт, это я точно знаю. Я проходила вчера через этот коридор и, если что, обязательно бы заметила. Если не верите мне, расспросите остальных, наверняка кто-нибудь еще обратил на это внимание. А потом у нас обеих не было и пяти минут, чтобы его открыть.

Талызин молчал, и Марина продолжила:

— Или вы думаете, что мы сговорились между собой? Так надо было допросить нас сразу и порознь, а не откладывать до вечера. Разумеется, Вика мне сегодня позвонила и все рассказала, а вы как думали? И теоретически мы имели целый день, чтобы сговориться, хотя никакой необходимости для нас в этом не было.

— Ну, разумеется, вы лично на месте следователя действовали бы куда умнее, — раздраженно прокомментировал Талызин.

Марина уже явно готовилась не без ехидства парировать, когда вмешалась потрясенная Вика.

— Так вы что, специально готовили нам ловушку? — горячо воскликнула она. — Вот сидели со мной сегодня в буфете, такой добрый, и раньше тоже, а на самом деле обманывали, так? Мне, конечно, на это глубоко плевать, но я должна знать, и вы отвечайте сейчас же!

Она гневно требовала отчета, в помине не задаваясь мыслью, имеет ли на это право. Ей чувствовалось, что имеет.

— Ох, девчонки, — грустно улыбнулся Игорь Витальевич, и это неожиданное обращение заставило обеих тоже улыбнуться. — Да вас-то я не подозреваю, я еще не настолько потерял квалификацию, только никогда в жизни я еще не валял подобного дурака. Одно убийство на моих глазах — еще терпимо, но второе — это уже совсем тошно. Вроде для маразма возраст пока не тот, но результат налицо. Я проворонил эту смерть. Эта смерть целиком и полностью на моей совести. Мне казалось, торопиться некуда, и можно вести расследование осторожно. Более того — мне казалось, я знаю преступника. И вот теперь этого человека убили. Убили при моем попустительстве. Вот так-то.

— Но ведь это не обязательно убийство, — сочувственно перебила Вика.

— Обязательно, — твердо возразил следователь и достал какую-то бумажку.

Вика с Мариной, вытянув шеи, прочли напечатанный на машинке короткий текст: «Третий раз ошибки не будет».

— Это... это вы нашли там, да? — уточнила Марина. — В подполе?

— Сразу было ясно, что преступник что-то искал, — объяснил Талызин. — Во-первых, брошенный фонарик, а во-вторых, карманы убитого были вывернуты наизнанку, включая внутренние.

— А где же тогда...

— За отворотом рукава. На Левинсоне был джемпер с загнутыми рукавами, туда преступник не догадался заглянуть. Или не успел. Возможно, его что-то спугнуло.

— Или он уронил фонарик, — продолжила Марина. — Без фонарика, насколько я понимаю, там кромешная тьма. Так значит, убийца был на месте преступления? Это же хорошо, Игорь Витальевич! Это наверняка сужает круг подозреваемых. Не то, что в прошлый раз, когда все произошло заочно! Итак, когда мы ушли, Кирилл и еще кто-то вернулись и... Погодите, Игорь Витальевич! Там написано... «в третий раз ошибки не будет»? Вы хотите сказать, что раньше была ошибка? То есть... Погодите-ка! Перед премьерой открыли люк, чтобы туда упал Кирилл, а он пошел другой дорогой. Ошибка номер один. Потом испортили блок — конечно, снова для Кирилла, потому что он часто ходил в подсобку встречаться с Наташей. Но по ошибке туда пошел Евгений Борисович. И вот теперь — третья попытка, удачная. Выходит, на Евгения Борисовича никто не покушался, а убить сразу хотели Кирилла?

— Выходит.

— Но тогда... тогда все, о чем мы думали, что подозревали, все горит ярким пламенем? Надо начинать с начала?

— Не вижу другого выхода. Если я был слеп, винить в этом некого.

— Но... но кому и зачем убивать Кирилла? Евгения Борисовича — это ясно, но Кирилла?

— Вот именно, — мрачно согласился Талызин. — Ситуация радикально переменялась. Раньше подозреваемых было слишком много — почитай, все. Теперь их слишком мало — практически никого. Именно поэтому я решил быть с вами откровенным. Больше тянуть я не собираюсь, я обязан узнать правду как можно скорее, а без вашей помощи мне не справиться. Вы давно варитесь в этом котле, вы знаете взаимоотношения в коллективе, вам скажут то, чего не скажут мне. Кому и зачем убивать Кирилла — это действительно основной вопрос, и меня поражает, что я не вижу даже приблизительного ответа. Нет даже версии. Тут, Марина, вся надежда на вас.

— Да, этот случай тяжелее, — кивнула Марина. — Понимаете, ведь Евгений Борисович был экстрасертом, с ним все ясно, а Кирилл — типичный интроверт.

— И что с того? — заинтересовалась Вика.

— Интроверт все держит в себе, и правду о нем узнать труднее. Вот, предположим, убили бы тебя. Я сразу назвала бы людей, которые настолько хорошо к тебе относятся, что не сделали бы этого ни при каких обстоятельствах. Я сразу назвала бы людей, с которыми у тебя имеется хотя бы небольшой конфликт, и знала бы, какой. А теперь предположим, убили меня. На вид у меня со всеми одинаково ровные взаимоотношения, а что на самом деле...

— У тебя плохие отношения с Сосновцевым, и ты не любишь Дашеньку, — подумав, сообщила Вика.

— Об этом знаешь только ты, и то оттого, что так сложились обстоятельства, а иначе могла бы не знать. Впрочем, это неважно, это я для примера. Короче, я могу совершенно не подозревать о том, что именно связывало Кирилла с тем или иным человеком. Вот, например, ситуация с Наташей. Так уж вышло, что я присмотрелась и догадалась об их отношениях, но могла бы и не догадаться. Все было совершенно шито-крыто. Или его вранье про жену и дочек. Да мне и в голову подобное не приходило! Возможно, есть еще куча не менее важных вещей, про которые я тоже не знаю, и именно там таится мотив.

— Погодите-ка! — сообразила Вика. — Так ведь есть мотив! Этот самый, брат жены... ну, он же преступник, так? Узнал, что Кирилл ей изменяет, и убил. Очень просто.

Идея была блестящей и легко оправдывала всех членов студии.

— Да уж, — засмеялась Марина. — Я, конечно, знакома с преступниками только понаслышке, но у них, по-моему, другие методы. Они нанимают киллеров, а не открывают люки в студийных коридорах. И вообще, разве ты видела в студии кого-то постороннего? Нет уж, дорогая, это кто-то из своих. Кстати, Игорь Витальевич, сейчас осталось так мало печатных машинок, все делается на компьютере. Наверное, машинку, на которой напечатано письмо, довольно легко найти?

— Она стоит в предбаннике перед кабинетом Сосновцева, на боковом столике. Говорят, ею давно никто не пользуется.

— Сосновцев... — повторила Марина. — Если он, то нечто, связанное с бизнесом. Кирилл умный и беспринципный... был. Он вполне мог что-нибудь обнаружить и начать Сосновцева

шантажировать. Тот не захотел платить и открыл люк, но туда никто не упал. Тогда он попортил блок, и погиб Евгений Борисович. Вы не думаете, что в этой ситуации Кирилл должен был испугаться и что-то срочно предпринять? Умирать ведь никому не хочется.

— Он мог не связать происшествие с собой. Так вышло, что у Евгения Борисовича было достаточно врагов, и все про них знали. Если в заблуждение были введены мы, то почему бы и не Левинсон?

— Погодите! — вмешалась Вика. — Кирилл ведь сказал мне вчера что-то такое.

— Какое?

— Что он не будет больше никого покрывать и расскажет правду. Примерно так. И еще что-то на блатном жаргоне. Вы меня не *опустите*, я сам всех *опущу*, как вы со мной, так и я с вами. Точнее мне не вспомнить, к сожалению, но смысл такой.

— И почему вы сразу не передали это мне? — осведомился Талызин.

— Ну... я не знала, что это важно. Он обиделся на меня и поругался со мной, все естественно. Я хотела подождать, пока он успокоится, а потом уже все с ним обсудить.

— Значит, он наконец-то заподозрил правду! — вскинулась Марина. — Заподозрил и назначил Сосновцеву встречу, чтобы до конца выяснить этот вопрос. А тот взял и открыл люк, и бедный Кирилл наконец провалился.

— Логично, — кивнула Вика.

Марина отрицательно покачала головой.

— А по мне, тут что-то не вяжется. Кирилл что, совсем дурак? Дважды попадаться в одну и ту же ловушку — это на него не похоже. Он бы действовал осторожнее и назначил встречу в безопасном месте.

— Так он же не верил до конца, что это именно его пытались убить! Заподозрил, но не верил.

— А записка? После записки трудно не поверить.

— Вот именно, — подтвердил Талызин. — Есть еще записка.

— Игорь Витальевич! — обратилась Марина. — Вот чем больше я думаю, тем больше этот момент меня смущает. Зачем преступнику писать записку, объясните? Кто предупрежден, тот вооружен. Ни один нормальный человек не станет вооружать свою жертву, разве не так?

— Ну, не совсем так. Дело в том, что некоторым убийцам недостаточно самого факта смерти врага. Для них очень важно, чтобы жертва испытала определенные мучения. Не обязательно физические, можно моральные. Или, например, чтобы жертва знала, кто ее убил и за что, без этого их удовлетворение неполно. Такова особенность их психологии. Поверьте, так бывает.

— Разумеется, верю, но ведь подобные вещи наверняка относятся к убийствам не из выгоды, а по страсти, да? Было бы смешно, если б человек, желающий уничтожить другого просто как механическое препятствие на пути к собственному благосостоянию, сообщал о своих планах предполагаемой жертве? Вы ведь не зря сказали — «смерть врага». Вот если перед тобою враг, тогда другое дело. Над врагом хочется поторжествовать, а потом уже его уничтожить. Так что с Сосновцевым и шантажем мы из-за записки благополучно пролетаем. Остальное объяснить еще возможно... В принципе, я могу себе представить, почему Кирилл, даже заподозрив, что покушались именно на него и что делал это именно Сосновцев, не предпринял никаких мер. Во-первых, опасался огласки. Не очень-то приятно открыть окружающим, что ты — шантажист. Во-вторых, не хотел терять потенциальные деньги, все надеялся, что Сосновцев заплатит.

— Так у Кирилла у самого денег полно! — напомнила Вика.

— Не у него, а у его жены, а это разные вещи. Вряд ли она щедро финансировала содержание мужниных любовниц. Но, впрочем, все это безразлично. Записка отмечает Сосновцева начисто. Он — существо рациональное.

— Не будешь же ты уверять, — съязвила Вика, — что он не способен на страсть? Чья бы корова мычала... И не только на страсть, но и на месть.

Раз убийца не мафиозный свояк Кирилла, так, значит, это коррумпированный директор, что совершенно ясно всем, кроме Маринки с ее заумными фантазиями!

— Ты намекаешь на его поведение со мной? Да, он попытался мне отомстить, но ровно до тех пор, пока это было для него безопасно. Как только вмешался Игорь Витальевич, прочем вмешался легко и ненавязчиво, Сосновцев тут же пошел на попятный. Нет, он не из тех, кто ради морального удовлетворения станет увеличивать риск.

— А кто его знает, вашего Сосновцева! Мало ли у него могло быть причин написать записку?

— Счастливая ты, Вика, — вздохнула Марина. — А у меня эта дурацкая записка сидит комом в горле и совершенно всему противоречит. Ну, получил Кирилл эту записку и... Он что, камикадзе? Судя по тому, что он сказал тебе, он все сообразил и больше покрывать убийцу не собирался. Почему же ничего нам не рассказал? И, самое главное, почему отправился по темному опасному коридору?

— У меня есть версия на этот счет, — сообщил Талызин. — Дело в том, что большинство мужчин наивно считает женщин слабым полом.

Марина ахнула от восторга.

— Игорь Витальевич, вы гений! Женщина, точно! И все встает на свои места.

— Не понимаю, — призналась Вика.

Марина оживленно пояснила:

— Смотри! Во-первых, записка. Я не противница собственного пола, но мы, женщины, гораздо менее предусмотрительны и чаще поддаемся эмоциям, даже в ущерб себе. Во-вторых, поведение Кирилла. Хотя он питает к нам слабость, тем не менее не считает ни одну женщину полноценным существом. Он уверен, что любую из нас обведет вокруг пальца, понимаешь? И даже убийство Евгения Борисовича не способно поколебать его оценки. Преображенского убили, а вот он, Кирилл, настолько умнее любой бабы, что ему ничего с их стороны не грозит. Мужчину он принял бы в расчет, а над женщиной только посмеялся бы.

Она осеклась и добавила:

— Я говорю о нем, как о живом. Нехорошо, да?

— Наоборот, — возразил следователь. — Я правильно вас понял, Марина, по поводу его слабости? Это ведь относится не только к Наташе? Левинсон был ходок?

— Стопроцентно. Не пропускал ни одной юбки.

— Ну, чего ты выдумываешь, Марина! — не выдержала Вика. — Это не так, Игорь Витальевич. Мне, например, он ни намека.

— Я, наверное, неправильно выразилась, — пошла на попятный подруга. — Нет, он не зажимал женщин в темных углах, упаси боже. Но он каждую проверял на... скажем, на готовность к ответу. Все в рамках приличия, разумеется. И тебя проверял, но ты благополучно не заметила, и он быстренько ретировался. И от меня ретировался. Это тебе не Сосновцев, которому попала вожжа под хвост, Кирилл предпочитал легкие победы. Легкие победы и легкие отношения. С Наташей, конечно, сглупил, но тут ему было не удержаться...

— Наташа, — повторил Талызин, и Вика быстро обернулась к нему.

— И никакая не Наташа, не Наташа! Вы что, забыли? Первое покушение произошло неделю назад, когда у Наташи еще не было никаких причин. Причины-то появились только вчера!

— Ну, это еще бабка надвое сказала. Левинсон мог обманывать не только жену, но и любовницу. Жена привыкла и смирилась, а вот Наташа... Она милая девочка, но довольно импульсивна. И довольно умна, так что вполне могла спланировать преступление, при этом сыграв роль по-прежнему слепо влюбленной. Она ведь оказалась блестящей актрисой, после последней премьеры это трудно отрицать.

— Не очень трудно, — колко вставила Марина. — Она там играла сама себя. И вообще, почему обязательно Наташа? Если вы предположили, что у Кирилла была в студии еще одна любовница, так именно она и могла убить! Ей-то он тоже не хранил верности.

— Вообще-то, я имел в виду любовницу вне студии, о которой Наташа могла узнать. А вы, значит, утверждаете, что в студии...

— Нет, я не утверждаю, — перебила Марина. — Я предполагаю.

— И кого вы предполагаете? — улыбнулся Талызин. — Учитывая, что обе самые привлекательные дамы студии вне подозрений и находятся здесь, выбор остается невелик.

— Спасибо за комплимент, но самая привлекательная у нас, несомненно, Дашенька.

— Твоя идея-фикс, — прокомментировала Вика.

— А что, не она? Трудно поверить, что такой специалист, как Кирилл, ее равнодушно пропустил.

— Маринка, так у Даши же Денис! Она, считай, замужем.

— Полагаешь, Кирилла это бы отпугнуло? Скорее, наоборот — меньше ответственности. Другой вопрос, оба постарались бы, чтобы все было шито-крыто. Представляю, как разозлилась бы Дашенька, если б любовник вдруг предпочел ей ее собственную подругу!

Следователь поднял глаза и серьезно осведомился:

— Марина, вы что-то видели? У вас есть хоть какие-то основания?

Та, вздохнув, призналась:

— Оснований нет, просто не хочу, чтобы вы заикливались на Наташе. Как представляю, что она сегодня пережила... Вы ведь ее видели?

— Да. Кстати, она держалась мужественно. Я боялся истерики, но все обошлось.

— При вас, может, и обошлось... А что касается Дашеньки, просто это наиболее логичный вариант. А если вам не верится, что кроткая блондинка способна на убийство, предлагаю вместо нее Дениса. Он узнал об измене невесты и прикончил соперника, в приступе ревности написав эту пресловутую записку, дабы Кирилл помучился перед смертью.

— Мы же решили, что убила женщина, — хмыкнула Вика.

— Мало ли, что мы решили, мы же не всеведущи. А кто его любовница, если не Дашенька? Тамару Петровну, несмотря ни на что, я отмечаю, у нее возраст не тот. Вряд ли Кирилл перешел на старушек.

— Несмотря на что? — уточнил въедливый следователь.

— На... — Вика задумалась, как бы половчее соврать, — на то, что...

И тут Марина неожиданно вскипела.

— Ну, знаешь ли! Тебе мало двух смертей, ты дожидаешься третьей? Я лично больше не собираюсь ничего скрывать, я скажу все, что знаю, и тебе советую. Хватит, из-за нашей с тобой идиотской скрытности уже погиб человек! Если б мы сразу были с Игорем Витальевичем до конца откровенны, может, он давно бы уже обо всем догадался, и второго убийства не случилось бы!

— Да наоборот! — изумилась Вика. — Если б мы с тобой помолчали, Игорь Витальевич не заподозрил бы Кирилла, и все бы, глядишь, обошлось!

— Дорогие мои, — мягко произнес Талызин. — Уверяю вас, я привык думать собственными мозгами и ответственность принимать целиком на себя. А вот факты мне необходимы, и если они у вас есть... Марина?

— Тамара Петровна вела себя после убийства очень странно. Она непривычно фамильярничала с Викторией и делала какие-то загадочные намеки. Точнее вам расскажет Вика.

— Так ты уже все сказала, мне добавить нечего. Кстати, — вспомнила Вика, обрадовавшись поводу сменить тему, — а я видела, как Кирилл целовал руки Галине Николаевне.

— Seriously? — заинтересовалась Марина. — Давно?

— Недели две назад. Нет, ничего такого! Некоторые мужчины делают это просто из вежливости. Хотя, откровенно говоря, терпеть не могу эту привычку.

— Так у него действительно была подобная привычка? Например, вам он руки целовал? — полюбопытствовал следователь. — Хоть одной из вас?

— Мне, по-моему, нет, а тебе, Маринка?

— Ну, он сделал деликатную попытку, я якобы случайно отстранилась, и вопрос был закрыт. Кирилл в этом плане очень культурный человек, и если... Слушай, ты меня поразила. Я была уверена, Галина Николаевна до сих пор влюблена в мужа. Неужели она поощряла Кирилла? Она что, ходила к нам в студию ради него? Помнишь, Вика, мы еще с тобой удивлялись, чего ради она приходит, если к отношениям мужа с Дашенькой проявляет полнейшее равнодушие?

— Господи, да Кирилл просто поцеловал ей руки, а вы сразу... Ну, зачем ему пожилая тетька, если у него роман с молоденькой племянницей?

— Во-первых, роман с племянницей мог возникнуть уже после романа с тетуськой, а во-вторых, Галина Николаевна дама ухоженная и достаточно привлекательная, тем более для такого бабника, как Кирилл. О господи! Но чтобы она по случайности убила собственного мужа из-за родной племянницы... это уже какая-то древнегреческая трагедия. Неудивительно, что такая история вывела ее из равновесия.

— По-моему, ты говорила что-то про плюсы и минусы заочного убийства, — вдруг вспомнила Вика. — Мы еще шли с поминок, помнишь? Ты говорила, что Галина Николаевна пыталась убить

Дашеньку, а по ошибке убила мужа. Но я считала, это ты просто треплешься... в смысле, фантазируешь.

— А еще, — перебила Марина, — Галина Николаевна последние дни стала делать Кириллу гадости! Именно она выдала, что он ходил в подсобку, она же вчера спровоцировала скандал по поводу Наташи, при этом зная такие подробности, которые ей знать вроде бы неоткуда.

— Галина Николаевна — дама весьма умная и вполне способна замыслить преступление без улик, — заметил Талызин, — а от ошибок в подобной ситуации не гарантирован никто. Однако поцелуй руки — довольно слабое основание для подозрений.

— А почему мы предполагаем, что оба преступления совершены одним и тем же человеком? — неожиданно выдала Марина. — Это ведь не обязательно так.

— У нас театральная студия, а не сборище убийц, — холодно парировала Вика. — И вообще, об этом прямо сказано в записке.

— Тем не менее, вариантов на самом деле масса. Например, Евгений Борисович погиб случайно, а убийца написал записку для того, чтобы нас запутать!

— Вы полагаете, убийце захотелось взять на себя лишнее преступление? — съязвил следователь. — Чтобы не портить милиции отчетность?

— Пусть не так, пусть Евгения Борисовича убил один человек, а Кирилла другой, и этот другой решил свалить свое преступление на первого, вот и написал записку.

— Он же изо всех сил пытался ее найти! — напомнила Вика. — Специально ради этого взял фонарик, вывернул все карманы.

— А может, это инсценировка!

— Опыт подсказывает, что обычно реализуется наиболее простой из возможных вариантов, — объяснил Игорь Витальевич. — И без того эти преступления представляются мне излишне замысловатыми. Впрочем, наверное, надо делать поправку на актерскую среду, в ней другой градус эмоциональности, да и подход к жизни, наверное, несколько другой.

— Почему? — удивилась Вика.

Талызин с нехарактерной для себя горячностью пояснил:

— Привычка к изображению сильных страстей, к игре. Слово «игра» удивительно многопланово. Помните названия старинных мистерий? «Игра о Робэне и Марион», игра о том-то и том-то. А у вас Шекспир — настоящая «Игра о жизни и смерти». Возможно, грань между сценой и реальностью для актера слегка размыта. — Тон изменился, и следователь флегматично закончил: — И все же идея двух убийц кажется мне фантастической.

Марина, вздрогнув, заявила:

— Вика, а ведь он водит нас за нос! Он прекрасно знает, что кое-кто заведомо невиновен, а мы тут с тобой сидим и гадаем на кофейной гуще!

— Откуда ему знать? — вступилась Вика. — Не наговаривай на человека зря.

— Как откуда? Второе преступление ведь не было заочным! И, кстати, понятно, по какой причине. Во-первых, убийца побоялся снова ошибиться, а во-вторых, искал записку. Игорь Витальевич, вы же со всеми поговорили! Кто где был прошлым вечером?

Тот пожал плечами, но, встретив Викин требовательный взгляд, покладисто доложил:

— Галина Николаевна повела Наташу домой, а автомобиль свой оставила у Дома культуры, поскольку Наташа живет оттуда в двух шагах. Та сказала, что хочет побыть одна, и поднялась к себе, а Галина Николаевна вернулась, села в машину и поехала домой, где легла спать. Даша с Денисом вышли вместе, но Даша отказалась идти домой, поскольку опасалась за состояние подруги. Они подошли к ее дому и минут сорок сидели под окном на лавочке, но света в окне не было, и Даша стеснялась заходить. Потом свет зажегся, и она пошла к Наташе, но та через дверь прошептала, что не хочет никого видеть, и Денис с Дашей поехали к нему ночевать. Что касается Тамары Петровны, она пошла домой пешком, знакомых по пути не встретила и звонить никому не звонила. Время ее возвращения мог бы засвидетельствовать разве что ее карликовый пудель, но, увы, разговорить последнего мне не удалось.

— То есть у Даши с Денисом алиби шаткое, — резюмировала Марина, — а у остальных вообще никакого.

— И, к сожалению, это вовсе ничего не значит, — добавил следователь. — Предположим, алиби понадобилось бы мне, и что? Его тоже некому было бы подтвердить. Дочь замужем, живет отдельно, а мой Барсик тоже в свидетели не годится. Барсик — сиамский кот.

«А жена?» — подумала Вика, однако спросить не решилась. Зато решилась Марина.

— Жена умерла восемь лет назад, — вздохнул Талызин, — так что живу бобылем. Короче, отсутствие алиби ничего не значит, равно как и его наличие. Даша и Денис наверняка охотно приврали бы друг ради друга.

— А мама — ради меня, — добавила Марина. — Только я Кирилл все равно не убивала. А что говорит Наташа? Почему у нее свет не горел?

— Говорит, была дома, а подробностей не помнит, поскольку находилась в прострации. И времени тоже не помнит.

— То есть реально вполне могла быстренько вернуться в студию, спихнуть Кирилл и прибежать домой.

— И Галина Николаевна тоже могла! — заявила Вика. — На нее это больше похоже. Не верю я, чтобы Наташа разбиралась во всяких блоках.

Марина подняла голову:

— Да, про это я забыла. Интересно, испугался бы Кирилл Дениса или нет? Возможно, мы все-таки зря набросились на женщин? Ум за разум заходит! Да еще этот нерешенный вопрос с Тамарой Петровной. Что с ней творится что-то неладное, совершенно точно, а причин я не вижу.

Вика с огромным трудом удержалась, чтобы не поделиться сведениями об уходе своей незаменимой помощницы из студии. Обойдутся! Этой парочке скажи, так они навесят на человека все грехи. Хотя Марина права, с Тамарой Петровной творится неладное...

Последняя мысль осталась наиболее сильным впечатлением от беседы, ее страшно хотелось обсудить, но было не с кем. Слава богу, гости скоро удалились, и риск выдать секрет исчез, зато начали терзать сомнения. А вдруг странное заявление Тамары Петровны и впрямь связано с убийством? Разумеется, в любом случае Вика вовсе не хотела, чтобы бедную женщину арестовали. В конце концов, погибших этим не вернешь, а она сделала для студии столько хорошего! Однако проблема в том, что могут арестовать невиновного. Если уж Талызину непременно надо кого-то посадить, так лучше пусть посадит преступника, правда? А ему точно надо, он настроен решительно. Как же ей, бедной Вике, в подобной ситуации разумнее всего поступить?

Тут она бодро тряхнула головой и, опровергая народную мудрость, утверждающую, будто на ошибках учатся, отправилась к Тамаре Петровне домой.

Следователь не соврал — у той действительно жил карликовый пудель, очаровательный и до предела жизнерадостный, чего нельзя было сказать о его хозяйке. Выглядела она ужасно и была мрачна. Удивительно, что смерть несчастного Евгения Борисовича вызвала у нее скорее оживление, даже почти радостное, а вот гибель Кирилл задела всерьез. Казалось, они не особенно благоволили друг другу.

— Вам же нельзя волноваться, у вас давление, — с порога попеняла Вика.

— Не у всех у нас крепкие нервы, — отрезала собеседница и смолкла. Она явно не собиралась поддерживать светский разговор, и Вика решила обойтись без церемоний. В конце концов, они знают друг друга не первый день!

— Тамара Петровна, — сбивчиво начала она, — я, конечно, лезу не в свое дело, но... У вас что-то случилось, да? Вы бы мне объяснили все, как есть. Я никому не скажу, если не будет совершенной необходимости, честное слово! Ну, зачем нам с вами эти недомолвки! Какой от них толк? Это с чужими, я еще понимаю, а нам-то с вами зачем?

— Ну, — растерянно заметила Тамара Петровна, — есть вещи, в которых лучше не быть уверенным до конца.

— Нету таких вещей, — убежденно возразила Вика. — Разве это лучше — не быть уверенным? Не понимаю я этого.

Тамара Петровна вдруг резко подняла голову, глянула гостье в лицо и почти побежала к шкафу. Вынув что-то из стопки белья, она протянула это Вике. Та не без удивления взяла — и вскрикнула от восторга.

— Господи, Тамарочка Петровна, где ж вы его нашли? Я без этого блокнота, как без рук. Я ведь сюда выписывала телефоны всяких шишек, которых приглашала на премьеру, а потом взяла и его посеяла. Вы представляете, какой труд был бы все это заново собирать? Да еще удастся ли по второму разу! Вы действительно мой добрый гений.

— Я нашла его в подсобке.

— Сегодня?

Тамара Петровна странно посмотрела и объяснила:

— Нет, не сегодня. Неделю назад.

— Жаль, что вы не вспомнили про него сразу, я, честно говоря, обыскалась. Нет, нет, не подумайте, что я ругаюсь, — спохватилась Вика, — наоборот, я понимаю, нам всем было не до того, и вы забыли. Интересно, как я могла потерять его в подсобке, вот уж не думала...

— Мне тоже интересно, — без малейшего выражения известила собеседница.

Лишь тут до Вики стало что-то доходить.

— Погодите, — произнесла она, — неделю назад... В день премьеры, да?

— Да. Точнее, вечером того дня. Сразу после убийства.

— После убийства? Но... после убийства его взяла бы милиция, они там все осматривали. Вы что-то путаете, Тамара Петровна.

— Я нашла его раньше.

— Раньше убийства?

— Нет, раньше милиции.

— Так вы были там раньше милиции? — осенило, наконец, Вику. — И видели... тело?

— Да. Я зашла в подсобку чуть успокоиться, была очень возбуждена, а там... это. И еще блокнот. Я подобрала его и ушла, и сделала вид, что не заходила. Я всегда восхищалась вами, Виктория Павловна. Вашим характером, вашей энергией, вашим талантом. Я и теперь, несмотря ни на что... Я сегодня постаралась убедить милиционера, что, хотя фонарик числится вашим, пользовались им все подряд. Кажется, он поверил. Это ведь все-таки не блокнот, а вещь более общего плана, на нее можно посмотреть сквозь пальцы... Но работать с вами я больше не стану. Простите. Всему есть предел.

Сперва Вика чуть было не обиделась, даже демонстративно и не слишком воспитанно постучала сама себя пальцем по лбу, а потом вдруг развеселилась. В день смерти хорошего знакомого хихикать вроде бы неуместно, однако сдержаться было невозможно. Тамара Петровна с ужасом за ней наблюдала, пока потенциальная убийца не отсмеялась и не сообщила убежденно и твердо:

— Вот что бывает, когда люди выдумывают всякие сложности там, где их нет. Вы подозревали меня, я вас, а надо было сразу поговорить по-человечески, да и с плеч долой. Я лично никого не убивала, а вы?

— И я тоже, — растерянно заверила собеседница.

— Вот видите, как хорошо. Вы решили, раз там мой блокнот, так это обязательно сделала я?

— Вы с ним ссорились...

— С ним все ссорились. Ой, Тамара Петровна, — обрадовалась Вика, — какая вы хорошая! Вы решили меня не выдавать, да? Спасибо! Слава богу, этого было не надо, но мне ужасно приятно знать, что вы бы меня не выдали. А как вы думаете, мне рассказывать теперь про блокнот Талызину или нет? Я имею в виду... ну, он может обидеться, что вы сразу ему все не рассказали... Может, мне придумать, что это я была после убийства в подсобке и нашла блокнот, как вы считаете? Нашла и испугалась признаться, а теперь вот признаюсь. Пусть меня и ругает, мне наплевать, а у вас давление. Или вообще все скрыть? Он очень хороший человек, но все-таки следователь, поэтому к нему надо относиться снисходительно. Он не может вести себя, как нормальные люди, понимаете?

Тамара Петровна взяла да заплакала.

— Я так устала за это время, — всхлипывала она. — Все врала, врала, и думала, думала... Вы бы рассказали ему, как есть, Викушка, раз это не вы... Мне будет легче на душе.

— Ну, конечно, — поспешила заверить Вика, обнимая помощницу. — Сейчас же поеду и все расскажу. И пусть только попробует вас обидеть, мало ему не покажется!

Собеседница по-прежнему рыдала, но Вика знала простой способ это прекратить. Уж в подобных делах она имела огромный опыт!

— Тамарочка Петровна, — обратилась она, — вы у нас самая наблюдательная, и только вы можете мне помочь. Никто не знал про Кирилла с Наташей, а вы ведь знали, правда?

— Да.

— А с кем-нибудь еще у него что-то было? Ну, вы понимаете, в каком смысле...

Тамара Петровна, моментально успокоившись, задумалась.

— В общем-то, он строил куры всем, даже Дашеньке.

— Дашеньке?

— Она, бедняжка, по мягкости характера не всегда умела ответить ему достаточно определенно, но не думаю, что между ними что-то было. Нет, непохоже! Скорее уж... но это тоже не наверняка, имейте в виду!

— Что?

— Галина Николаевна принимала его ухаживания весьма благосклонно, но возможно, это просто ее манера поведения с мужчинами. Я ни разу не видела ничего, что явно свидетельствовало бы об их связи. Флирт — несомненно, а насчет связи утверждать не берусь. Хотя... вы навели меня на мысль.

— Какую мысль?

— Чем вызвано это загадочное завещание. Я как-то не задумывалась, а теперь...

Вика быстро сообразила, что речь идет о завещании Преображенского, и уточнила:

— Вы имеете в виду, почему Евгений Борисович оставил все не жене, а Дашеньке?

— Откровенно говоря, — заметила Тамара Петровна, — меня изумляло не столько содержание, сколько форма этого документа. Что оставил все Дашеньке, понятно — испробовал все способы ее привлечь и решил попробовать еще и этот. Хотя было совершенно очевидно, что бесполезно, но влюбленный пожилой мужчина — это тяжелый случай, и удержу они не знают. Но зачем же в завещании демонстративно оскорблять жену?

— А разве он оскорблял ее демонстративно? Просто ничего ей не оставил.

— Ах, — со снисходительной улыбкой махнула рукой собеседница, — вы, Викушка, как всегда, не в курсе. Вы живете искусством и выше мелочей жизни. Бедную Галину Николаевну особенно задело... сейчас, я, возможно, припомню почти дословно... «Моя жена не имеет отношения к моему бизнесу и ни при каких условиях не имеет права унаследовать его целиком или частично». Примерно так. Или даже там была более определенная фраза, мол, моя жена не заслуживает того, чтобы получить мое наследство. Галина Николаевна цитировала мне прямо наизусть, еще бы, представляю, как ей обидно! Только я, к сожалению, со слуха запоминаю не очень хорошо. Но я сразу почувствовала, что там есть некий подтекст, понимаете? Не только оставить все Дашеньке, но лишь бы не жене. И вот теперь напрашивается мысль... если он знал о... о слишком хороших отношениях жены с Кириллом... Знаете, мужья, которые сами ходят на сторону, обычно очень ревнивы. Тогда все становится на свои места. Евгений Борисович, он из тех, кто любит одним ударом убивать двух зайцев.

Вика недоуменно пожала плечами. Надо же, Тамара Петровна в подробностях знает о завещании! Впрочем, она из тех, кто действительно все о всех знает.

— А что же теперь будет? Ведь Даша от его денег отказалась. Они все-таки достанутся Галине Николаевне или нет?

— Наверное, это зависит от квалификации ее адвоката. Вот уж, человек предполагает, а бог располагает. Пережить сразу после смерти мужа второй такой удар! А что касается Даши, не уверена, что Денис позволит ей отказаться от денег. Он, знаете ли, скуповат, а с чувством такта у него явные нелады. К тому же мечтает об отдельной квартире, а ограничивать себя во всем ему не хочется. Конечно, не берусь судить наверняка...

— Так ведь он позволил Даше отказаться! — напомнила Вика.

— Ну, это сгоряча, а теперь запел другую песню. Дашенька пока держится стойко, но с ее покладистым характером... Впрочем, поживем — увидим. В любом случае Галина Николаевна собирается судиться, что, кстати, является открытым неуважением к памяти мужа. С другой стороны, ее можно понять — деньги там немалые. Ей повезло, что Евгений Борисович не успел развестись.

— А что, собирался?

— Его планы трудно было разгадать. Теперь Галина Николаевна утверждает, что нет, но десять дней назад, несомненно, была в панике. О господи, сколько событий произошло за эти десять дней, и как я намучилась! Вы не представляете, как я рада, Виктория Павловна, что это не вы! Честное слово, гора с плеч! Но вы уж постарайтесь, чтобы Игорь Витальевич не очень на меня разозлился. Вы сумеете, я убеждена!

Вика не до конца разделяла данное убеждение, однако кивнула и, подойдя к телефону, набрала выученный уже наизусть номер. Оказалось, рабочий день следователя успел закончиться, и она, чуть помешкав, рискнула впервые позвонить Талызину домой.

— Игорь Витальевич? — без обиняков начала она. — Мне надо срочно с вами поговорить. Нет, я не у себя. Может, я подъеду к вам? Это ненадолго. Или вы устали? Тогда подождем до завтра. Я как-то не сообразила, вам, наверное, не хочется тратить свое свободное время... или... Хорошо, я еду.

Квартира следователя содержалась в безупречном порядке, несколько Вику подавившем.

— Как вы умудряетесь, Игорь Витальевич? Вот у нас, например, когда был кот, так он разодрал внизу все обои.

— А у моего Барсика, — гордо доложил Талызин, — имеется специальный чурбачок для заточки когтей, и он использует только его. Барсик, поздоровайся с Викой и покажи, как ты точишь когти! Ими он весьма гордится.

Здоровый сиамский котяра, выгнув спину, демонстративно поскреб обтянутую чем-то доску.

— Зная ваши пристрастия, я сварил кофе. Не откажетесь?

Но Вика, не желая откладывать неприятное в долгий ящик, глубоко вздохнула и выпалила:

— Игорь Витальевич, я должна вам что-то сказать, но вы мне обязательно что-то обещайте, хорошо?

Тот, явно слегка оторопев, ответил:

— И что я должен обещать?

— А давайте вы сперва обещаете, а потом я скажу, что, — хитро предложила Вика.

Собеседник, не выдержав, разразился смехом, потом с трудом выдавил:

— Не хочу вас обижать, но последний раз я соглашался на подобный эксперимент в детском саду. И кого вы на этот раз покрываете? Неужели Марину? Очень жаль, она наконец-то перестала меня раздражать. Что же она натворила?

Похоже, дома следователь был более раскован и откровенен, чем в других местах, поэтому Вика рискнула признаться:

— Натворила скорее я. То есть... не то, чтобы натворила... короче, вот!

И она протянула блокнот.

Талызин быстро его пролистал.

— Насколько я понимаю, это телефоны ваших коллег. И что?

— Один человек... один очень хороший человек нашел это в подсобке.

— Когда?

— В день убийства Евгения Борисовича. Наверное, сразу после, понимаете? Зашел в подсобку и увидел тело и блокнот. А человек этот такой хороший, что взял блокнот и ушел, как будто там и не был.

— Хороший человек, — ехидно протянул Игорь Витальевич.

— Да, хороший! — с вызовом повторила Вика. — Сам страдал, а меня подводить не хотел. Вы считаете, что хорошие — это стукачи, да? А я считаю, если вы станете мучить человека только за то, что он не стукач, так лучше б я не говорила вам ничего!

— Вообще-то, у меня нет привычки мучить старушек, — задумчиво произнес Талызин. — Но, возможно, стоит начать, и мне сразу понравится?

— А... а почему старушек?

— Дело в том, дорогая Вика, что у меня телефон с определителем номера. Впрочем, и без того легко было догадаться. А теперь попьем кофею, и вы мне все расскажете. В подробностях!

Выслушав и действительно вникая в мельчайшие подробности, следователь поинтересовался:

— А как вам кажется, Вика, вы действительно потеряли этот блокнот в подсобке? Это достаточно вероятно?

— Это как раз очень странно, Игорь Витальевич, потому что мне казалось, я в тот день в подсобке не была вовсе. Точно я, конечно, не помню, но почти уверена. Понимаете, еще утром блокнот был у меня, я кое-кому звонила, а на следующий день обнаружила, что потеряла. Ужасно было некстати, и я искала его везде, но про подсобку даже не думала. Но он точно был там, уж Тамара Петровна врать бы не стала!

— В таком случае... как вы считаете, кто из студии имеет на вас зуб? Кто мог бы захотеть причинить вам неприятности?

— Да что вы, Игорь Витальевич, — засмеялась Вика. — Да глупости какие! Меня знаете, как собственный сын зовет? Маша-растеряша. Я все теряю, а он находит. Ну, кто мне может хотеть зла?

— Для этого надо и впрямь быть совсем уж беспринципным, — согласился Талызин, — но убийства обычно совершаются не самыми благородными из людей. Сперва блокнот, потом фонарик. Сам по себе фонарик еще ничего не значит, но в совокупности с блокнотом... Слава богу, делом занимаюсь я, хорошо вас знающий, а иначе у вас могли бы быть большие проблемы, и убийца прекрасно это понимал. Кто же это так вас не любит?

— Разве что Сосновцев, и то сомневаюсь. Зачем ему это?

— Чтобы отвести подозрения от себя, разумеется. Скажите-ка, а ваша Тамара Петровна заслуживает доверия? Она не склонна фантазировать? В данном случае я имею в виду то, что связано с завещанием. Я, разумеется, все проверю, но хотелось бы знать.

— Ну... она немножко сплетница, но безобидная. На пустом месте она ничего не выдумает, это точно, но любит помусолить так и этак, порассуждать: «А если он, а если она»... А вообще-то, она всегда все про всех знает.

— Ну, что ж, — вздохнул следователь, — хотя с вами и хорошо, отправлюсь-ка я к особе, которая все про всех знает. Мне тоже не мешало бы все про всех знать. А завтра, пожалуй, придется снова собрать вас всех вместе. У вас ведь все равно вечером назначена репетиция, так?

— Мы же ее отменили из-за...

— И тем не менее придется приехать. Полагаю, это для всех предпочтительнее, чем приезжать в прокуратуру.

Мысль была безусловно верной, и потому на следующий вечер Вика привычно сидела в любимом кресле, взирала на знакомые лица и в ожидании Талызина с отвращением слушала, как бубнит в ухо Дашеньке корыстный Денис. Бубнил он негромко, но на редкость внятно.

— Ну, подумай сама, — словно попугай, повторял он, — раз человек так сильно не хотел, чтобы деньги достались его жене, то будет вопиющим неуважением к покойному, если они ей достанутся.

— Они ей и не достанутся, — кротко предполагала Даша.

— Достанутся, я знаю. Она хитрая баба. И Преображенский перевернется в гробу, я уверен. И все из-за тебя!

— Мне не надо его денег, Денис. Ей надо, так пусть получит.

— А ведь ты говорила, что восхищаешься им за его талант. А выходит, ты совсем его не уважала.

— Уважала.

— Тогда ты должна выполнить его желание, а не делать так, как хочешь ты. Это его деньги, и он имеет право ими распорядиться. А ты нарушаешь его волю из-за своих капризов.

Подобное с небольшими вариациями продолжалось довольно долго, и несчастная Дашенька мрачнела на глазах, пока, просияв, неожиданно не выдала гениальную идею:

— Хорошо. Если хочешь, я приму его деньги и передам их... передам их... ну, например, в фонд помощи безработным актерам. Это ведь не будет неуважением к его памяти, наоборот, правда? И мы с тобой не будем больше ссориться. Потому что ты, наверное, прав и я должна делать, как хотел бы Евгений Борисович, но взять его деньги я все равно не могу. Я здорово придумала, да?

Денис поперхнулся и ошарашено замолк, не найдя, что возразить, — к откровенному злорадству окружающих. Впрочем, главная героиня спора, Галина Николаевна, пока отсутствовала. Она появилась вскоре после этого эпизода, и лицо ее светилось непонятым торжеством.

— Какой чудесный человек — Игорь Витальевич, — мило улыбаясь, заявила в пространство она. — Знаете, если б не он, я бы еще долго не решилась начать разбираться в Жениных делах.

— Узнали что-то новое? — любопытно спросила Тамара Петровна. — Приятное? Я очень за вас рада.

— Приятное, — согласилась с нею вдова, глядя, впрочем, на съезжившуюся Дашеньку. — Весьма. Я узнала, почему Женя не хотел, чтобы я унаследовала его дела, а оставил наследство вашей милой крошке. Все-таки второго такого человека, как он, на свете нет и не было. Он гений, не правда ли, Тамара Петровна?

А смотрела по-прежнему на Дашу, и, если б взглядом можно было испепелить, от той, несомненно, осталась бы лишь горстка пепла.

— Да, Евгений Борисович был гений. Но я не поняла вас, Галина Николаевна. Так почему он...

— Дело в том, дорогая Тамара Петровна, что его бизнес... вот уж никто бы не подумал... его бизнес, представьте себе, совершенно прогорел. Оставить можно было лишь долги, понимаете? А все, что имеет ценность, — квартира, машина, дача, драгоценности, — записано на мое имя. Предусмотрительно, не так ли? Это завещание — шутка как раз в Женином духе. У него всегда было неортодоксальное чувство юмора, и я представляю, сколько удовольствия это завещание ему доставило! Жаль, что он не успел хорошенько им насладиться и всласть поморочить голову бедной дурочке, он ведь так любил разыгрывать дураков!

— Вы врете, — грубо выкрикнул Денис.

— Зачем мне врать, мальчик? Впрочем, спросите следователя, вот и он. Игорь Витальевич, этот мальчик мне не верит, представляете?

Талызин флегматично подтвердил ее сообщение и без особого энтузиазма задал окружающим несколько формальных вопросов, после чего благополучно разрешил идти. Вике его поведение показалось странным — стоило ли собирать людей из-за таких пустяков, — но никто, разумеется, предъявлять претензии не решился. Все разошлись, кроме нее, следователя и Марины, которая с несвойственной ей фамильярностью порывисто схватила следователя за рукав.

— Вы видели, Игорь Витальевич? — быстро произнесла она. — Вы ведь наверняка были вон там и все видели, да? Ну, вы ведь видели это? Вы видели ее лицо?

— Я слышал его слова, — недовольно заметил Талызин.

Марина вздрогнула, поникла, потом добавила:

— Как слепы мужчины! Вы что, действительно не видели?

— Чего он не видел? — не выдержала Вика. — Объясни толком!

— Выражения Дашиного лица в тот момент, когда Галина Николаевна сказала, что никакого наследства нет. Ты-то хоть видела, Вика?

— Ну... я как-то не обратила внимания. Наверное, она обрадовалась, да? Не придется теперь ссориться из-за этого с Денисом. Я очень за нее рада.

— Она обрадовалась? Ха! Господи, наконец-то мне удалось увидеть ее истинное лицо! Лицо хищницы, настоящей жестокой хищницы! А я-то уж думала — неужели действительно не люблю бедную девочку из зависти, неужели она и впрямь такая простодушная да непосредственная, какую притворяется? Но все в ее поведении, все резало мне глаз, понимаешь? Я чувствовала, что она играет. Гениально, но играет. Балаган, тот самый полинялый балаган, помнишь? «Лицо дневное Арлекина еще бледней, чем лик Пьеро»... А в этот момент, в момент сильного душевного потрясения, в момент крушения всех планов, маска упала с ее лица, и обнажилась истинная сущность. Я видела, видела, и никто не убедит меня, будто этого не было. Даже вы не убедите, Игорь Витальевич. И не делайте вид, что этого не видели вы. Это Вика могла не обратить внимания, а вы профессионал, вы должны были видеть.

— Ну, — неохотно признался тот, — я, конечно, не стану уверять, что Дашенька обрадовалась, но, в конце концов, выражение лица можно трактовать очень по-разному. Девочка испытала потрясение, а Галина Николаевна постоянно ее оскорбляла. В такой ситуации даже ангел испытает не лучшие чувства.

— Вот ангел-то как раз нет, если это и впрямь наш милый, недалекий, всепрощающий ангел! Дашенька перестаралась с созданием образа, роль подобного ангела ей оказалась не по плечу, следовало избрать нечто пореалистичнее. Скажите откровенно, Игорь Витальевич, вот согласуется

ли с имеющимся в вашей душе образом этой девочки то выражение ненависти, отчаянья и злобы, которое вы видели на ее лице?

Талызин вздохнул.

— Не скрою, в ее характере я сильно ошибался, но из этого вовсе не следует, что она убийца или даже что она знала об убийствах. Да, перспектива получить большие деньги ее действительно сильно прельщала, с этим спорить не могу, но уверен, что Денис все же действовал самостоятельно, на свой страх и риск. Совершенно очевидно, что если она и хотела этих денег, так только ради Дениса и по его наущению.

— Неужели? — подняла брови Марина.

— Вы же сами слышали! Именно он уговаривал ее принять деньги, а она упорно отказывалась.

— В подобной ситуации действовать на свой страх и риск было весьма глупо с его стороны.

— Ничуть! Зная ее покладистый характер...

— Вы опять за свое! Вы разве забыли, что в ее характере сильно ошибались?

Вика поняла, что не миновать ссоры, и поспешно вмешалась.

— Вы про что такое тут говорите? Ведь Кирилл убили вовсе не из-за денег, а Евгения Борисовича вообще случайно, мы же теперь это точно знаем! Что-то вы перемудрили, господа.

— Понимаешь, Вика, — пояснила Марина, — меня все время терзала эта дурацкая записка. «На третий раз ошибки не будет». Зачем она?

— Ну, мы ведь вчера решили. Если убивают по страсти, то хотят, чтобы враг...

— Хорошо, пусть по страсти, пусть хотят, но ведь тогда скажут лично, а не станут записку писать, да еще на машинке! Если б его убила любовница, она бы высказала ему все, что думает, или в крайнем случае написала нормальное возмущенное письмо, а не стала печатать безликую записку без подписи. Глупо и бессмысленно! Печатают, да еще без подписи, в том случае, когда хотят скрыть свое имя, но ведь имя собственной любовницы Кирилл должен был знать!

— Это конечно, но тогда действительно непонятно — зачем?

— Вот именно. Я все мучилась и мучилась, пытаюсь это согласовать, а потом вдруг подумала: «А к чему привела эта записка?»

— К чему?

— К тому, что мы отвлеклись от Евгения Борисовича на Кирилл. Мы решили, что Евгений Борисович погиб по ошибке, а истинной жертвой был Кирилл, и стали искать совсем другие мотивы, причем мотивы страсти, а не корысти. Вот к чему привела записка, и вот в чем ее смысл. Она подсунута специально, чтобы сбить нас с толку.

Вика отрицательно покачала головой.

— Так ведь убийца тщательно искал ее с фонариком, чтобы забрать!

— Искал, да почему-то не нашел. Вывернул несчастному карманы, а тот хранил записку за отворотом рукава. С чего это Кирилл хранил бы что-нибудь в рукаве? Он что, фокусы нам намеревался показывать? Нет, просто убийце требовалось навести нас на мысль о том, что он старательно искал записку. Искал, а потом чего-то испугался, бросил фонарик и убежал. Чего это он испугался посреди ночи, когда кругом никого не было? Шарь себе хоть три часа.

Нет, Евгения Борисовича убили вовсе не случайно, а Кирилл... его потому, что он что-то знал или, по крайней мере, подозревал про это убийство. Он ведь явно сообщил тебе об этом в вечер своей смерти, и, если бы не хитрый маневр с запиской, мы бы сразу акцентировали на этом внимание и обо всем догадались.

Марина вопросительно глянула на следователя, и тот подтвердил:

— Полностью с вами согласен. До этого момента наши выводы совпадают, однако дальше... Вы сами произнесли — «хитрый маневр». Да и затея с блоком скорее указывает на умного мужчину, чем на глупенькую девочку.

— А по-вашему, если девочка при виде вас хлопает глазками, так она непременно глупенькая? Между прочим, это делается, наоборот, от большого ума. Она вертит вами с помощью наивных глазок, а вы и рады! Господи, ведь даже я попала, даже я! Игорь Витальевич, — она прищурилась, — вы наверняка помните, где глупенькая Дашенька учится?

— В Техническом университете.

— Вот именно! В Техническом университете. И я случайно знаю, на каком именно факультете — на механическом. Повторяю для тех, кто не понял — на механическом. И, кстати, учится без

троек. По поводу умения разобраться с блоком вопросы есть? И еще один момент! Помните трогательную сцену, когда бедное дитя пыталось взять на себя вину, дабы спасти возлюбленного? Не знаю, в каком женском романе она это откопала, только, по-моему, перестаралась. Чтобы студентка механического факультета настолько не представляла себе, сколько весит блок! Я и то понимала, что поднять его невозможно, а она делала вид, будто не понимает, и все мы это проглотили. Ах, какие мы по сравнению с нею умные, как ловко мы разоблачили ее невинную ложь! Так нам и надо, дуракам! Представляю, как она потешалась — ведь эта ложь и была рассчитана на разоблачение. Это мы не могли правильно оценить Дашенькины способности, а она нас оценила безошибочно.

— Но она отказывалась от денег, — без прежней убежденности возразил Талызин. — Она отказывалась, а Денис хочет их получить.

— А вы покопайте хорошенько, и выяснится, что мысль об этих деньгах подсказала Денису Дашенька, и гениальный аргумент, что следует уважать волю покойного, тоже. Много Денису дела до воли покойного Преображенского! Она ловко вкладывала свои мысли в голову жениха, чтобы в случае чего свалить на него вину. Нет, вы не сможете отрицать, Игорь Витальевич, что теперь все сходится! Вспомните! На банкете Преображенский произносил тост о самом великом дне своей жизни, о разговоре, который еще не закончен. Он что, имел в виду Дениса? Нет уж, несомненно, Дашеньку, которая наконец-то назначила ему свидание в подсобке. Назначила, предварительно заставив написать завещание.

— Заставив? — иронически переспросил следователь, и Марина, усмехнувшись, поправила:

— Нет, просто с наивной непосредственностью подтолкнув его к этой мысли. Я прямо вижу эту картину. Он: «Я люблю тебя, Дашенька». Она, опустив голубенькие глазки: «Ах, Евгений Борисович, мне трудно в это поверить! Кто вы и кто я? Если бы я поверила в вашу любовь, тогда, возможно... Но нет, это с вашей стороны мимолетный каприз, а не глубокое истинное чувство!» Он: «Ну, что ты, любимая! Что я должен сделать, чтобы ты поверила мне? Я готов отдать тебе все, весь белый свет!» Она: «Это слова, пустые слова». Он: «Тебе нужны не слова, а дела?» Она, похлопав глазками: «Что вы имеете в виду?» Он: «Я рад отдать тебе все, чем владею. Хочешь, я завещаю все тебе?» Она: «Мне не нужны ваши деньги, я просто хочу убедиться в вашей любви». Но в этот момент у нее зарождается мысль об убийстве. Она понимает, что завещание в любой день можно переписать, и, едва удовлетворив свои аппетиты, Евгений Борисович именно так и поступит. Значит, надо ловить момент, пока страсть, как ей чудится, застит ему разум. Но девочка выбрала добычу не по зубам! Это тебе не прозрачно ясный Денис и даже не сама она с ее дилетантской игрой, это был Гений преображения. В первом раунде он ее обыграл. Зная, что завещать нечего, он великодушно и безоглядно написал все, что она хотела, якобы оскорбив жену, а на самом деле, наоборот, обезопасив ее. Но даже он не догадывался, что ради несуществующих денег бедное дитя способно его убить. Несуществующих, но огромных. Сперва она открыла люк, потом пошуровала в блоке — и второй раунд был за ней. Правда, она не знала, что приз-то ее в конце ждет липовый! Предсмертная шутка гения, очень на него похоже.

— По почему она тогда отказывалась от денег? — упорствовала Вика.

— Да это же элементарно! Человек пишет новое завещание и тут же погибает. Кто его убил? Разумеется, новый наследник. Против настолько очевидного соображения не помогло бы даже хлопанье голубенькими глазками. А вот если ты упорно отказываешься от денег, а твой алчный, но любимый жених хочет их получить, а ты такая глупенькая, такая покладистая... Значит, если кто и задумал плохое, так это жених, а ты не при чем. Ах, она отдаст деньги в какой-то там фонд! А потом окажется, что мешает бюрократическая волокита или еще что-нибудь, да и вообще, со временем намерение забудется. К тому же этот ловкий ход с запиской! Я им просто восхищаюсь.

— Вы слишком низкого мнения о мужчинах, чтобы приписать данный ход Денису? — язвительно осведомился Талызин.

— Игорь Витальевич, неужели она даже вам настолько задурила голову? Я была уверена, вы не в восторге от блондинок.

— При чем тут цвет ее волос и мои вкусы?

— А при том! Подумайте сами. Кирилла убили потому, что он что-то знал о первом убийстве, вы согласны?

— Да.

— Итак, он подозревает кого-то в убийстве. Нет, не то, подозрением тут не обойдешься! Предположим, заглянув в день премьеры в подсобку в поисках Наташи, он увидел, как некто химичит с блоком. И тем не менее, обратите внимание, он не считает этого человека убийцей, не выдает его милиции, рискует ради него и не верит собственным глазам. Его разум отказывается сопоставлять факты, а душа не воспринимает очевидное. Потом, чтобы обезопасить себя, раз на него самого упали подозрения, Кирилл решает все же рассказать о странном эпизоде, о чем и предупреждает Вику. И все равно не рассказывает, жалеет неизвестного, даже соглашается на встречу поздним вечером в темном коридоре, чтобы дать человеку возможность оправдаться. И, по-вашему, это все относится к Денису? Да ни за что! Поставьте себя на место Кирилла, Игорь Витальевич. Подозревай вы меня, так обязательно бы выдали, и Галину Николаевну бы тоже выдали, и даже Наташу. А вот Дашеньку — нет. Она не может быть убийцей, ее смешно опасаться, ее надо оберегать от грубых обвинений. «Ах, — шепчет Кириллу Дашенька, — подожди хотя бы до завтра, сегодня вечером я все тебе объясню! Ты ведь такой благородный, ты меня пожалеешь! Знаешь, ты — единственный настоящий мужчина у нас в студии!» И в своей невинности она не замечает, что придвинулась к собеседнику так близко, почти касаясь губами его уха. Бабник Кирилл не в силах устоять и соглашается на ночное randevu, ожидая получить там вознаграждение за проявленное благородство. Тем более, он все равно не верит, что Дашенька способна на убийство, он хотел выдать ее лишь для того, чтобы отвлечь внимание от себя! И вот, зайдя в темный коридор, он слышит милый трогательный голосок: «Я здесь! Иди сюда!» Он идет — а на пути открытый люк. Он падает и разбивается, а Даша подсовывает ему записку и оставляет рядом с телом фонарик. Вот уж, она сумела извлечь выгоду даже из неприятности! Казалось бы, девочка попала в переплет, ее видели при подготовке преступления, пришлось убить свидетеля — зато какой выигрыш! Если бы не смерть Кирилла, все наше внимание было бы направлено на удивительное завещание и мы могли бы кое-что заподозрить, однако по сравнению со смертью Кирилла завещание отступает на второй план. Как быстро придумано и как ловко сработано!

— Но у них с Денисом алиби, — вставила Вика.

— Неужели Денис не обеспечил бы бедной девочке алиби? «Давай скажем вот так и так, Денис, это будет лучше для нас обоих. Мы оба никого не убивали, так что ничего плохого в нашем невинном обмане нет». Денису и самому было спокойнее иметь алиби, на всякий случай, вот он и согласился.

— Так вы не верите даже в сговор между ними? — ехидно уточнил Талызин. — Хотите все преступления навесить на нее, а он якобы — покорная игрушка?

— Игорь Витальевич! — горячо воскликнула Марина. — Если б Денис приложил руку к убийству Преображенского, как по-вашему, он стал бы при всех настойчиво демонстрировать заинтересованность в его деньгах? Он что, совсем дурак? А он, во-первых, не дурак, а во-вторых, никудышный артист. Я не слишком-то люблю Дениса и не слишком уважаю его, но в его поведении не чувствую ни малейшей фальши. В поведении Даши чувствую, а в его — нет. И, если он играет, значит, он талантлив, как... как... как сам Преображенский, наверное. Только я в это не верю. Подобный талант не скроешь.

— Денис — как Преображенский? — засмеялась Вика. — Да ты что? Уж я-то знаю! Вот Дашенька, у нее действительно талант, а у Дениса одна фактура. Но, — она помрачнела, — я все равно во все это не верю. Может быть, убила Галина Николаевна? Она не знала, что муж уже успел написать новое завещание, но боялась этого, вот и убила. А Кирилл ее не выдал, потому что за ней ухаживал. Разве не сходится? Я скорее поверю, что это она подкинула в подсобку мой блокнот, чем в то, что меня хотел подставить кто-то из своих. Ну, как они могли, Маринка, подумай! Они не такие.

— А скажите, Вика, — вдруг вскинулся следователь, — этот блокнот не наводит вас ни на какие мысли? Вы не вспоминаете, что при ком-то из них его вынимали, кто-то им интересовался?

— Ну, — призналась Вика, — вообще-то, Дашенька интересовалась, мы вместе по нему смотрели, какие именно знаменитости должны прийти, но это же еще не значит...

— Кстати, он у вас с собой?

Вика с удивлением протянула Талызину блокнот.

— Вика, а как фамилия той нахальной девицы, которая на банкете бегала с диктофоном? Такая, вся в коже и заклепках?

— Так это Юлия Чернова, Игорь Витальевич. Она и написала ту самую статью, ну, вы помните!

— Прекрасно! А вот и ее телефончик.

— Вы все-таки гений, Игорь Витальевич, — неожиданно констатировала Марина. — Господи, хоть бы она еще не стерла эту запись! А ведь до меня тоже должно было дойти, но не дошло.

— Возможно, ничего нас интересующего в этой записи нет, — вздохнул следователь, — так что в гении вы меня произвели рановато. Вика, у меня к вам просьба, весьма серьезная.

Вика замерла, а он продолжил:

— Я понимаю, вам хочется срочно поехать к Дашеньке и предупредить, что я вынашиваю против нее коварные планы. Полагаю, поехать с тем же самым к Денису вам тоже хочется. Я прошу вас не делать этого и сохранить пока все наши рассуждения в тайне. Сделайте это ради меня, пожалуйста! Поверьте, я не буду знать ни минуты покоя, пока не раскрою это дело. Я допустил ошибку, из-за которой погиб человек, конечно, ее уже не исправишь, но если я найду убийцу, мне станет легче. Не мешайте мне в этом, как бы вы ни жалели кого-то из них! Вы обещаете мне это? Поверьте, невинные не пострадают!

— О господи, Игорь Витальевич! — искренне воскликнула Вика. — Как хорошо, что вы мне прямо все сказали! Раз я теперь знаю, как для вас это важно, я, конечно же, никому ничего не скажу. Если мне надо выбирать, кому помочь, им или вам, так ужели я выберу не вас? Как вы могли такое подумать, Игорь Витальевич?

Она ожидала, что собеседник обрадуется, но он почему-то смутился и заторопился. Зато на следующий вечер Талызин явился к Вике домой, и его непроницаемое обычно лицо светилось удовлетворением.

— Алиби у нашей влюбленной парочки действительно липовое. Денис и впрямь никудышный актер и быстро сломался, тем более, он не считает этот момент особо важным. Они с Дашенькой Корниловой расстались у дома Наташи, Дашенька осталась, а Денис поехал домой. Марина права, Даша слишком старалась сыграть свою роль. Алиби не было практически ни у кого, поэтому его отсутствие казалось естественным, а вот создание фальшивого алиби — уже некий повод для подозрений. А теперь я хочу дать вам кое-что послушать, Вика.

Он включил диктофон, и раздался голос Преображенского — тот прекрасный, бархатный, богатый модуляциями и обертонами голос, какой узнаешь из тысячи, — правда, слегка измененный под воздействием алкоголя.

«О, Юлечка, сегодня у меня знаменательный день. Премьера, говорите? Можно сказать и так. В некотором роде это премьера. То, чего я добивался несколько месяцев, теперь у меня в руках. Ха-ха! Почему бы не назвать это премьерой, звучит даже пикантно. Вот скажите, Юлечка, откровенно, я ведь уже не молодой мужчина, правда? Не очень уже молодой. А красивым так вовсе никогда не был. А кругом — вот они! — молодые, красивые, настырные. Им все само валится в руки. Только между мной и ими есть одна маленькая разница. Я умен, Юлечка, а они глупы. Я гениален, а они бездарны. Фактура есть, а талант по нулям. И именно поэтому если кто кого украсит рогами, так я его, а не наоборот. К утру у этого роскошного юного красавца будут роскошные ветвистые рога. Гений — он же во всем гений, Юлечка, понимаете?»

Талызин прокрутил пленку дальше, снова нажал на кнопку.

«Ой, что вы, — пропищал кроткий, непривычно напряженный Дашенькин голосок. — Я не понимаю, про что вы такое говорите. Я очень уважаю Евгения Борисовича, я восхищаюсь его талантом, и... Нет, я не умею говорить на такие темы. Простите, я... у меня болит голова... видите, я весь вечер из-за этого сижу на своем месте, даже не вышла ни на минутку... ой, простите!»

Звучание стало приглушенным.

«Кирилл, куда ты? Не уходи, пожалуйста. А где Таша? Таша, посиди со мной, у меня так болит голова. Ты мне обещаешь, ладно? Не уходи от меня пока, помоги мне».

Игорь Витальевич остановил запись.

— Девочка снова чересчур усердствует, — прокомментировал он. — Не стоило подчеркивать, что она никуда не выходила. Впрочем, блок она наверняка испортила несколько раньше, и это, видимо, себе на беду заметил Кирилл.

— Но она так заботилась о нем и о Таше, чтобы они случайно не погибли. Ведь она нарочно не пускала их в подсобку, да?

— Полагаю, да, а уж вызвано это трогательной заботой или опасением, что столь тщательно спроектированная ловушка прикончит не того, кого нужно, это другой вопрос. По крайней мере, Юлия Чернова пленку израсходовала не зря.

— Но ведь это все — не улики и не доказательства? — подумав, предположила Вика. — Да, это согласуется с тем, что вы с Маринкой придумали, и очень согласуется, но разве этого достаточно для официального обвинения?

— Теперь достоверно известно, что Даша Корнилова назначила Преображенскому свидание, — заметил Талызин. — Это подтверждает и пленка, и устное заявление Черновой. Достоверно известно также, что она имела мотив для убийства — деньги. Кстати, о завещании она прекрасно знала — по крайней мере, так уверяет адвокат Преображенского. Эта девица настолько привыкла, что ей всегда и во всем верят на слово, что врала напропалую, и, стоило всерьез начать ее проверять, вскрылась масса несообразностей. А кто, кроме нее, мог украсть ваш блокнот, чтобы подбросить на место преступления? Кто сфабриковал себе фальшивое алиби на время второго преступления? Кто морочил нам голову незнанием механики, прекрасно ее зная? Не волнуйтесь, Вика, улик будет достаточно. Более того — я заставлю Корнилову признаться.

— Заставите? — переспросила Вика. Ей стало жаль Дашеньку, хоть та и оказалась убийцей. Что-то на редкость неотвратимое было в спокойном заявлении следователя. Он не хвастался, не предполагал — просто констатировал факт.

— Я знаю этот тип преступника, — пояснил Игорь Витальевич. — Если б в перспективе продолжали маячить деньги, сломать ее было б тяжело, но сейчас она деморализована. Столько усилий — и все впустую. Тут не выдержат самые крепкие нервы. Предложу ей напечатать на машинке Сосновцева текст, который мы нашли у Левинсона, предоставлю результат экспертизы — мол, подтверждается, что это ваша рука. Корнилова вынуждена будет признаться в убийствах — хотя, разумеется, поначалу станет уверять, будто совершила их непреднамеренно. А я буду ловить ее на одном противоречии за другим, пока не... Впрочем, это уже рутинка.

Талызин неожиданно взглянул собеседнице прямо в глаза.

— Вика, — произнес он, и знакомый голос вдруг зазвучал незнакомо. — Тебя раздражает то, чем я занимаюсь? Ты осуждаешь меня, поскольку я готов без сожалений отправить убийцу в тюрьму?

— О господи! — потрясенно воскликнула Вика. — Почему умные люди любят выдумывать странные вещи? Как я могу осуждать тебя за то, что ты делаешь свою работу? Разве ты виноват, что у тебя такая работа и что она тебе нравится? Нет, если бы этим заставили заниматься меня, меня бы это, наверное, раздражало, но раз тебе самому нравится, я могу только радоваться, что тебе хорошо. Тебя же не раздражает, что я занимаюсь театром.

— Ну, что ты. Знаешь, — непривычно разоткровенничался следователь, — когда я учился в школе, я ведь ходил в театральный кружок. Способностей у меня не было ни малейших, зато желание огромное. У нас была поразительная руководительница, Светлана Львовна, и она меня не гнала. Я изображал «кушать подано» и тому подобные вещи, а сам торчал на всех репетициях. Светлана Львовна на редкость красиво управляла нашим маленьким мирком и казалась мне некой богиней театра. Мне трудно было представить, что она — обычная женщина и бегает с сумками по магазинам. Мне казалось, она живет в другом, волшебном мире и пытается донести его до нас. Когда я увидел тебя впервые — ты как раз вышла на поклон — мне на минуту почудилось, что это она. Я даже оторопел. Потом понял, вы не так уж и похожи, но что-то неуловимо общее все же есть.

— Так ты поэтому дарил мне цветы? В память о ней? — Вика старалась скрыть обуревающие ее чувства и выглядеть поравнодушной, наивно полагая, что хоть немного в этом преуспела.

— Не знаю. Хотелось дарить, потому и дарил. А что касается большего... Я навел справки и узнал, как ты любила и продолжаешь любить мужа. Меня это поразило. Я ведь следователь и хорошо знаю людей, и я знаю, что подобное редко. Причем после его смерти ты не сломалась, а стала, видимо, лишь сильнее. Ты вообще во многом уникальный человек. По своей искренности, цельности.

Вика с замиранием сердца ждала продолжения, но собеседник смолк, а потом добавил про другое:

— Откровенно говоря, я в неоплатном долгу перед Евгением Борисовичем и хотя бы за это обязан довести его дело до конца. Да, он был сложным человеком и многим причинил зло, но он был и прекрасным человеком, чутким и умным.

— Что ты имеешь в виду? — изумилась Вика.

Игорь Витальевич смущенно хмыкнул.

— Твоя проницательная подруга целую теорию вывела из того, что на банкете я с ним поругался. Помнишь, она еще обвинила меня в убийстве?

— Ну, не совсем обвинила, а только...

— Как бы там ни было, наблюдательность ей не изменила. Я действительно с ним ругался.

— Серьезно? И из-за чего? Разве вы были знакомы?

— Из-за тебя, из-за чего же еще. Знаешь, что он мне сказал? «Молодой человек, — язвительно сказал он. — Вы что, думаете, я позвал бы вас сюда, если б знал, что вы будете сидеть, как истукан, и не воспользуетесь случаем? Или при ближайшем рассмотрении наша Вика вам не понравилась? Тогда что с вас возьмешь, таких глупых мужиков нам не надо». Я что-то стал лепетать про свое уважение к твоим чувствам, про нежелание вмешиваться в твою жизнь и тебя тревожить, а он ответил: «Конечно, одинокая русская баба остановит на скаку коня и войдет в горящую избу, но вряд ли многим из них нравится это делать. Впрочем, если мужику неохота помочь, он может уважать ее чувства и ее не тревожить — пускай справляется сама». Евгений Борисович, он умел ударить по больному. Кому скажи у меня на работе, не поверят, но я вскипел и стал в ответ... впрочем, не хочу даже повторять. Я ведь был неправ, а прав был он.

Вика задумалась, пытаясь понять, произнесено ли то, чего она ждала, или ей это только чудится, но ничего определенного решить не успела. Дверь открылась, и вошел Лешка.

— Привет, мама, — кивнул он. — Здравствуйте, Игорь Витальевич. Не волнуйтесь, я ненадолго.

— А у меня больше нет поводов волноваться, — весело ответил Талызин. — Лешка, поздравь меня! Вика согласна, так что в ближайшем будущем мы поженимся.

Вике казалось, что ее согласия никто не спрашивал, однако возмутиться этим не удалось — снова помешал собственный сын.

— Ну, особо жалеть вы не будете, — бодро сообщил он. — Мама, она у меня живет сама и дает жить другим. Конечно, безалаберная до крайности, но если ее в хорошие руки...

— Зато умею останавливать на скаку коней, — гордо парировала Вика, и ее мужчины дружно кивнули.